

Главный редактор: Крыштановская О.В., д-р социол. наук, проф.
E-mail: olgakrysh@ya.ru

Заместитель главного редактора: Грошев И.В., д-р психол. наук,
д-р экон. наук, проф.
E-mail: aus_tgy@mail.ru

Ответственный секретарь: Гришаева С.А., канд. психол. наук, доц.
E-mail: grishaeva@bk.ru

Ответственный за выпуск: Алексеева А.Н.
E-mail: ln_alekseeva@guu.ru

Редактор: Никитина Ю.С.
E-mail: ys_nikitina@guu.ru

Редактор перевода: Меньшиков А.В.
E-mail: av_menshikov@guu.ru

Выпускающий редактор и компьютерная верстка: Гусева Е.А.
E-mail: ea_malygina@guu.ru

Технический редактор: Тарасова Д.С.
E-mail: ds_tarasova@guu.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Федоров В.В. – канд. полит. наук, председатель Редакционной коллегии
(Всероссийский центр изучения общественного мнения, г. Москва, Россия)

Василенко Л.А. – д-р социол. наук, проф. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия)

Викторов И. – д-р филос. наук (Стокгольмский университет, г. Стокгольм, Швеция)

Гришаева С.А. – канд. психол. наук, доц. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Грошев И.В. – д-р психол. наук, д-р экон. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Зотов В.В. – д-р социол. наук, проф. (Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет), г. Москва, Россия)

Кастуева-Жан Т. – PhD (Институт международных отношений, г. Париж, Франция)

Кибакин М.В. – д-р социол. наук, проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия)

Красовский Ю.Д. – д-р социол. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Крыштановская О.В. – д-р социол. наук, проф. (Государственный университет управления, г. Москва, Россия)

Мещерякова Н.Н. – д-р социол. наук, проф. (Национальный исследовательский Томский политехнический университет, г. Томск, Россия)

Милёхин А.В. – д-р социол. наук, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исследовательский холдинг «Ромир», г. Москва, Россия)

Новиков В.Г. – д-р социол. наук, д-р экон. наук, проф. (Российская академия наук, г. Москва, Россия)

Смирнова Т.В. – д-р социол. наук, проф. (Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия)

Степень-Кучинска Алиция – д-р полит. наук, проф. (Лодзинский университет, г. Лодзь, Польша)

Сулаков Б.А. – д-р социол. наук, канд. техн. наук, проф. (Институт мировых цивилизаций, г. Москва, Россия)

Маркин В.В. – д-р социол. наук, проф. (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия)

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям:

– 22.00.01 «Теория, методология и история социологии (социологические науки)»;

– 22.00.03 «Экономическая социология и демография (социологические науки)»;

– 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)»;

– 22.00.05 «Политическая социология (социологические науки)»;

– 22.00.06 «Социология культуры (социологические науки)»;

– 22.00.08 «Социология управления (социологические науки)».

Миссия журнала состоит во всестороннем и объективном освещении, оперативном и независимом информировании читателей об исследованиях в сфере цифровой социологии.

Цели журнала:

– обмен научными сведениями о новых решениях и применении информационных технологий в социологии;

– широкое обсуждение новых идей в области цифровой социологии – отрасли социологической науки, исследующей роль сети «Интернета» и влияние электронных технологий на социальную жизнь в целом;

– организация международного сотрудничества через обмен научными идеями и привлечение специалистов в области цифровой социологии из разных стран к работе в составе редакционной коллегии и к опубликованию ими своих статей.

Все публикуемые статьи прошли обязательную процедуру рецензирования

Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 24.08.2018
ПИ № ФС 77-73528

Подписной индекс 79135 в интернет-версии «Объединенного каталога «Пресса России» на сайтах www.pressa-ru.ru и www.akc.ru

Подп. в печ. 07.10.2021 г.
Формат 60×90/8
Объем 8,00 печ. л.
Тираж 1000 экз.
(первый завод 100 экз.)
Заказ № 878

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)

Адрес редакции: 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99, главный учебный корпус, кабинеты 346 и 345А.

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования.

Editor-in-chief: O.V. Kryshtanovskaya, Dr. Sci. (Soc.), prof.
E-mail: olgakrysht@ya.ru

Deputy editor-in-chief: I.V. Groshev, Dr. Sci. (Psy.), Dr. Sci. (Econ.), prof.
E-mail: aus_tgy@mail.ru

Executive Secretary: S.A. Grishaeva, Cand. Sci. (Pcy.), assoc. prof.
E-mail: grishaeva@bk.ru

Responsible for issue: L.N. Alekseeva
E-mail: ln_alekseeva@guu.ru

Editor: Yu.S. Nikitina
E-mail: ys_nikitina@guu.ru

Translation editor: A.V. Menshikov
E-mail: av_menshikov@guu.ru

Executive editor and desktop publishing: E.A. Guseva
E-mail: ea_malygina@guu.ru

Technical editor: D.S. Tarasova
E-mail: ds_tarasova@guu.ru

EDITORIAL BOARD

V.V. Fedorov – Cand. Sci. (Pol.), chairman of the Editorial board (Russian Public Opinion Research, Moscow, Russia)

L.A. Vasilenko – Dr. Sci. (Econ.), prof. (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

I. Viktorov – PhD (Stockholm University, Stockholm, Sweden)

S.A. Grishaeva – Cand. Sci. (Psy.), assoc. prof. (State University of management, Moscow, Russia)

I.V. Groshev – Dr. Sci. (Psy.), Dr. Sci. (Econ.), prof. (State University of Management, Moscow, Russia)

V.V. Zotov – Dr. Sci. (Soc.), prof. (Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russia)

T. Kastouéva-Jean – PhD (IFRI, Paris, France)

M.V. Kibakin – Dr. Sci. (Soc.), prof. (Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Yu.D. Krasovskii – Dr. Sci. (Soc.), prof. (State University of Management, Moscow, Russia)

O.V. Kryshtanovskaya – Dr. Sci. (Soc.), prof. (State University of Management, Moscow, Russia)

N.N. Meshcheryakova – Dr. Sci. (Soc.), prof. (Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia)

A.V. Milyohin – Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Psy.), prof. (Lomonosov Moscow State University, "Romir" research holding, Moscow, Russia)

V.G. Novikov – Dr. Sci. (Soc.), Dr. Sci. (Econ.), prof. (Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

T.V. Smirnova – Dr. Sci. (Soc.), prof. (Russian state University for the Humanities, Moscow, Russia)

Alitsiya Stempen'-Kuchinska – PhD, prof. (University of Lodz, Lodz, Poland)

B.A. Suslakov – Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Tech.), prof. (Institute of world civilizations, Moscow, Russia)

V.V. Markin – Dr. Sci. (Soc.), prof. (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS), Moscow, Russia)

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications, in which should be published basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences in the field:

- 22.00.01 "Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)";
- 22.00.03 "Economic sociology and demography (sociological sciences)";
- 22.00.04 "Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)";
- 22.00.05 "Political sociology (sociological sciences)";
- 22.00.06 "Sociology of culture (sociological sciences)";
- 22.00.08 "Sociology of management (sociological sciences)".

The mission of the journal is to provide comprehensive and objective coverage, prompt and independent information to readers about research in the field of digital sociology.

The aims of the journal:

- exchange of scientific information on new solutions and application of information technologies in sociology;
- wide discussion of new ideas in the field of digital sociology - a branch of sociological science, that studies the role of the Internet and the impact of electronic technologies on social life in general;;
- organization of international cooperation through the exchange of scientific ideas and the involvement of specialists in the field of digital sociology from different countries to work as part of the editorial board and to publish their articles.

All published articles have undergone a mandatory review procedure

Certificate of registration of mass media dated 24.08.2018
ПИ № ФС 77-73528

Signed to print 07.10.2021
Format 60×90/8
Size 8,00 printed sheets
Circulation 1000 copies
(the first factory 100 copies)
Print order № 878

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office: 109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99,
State University of Management, the main academic building,
office 346 and 345A

Tel.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

Articles are available under a Creative Commons «Attribution» International 4.0 public license, according to which, unlimited distribution and reproduction of these articles is possible in any medium, specified the author's name and references to the original article publication in this journal in accordance with the rules of scientific citation.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Крыштановская О.В. 4

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Цифровой прорыв: достаточно ли умным
в цифровом государстве будет публичное
управление и насколько умны элита
и граждане 6

Василенко Л.А.

Демаркация публичного и частного при
взаимодействии государства и граждан
на цифровых сетевых платформах 16

Зотов В.В.

Цифровизация публичного управления
в странах ЕАЭС 27

Сапрыка В.А., Пастюк А.В., Кулакова Н.И.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА

Цифровая грамотность как основа диалога
власти и населения в условиях пандемии 36

Проказина Н.В.

Цифровизация: новые риски для людей
с инвалидностью. Постановка проблемы 44

Мещерякова Н.Н., Роготнева Е.Н.

Онлайн-взаимодействие олимпийских
волонтеров после игр 53

Сухарькова М.П.

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF'S OPENING REMARKS

O.V. Kryshchanovskaya 4

DIGITAL SOCIOLOGY:
RESEARCH DIRECTIONS

Digital breakthrough: will public administration
be smart enough in a digital state and how
smart are the elite and citizens 6

L.A. Vasilenko

Demarcation of the public and private in the
interaction of the state and citizens on digital
network platforms 16

V.V. Zotov

Digitalization of public governance in the EAEU
countries 27

V.A. Sapryka, A.V. Pastyuk, N.I. Kulakova

DIGITAL ENVIRONMENT

Digital literacy as a basis for a dialogue between
the authorities and the population in the context
of a pandemic 36

N.V. Prokazina

Digitalization: new risks for people with disabilities.
Problem statement 44

N.N. Meshcheryakova, E.N. Rogotneva

Online interaction of Olympic volunteers after
the Games 53

M.P. Sukharkova

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITOR-IN-CHIEF'S OPENING REMARKS

Крыштановская Ольга Викторовна

главный редактор журнала «Цифровая социология», доктор социологических наук, профессор

Olga V. Kryshchanovskaya

Editor-in-chief, Doctor of Sociological Sciences, Professor

Уважаемые коллеги!

Этот номер журнала «Цифровая социология» необычный. Он сформирован из докладов, которые прозвучали на XI Международной Грушинской социологической конференции «2021: пересборка социального, или насколько дивным будет новый мир?», состоявшейся в Москве 17–22 мая 2021 года. Исследовательский комитет «Социология цифрового общества» Российского общества социологов организовал секцию «Публичное управление: готовность к цифровому прорыву», посвященную проблемам управления в цифровом обществе. На секции были подняты острые вопросы, связанные с состоянием современного этапа развития публичного управления как системы взаимодействия государственных, муниципальных, некоммерческих и смешанных структур, направленного на удовлетворение общественных интересов.

В номере представлены статьи профессора Л.А. Василенко (РАНХиГС), профессора Н.Н. Мещеряковой (Национальный исследовательский Томский политехнический университет), доцента Н.В. Проказиной

(Алтайский филиал РАНХиГС), аналитика М.П. Сухарьковой (НИУ ВШЭ), профессора В.В. Зотова (МФТИ). Излагается концепция «умного участвующего управления» в условиях, когда синергия власти и граждан еще не сложилась. Авторы отмечают сложности во взаимопонимании интересов власти и представителей общественности, действие устаревших регламентов в системе государственного управления в части взаимодействия с социумом.

Авторы высказывают мнение, что цифровому обществу нужна новая «умная» элита, организованная не вертикально иерархически, а преимущественно сетевым горизонтальным образом. Элита, которая соединяла бы в себе навыки управления информацией и владения цифровыми компетенциями, включая осмысленное использование цифровых трендов, понимание основ кибербезопасности. Естественный процесс смены поколений имеет шанс ускорить процессы трансформации публичного управления, полагает профессор Л.А. Василенко. По результатам исследования элиты «второго эшелона» властной вертикали выявлено, что значительная доля управленцев имеет

бэкграунд, обуславливающий хорошее владение базовыми управленческими компетенциями, но невысокие знания в области информационных технологий, что является тормозящим цифровой прорыв фактором.

Население в целом, считает профессор В.В. Зотов, понимает необходимость обеспечения безопасности жизнедеятельности через развитие цифрового контроля. Оно соглашается, что для обеспечения безопасности необходимо пожертвовать частью приватности, но это не избавляет общество от возникновения конфликтов и даже протестов. Причем чем младше граждане, тем они легче принимают идею цифрового контроля.

Ситуация пандемии COVID-19 в 2020 году показала возрастающую значимость цифровой грамотности в современной России, пишет доцент Н.В. Проказина, интерпретируя цифровую грамотность как систему знаний и умений, навыков и установок, позволяющую эффективно решать задачи в цифровой среде. В своей статье она приводит данные социологического исследования замеров уровня цифровой грамотности и делает вывод, что пользователи легко коммуницируют через сеть «Интернет», работают с информацией и данными, но тем не менее, многие необходимые продвинутое навыки имеют весьма узкое распространение, что мешает развитию процесса вхождения в информационное пространство значительной части населения.

Цифровизация важнейших сфер общественной жизни: образования, занятости, здравоохранения, управления – рассматривается властями как способ улучшить качество жизни людей, в том числе повысить жизненные шансы инвалидов. Но социологическое исследование профессора Н.Н. Мещеряковой

показывает, что доступность современных информационно-коммуникационных технологий и способность извлекать из них пользу у инвалидов в среднем ниже, чем у не инвалидов, что создает для первых новые барьеры цифрового неравенства. Эта проблема нуждается в выработке новых управленческих решений, которые помогли бы способствовать инклюзии.

В номере представлен и доклад профессора В.А. Сапрыки. В рамках процесса цифровизации публичного управления в странах Евразийского экономического союза, а именно: Армении, Белоруссии, России, Казахстана и Киргизии, в силу отличий в интерпретации феномена публичного управления необходимо его научное осмысление, проведение оценки готовности систем государственного и муниципального управления к дальнейшей интеграции с использованием цифровых технологий, согласование государственных программ и проведение оценки цифрового потенциала этих стран, социологическая диагностика готовности их населения к процессам цифровизации.

Цифровизация публичного управления – это реальность сегодняшнего дня, ясно обозначившая основные тренды и потребности. Однако этот тренд реализуется не в полной мере в силу неполной готовности как населения, так и власти, происходящего транзита властного капитала от одного поколения к другому, трудностей формирования «умных» элит, поскольку переход от базового уровня цифровых компетенций к продвинутому не происходит стохастически и не ощущается как потребность большинством населения; наблюдается инертность властных структур и общества.

Ольга Крыштановская

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Цифровой прорыв: достаточно ли умным в цифровом государстве будет публичное управление и насколько умны элита и граждане

УДК 321.01 DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15>

Получено 27.07.2021

Доработано после рецензирования 02.09.2021

Принято 13.09.2021

Василенко Людмила Александровна

Д-р социол. наук, проф., ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Сопредседатель Исследовательского комитета Российского общества социологов «Социология цифрового общества», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0468-8194>

E-mail: vasilenko-la@ranepa.ru

АННОТАЦИЯ

Цифровое общество рассматривается как суперумное общество гибридного типа, соответствующее шестому технологическому укладу, в котором осуществляется трансгрессия виртуальных отношений в реальный социокультурный мир, накапливается и грамотно используется гибридный коллективный разум. В статье ставится вопрос, возможно ли субъект-субъектное умное публичное управление в России, достаточно ли умны субъекты управления, смогут ли они эффективно использовать смарт-технологии.

С этой целью, во-первых, рассмотрено, что такое умный субъект управления и как измерить степень «умности». В дискурсе цифрового общества измерение степени «умности» субъекта управления базируется на: способности индивида выполнять управленческие функции и обязанности, владение цифровыми компетенциями.

Во-вторых, исследован вопрос в какой степени цифровизация создает условия для функционирования умного управления. В России реализуется модель централизованной экосистемы IT-государства сервисного характера на единой архитектуре с включением компонентов государственного дистанционного контроля объектов надзора, «человеконезависимости» и межведомственного взаимодействия. Модель включает набор государственных услуг потребительского характера с мультимедийным доступом и использованием «интеллектуальных агентов».

В третьих, насколько субъекты управления, выступающие от имени государства, могут и используют предоставленные

возможности. Сделан вывод, что современные официальные документы, регламентирующие процессы построения цифрового государства, не рассматривают цифровизацию как механизм, обеспечивающий гуманизацию и демократизацию отношений между властью и обществом.

В-четвертых, обсуждая наличие субъектов управления, выступающих от имени граждан, подчеркнуто наличие доступной, безбарьерной информационной среды, обеспечивающей качественные общественные, медицинские и социальные услуги, но вопрос о гражданах как субъектах управления в процессах цифровизации не предусмотрен. Они выступают как клиенты и источник информации. Выявлены признаки субъекта управления у граждан в современной управленческой практике в части возможностей выражения своей позиции, признания необходимости совместных действий в сборе критической информации и осуществлении контроля над выполнением принятых решений, присутствия некоторого партнерства при взаимодействии органов власти с общественностью.

Показано, что рассматриваемые процессы находятся в начале своего развития, подчеркивается неразработанность сервисов участия общественности в процессах принятия управленческих решений, а результаты цифровизации оцениваются как дискуссионные и противоречивые на теоретическом и на практическом уровне.

Ключевые слова

Взаимодействие власти и населения, публичное управление, умное взаимодействие власти и населения, умное управление, смарт-сервисы, субъект управления, цифровизация, цифровые компетенции, цифровое общество

Для цитирования

Василенко Л.А. Цифровой прорыв: достаточно ли умным в цифровом государстве будет публичное управление и насколько умны элита и граждане // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 3. С. 6–15.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00694 «Публичное управление как конфигурирование релятивных сетей в публичном пространстве цифрового общества».

© Василенко Л.А., 2021. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

DIGITAL SOCIOLOGY: RESEARCH DIRECTIONS

Digital breakthrough: will public administration be smart enough in a digital state and how smart are the elite and citizens

DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15>

Received 27.07.2021 Revised 02.09.2021 Accepted 13.09.2021

Liudmila A. Vasilenko

Dr. Sci. (Soc.), Prof., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Co-chairman of the Research Committee of the Russian Society of Sociologists "Sociology of Digital Society", Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0468-8194>

E-mail: vasilenko-la@ranepa.ru

ABSTRACT

The digital society is considered as a superintelligent society of a hybrid type, corresponding to the sixth technological order, in which the transgression of virtual relations into the real socio-cultural world is carried out, the hybrid collective mind is accumulated and intelligently used. The article raises the question – is it possible for subject-subject smart public administration in Russia, whether the subjects of management are smart and qualified enough in the context of digitalization, whether they will be able to effectively use smart technologies and smart services. To do this, the author discusses, first, the problem of what is a smart subject of management and how to measure the degree of smartness. In the discourse of digital society, the measurement of the degree of smartness of the subject of management is based on: the ability of an individual to perform managerial functions and on the possession of digital competencies. Secondly, the issue of assessing the current situation in Russia is investigated, i.e. to what extent digitalization creates conditions for the functioning of smart governance in Russia. The model of a centralized ecosystem of an IT-state of a service nature in Russia is implemented on a single architecture with the inclusion of components of state remote control of the objects of supervision, as well as on the principles of "human independence" and interdepartmental interaction. The model includes a set of public services of a consumer nature with multichannel access and the use of "intelligent agents". Thirdly,

to what extent the subjects of government, acting on behalf of the state, use the provided opportunities. It is concluded that modern official documents regulating the processes of building a digital state do not consider digitalization as a mechanism that ensures the humanization and democratization of relations between government and society.

Fourthly, discussing the presence of subjects of government acting on behalf of citizens, the author emphasized that the state has provided for the availability of a barrier-free information environment that provides high-quality public, medical and social services, but the issue of citizens as subjects of governance in digitalization processes is not provided. They act as clients and a source of information. The signs of the subject of management among citizens in modern management practice are revealed in terms of the possibilities of expressing their position, recognizing the need for joint actions in collecting critical information and exercising control over the implementation of decisions, the presence of some partnership in the interaction of authorities with the public. It is shown that these processes are at the beginning of their development today, the underdevelopment of services for public participation in managerial decision-making processes is emphasized, while the results of the digitalization are disputable and contradictory both at the theoretical and practical levels.

Keywords

Interaction between authorities and population, public administration, smart interaction between the authorities and the population, smart management, smart services, subject of governance, digitalization, digital competencies, digital society

For citation

Vasilenko L.A. (2021) Digital breakthrough: will public administration be smart enough in a digital state and how smart are the elite and citizens. *Digital sociology*, vol. 4, no. 3, pp. 6–15. DOI: [10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15)

Acknowledgements

The study was performed with financial support of the Russian Foundation for Basic Research, as part of a research project No. 20-011-00694 "Public administration as a configuration of relational networks in the public space of the digital society".

© Vasilenko L.A., 2021. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ

В XXI в. под влиянием цифровизации проявились тенденции и угрозы развития, связанные с развитием цифровых технологий, возрастанием сложности социальной системы, формированием ее сетевой структуры [Василенко, 2007]. Становление цифрового этапа информационного общества опосредовано инфраструктурным, программным и аппаратным обеспечением, способностью компьютеров самообучаться, порождением эффекта отношений между человеком цифровым и техносубъектом [Игнатъев, 2019]. Облачные вычисления, большие данные, интернет вещей и искусственный интеллект (далее – ИИ) включились в управление сетевыми эффектами, вызывая потоки изменений [Siebl, 2019]. Цифровой прорыв обозначил усложнение и гибридный характер социального пространства. Это повлияло на рождение новых подходов к управлению на основе концепции «умной силы» [Argyros и др., 2007], управлению нациестроительством посредством «американских точек присутствия»¹; «цифрового гражданства» [Ruppert, Isin, 2015]. Цифровизация выступает одновременно признаком и движителем фундаментальной перестройки мирового порядка, обозначая глубокую, противоречивую мировоззренческую сущность цифровизации [Лапшин, 2019].

На этом фоне С.А. Кравченко подчеркивает: «В ответ на вызовы возникших центробежных тенденций общество начало разработку новых управленческих подходов». Принятие учеными, а затем и политиками достижений цифрового и гуманистического поворотов «может обеспечить переход цивилизаций и обществ к принципиально иному тренду развития», диагностика цифрового поворота использует наряду с традиционными методами социологии новые методологические концепции – «объединенные города», «космополитические сообщества риска», «экспроприация через риск», «метаморфоза конфликта». [Кравченко, 2019].

А.В. Тихонов и В.С. Богданов пишут о социальной и научно-исследовательской проблеме «гибридизации форм обратной связи в условиях цифровизации общественной жизни», социальных последствиях «цифровых преобразований и контроля», «умном управлении», «подмене функций социально ориентированного управления функциями цифровой отчетности», необходимости поворота от «цифрового регулирования» к «умному управлению» с опорой на участие, партнерство, координацию, «организацию горизонтальных связей и отношений между преобразующей

силой сверху и спонтанной самоорганизацией снизу» [Тихонов, Богданов, 2020].

Т. О'Рейли – автор идеи государства как платформы [O'Reilly, 2010], связанного с открывшимися возможностями гражданского участия в публичной политике и управлении на основе платформ и интерактивном взаимодействии на глобальном уровне². Сетевые платформы направлены на объединение концепций «электронного правительства» и «электронной демократии» через спектр цифровых технологий, использующих веб-приложения на общем сервере для интерактивности и личного участия, способствуя развитию гражданского участия в повседневной государственной деятельности, «формирования повестки дня, определения и реализации публичных услуг, принятия решений» [Сморгунов, 2019]. Оценка экспертами и населением функционала цифровых платформ, объединяющих концепции «электронного правительства» и «электронной демократии», показывает, что в первую очередь выделяется функция информирования (обеспечения транспарентности), далее – для электронного правительства – упрощение жалоб на действия/бездействие власти и активизации контроля граждан за качеством услуг, а для электронной демократии – проведение опросов и голосований по актуальным проблемам и подаче коллективных обращений, петиций [Зотов и др., 2021]. Цифровые сетевые платформы государства стали основой сетевого взаимодействия граждан, бизнес-ассоциаций с государством в различных сферах общественной жизни, начиная переход от концепции нового публичного управления к концепции управления публичными ценностями [Василенко и др., 2002]. ООН формулирует необходимость сделать управление в цифровом обществе публичным, то есть управление может осуществляться всеми методами, которые общество использует для распределения властных полномочий и управления государственными ресурсами, а также разрешения возникающих проблем»³.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА

Цифровое общество базируется на интегрированных цифровых средах, объединяющих цифровые активы, технические устройства, технологии, программные комплексы и разнообразие и наполненность информационными ресурсами; социальные цифровые

¹ Vaïsse J. (2006). Etats-Unis: le temps de la diplomatie transformationnelle [Соединенные Штаты: время трансформационной дипломатии]. Cahiers du Chaillot No. 95 / European Union Institute for Security Studies (EUISS). 120 p.

² OECD (2016). Digital Government Strategies for Transforming Public Services in the Welfare Areas: OECD comparative study. Пе- жим доступа: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/Digital-Government-Strategies-Welfare-Service.pdf> (дата обращения: 26.07.2021).

³ Blunt P., Rondinelli D. (1997). Reconceptualizing Governance: Discussion Paper 2. New York: United Nations Development Programme. 93 p.

институты с новыми нормами и стандартами поведения, культурой взаимодействия с цифровой средой, ценности и принципы. Гибридность проявляется в феномене цифрового общества, объединяя Homo Digitalis (человек цифровой) и Homo Sapiens (человек разумный). Homo Digitalis отличается разнообразием воплощений: виртуальных субъектов, не имеющих определенного места жительства и возраста, действующих активно и противоречиво в социальной реальности; техносубъектов, наделенных ИИ, обладающих способностью вступать в социальные отношения через мобильники, планшеты, роботы; ИИ-агентов, создаваемых реальными субъектами на основе генетического программирования и обладающих некоторой самостоятельностью в поведении. Цифровое общество обладает интегральным коллективным гибридным интеллектом.

Термин «цифровизация» продолжает системно-деятельностный процесс информатизации по освоению информации как ресурса управления и развития с использованием технических средств и инфраструктуры, акцентируя внимание на инфотехнологических преобразованиях и моделировании гибридных инфосоциальных систем [Тихонов, Богданов, 2020]. «Главное отличие цифровизации в том, что человек имеет дело не с отдельной информационно-телекоммуникационной технологией, а с группой цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий, которые используются в качестве основы, обеспечивающей создание конкретизированной и специализированной системы взаимодействия между акторами социально- сетевого пространства» [Зотов, 2020].

Субъектность есть способность социального актора осознавать свои интересы, определять и корректировать цели, принимать решения, выстраивать планы их достижения, идентифицировать свои социальные роли и статусы. Главное качество цифрового субъекта – способность активными действиями осуществлять преобразования в условиях цифрового общества.

Концепт «публичность» в управлении. Термин «public» означает сформированный, созданный обществом, предназначенный для всех, соответствующий интересам общества, выражающий с учетом

потребностей и требований общества, организованный, реализуемый обществом. Государственное управление (англ. Public administration) рассматривается в дискурсе, принятом ООН как комплекс механизмов, процессов, взаимоотношений и институтов, посредством которых граждане государства и их объединения выражают свои интересы, осуществляют свои права и обязанности и урегулируют разногласия⁴.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА

Анкетный опрос «Оценка деятельности органов публичного управления в социально-сетевом пространстве», проведенный в октябре 2020 г. в рамках научного проекта № 20-011-00694 «Публичное управление как конфигурирование релятивных сетей в публичном пространстве цифрового общества» при финансовой поддержке РФФИ. Научный руководитель проекта – доктор социологических наук, профессор Л.А. Василенко. Опрос населения осуществлен в г. Москве, как субъекте Российской Федерации с лидирующими позициями в цифровизации публичного управления (N = 350), и г. Курске – типичном городе центрального региона по уровню развития (N = 350). Индекс ОДПУ–2020.

Экспертный опрос «Механизмы привлечения граждан к участию в процессах принятия управленческих решений и нормотворчества как один из основополагающих принципов деятельности системы «Открытое правительство», проведенный в сентябре-ноябре 2016 г. в рамках научно-исследовательской работы во исполнение Государственного задания ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» на 2016 г. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Е.А. Литвинцева, исследование проведено с участием автора статьи. Респонденты – госслужащие и эксперты из числа граждан, участвующих в диалогах с органами власти (N = 118). Индекс МПГУ–2016.

⁴ Blunt P., Rondinelli D. (1997). Reconceptualizing Governance: Discussion Paper 2. New York: United Nations Development Programme. 93 p.

Таблица. Сравнение направлений цифровизации в контексте публичного управления

Table. Comparison of the directions of digitalization in the context of public administration

Направление	Реализация на основе портала	Реализация на основе платформы	Тенденции реализации в России
Целевая ориентированность	Сделать правительство эффективным и дешевым	Сформировать комфортную безопасную среду для реализации потенциала граждан	Сделать правительство эффективным, дешевым

Окончание табл.

Направление	Реализация на основе портала	Реализация на основе платформы	Тенденции реализации в России
Модель государственного участия	Цифровизация архаичных ведомственных систем, «цифровой феодализм»	Новые модели государственного управления, человекоориентированность, безопасная цифровая среда	Модель централизованного сервисного IT-государства на единой архитектуре с включением компонента «человеконезависимости»
Способ взаимодействия участников	Централизованная государственная иерархия	Взаимодействие на принципе сотрудничества P2P (от англ. peer-to-peer – равный с равным)	Единая цифровая платформа взаимодействия госслужащих, бизнеса и власти, дистанционное межведомственное взаимодействие
Функциональная направленность	Централизованный характер набора госуслуг	Распределенная система создания и использования публичных сервисов многими поставщиками на краудсорсинговой платформе	Централизованный комплекс набора интегрированных процессов, перевод всех государственных услуг в дистанционный формат, мультиканальность на принципе одного окна
Роль негосударственных участников	Граждане-клиенты, потребительский характер услуг	Партнерское участие стейкхолдеров и граждан в создании и использовании публичных услуг	Граждане-клиенты, потребительский характер услуг, взаимодействие бизнеса и IT-компаний на основе общих принципов и нормативов
Интеграция данных и система хранения	Регламентированное использование публичных данных как собственности государства	Распределенный и открытый характер формирования и использования данных	Дата-центричный интегрированный массив данных и алгоритмов работы с ними, совместно создаваемый стейкхолдерами
Доступ и безопасность	Физическая идентификация, парольный доступ	Физическая идентификация, парольный доступ	Дистанционная биометрическая единая система идентификации, цифровая подпись, цифровой профиль, цифровые двойники
Система исследовательской деятельности с применением больших данных и ИИ	Регламентированная организация исследовательской деятельности	Распределенный характер процесса производства и использования знаний	Предоставление по запросу сервиса предикативной аналитики и доступа к дата-центричному интегрированному массиву данных
Регуляторная и контрольная политика	Дистанционный контроль объектов контроля и надзора	Смарт-контроль (по Т. О'Рейли)	Государственный дистанционный контроль объектов надзора и мониторинг обратной связи с гражданами с использованием «интеллектуальных агентов»
Система принятия решений	Решение принимаются представителями органов власти	Кооперативное взаимодействие стейкхолдеров в подготовке и принятии важных решений	«Человеконезависимая» система принятия решений на основе анализа больших данных с использованием ИИ

Источник: [Сморгунова, 2019; Буров и др., 2018] / Source: [Smorgunov, 2019; Burov et al., 2018]

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УМНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Новые информационно-коммуникационные технологии создают технологическую основу безбарьерной «умной» среды. Smart-сервисы направлены на критические инфраструктуры, включая дороги, транспорт, коммуникации, оптимизацию и экономию ресурсов (вода, электроэнергия), обслуживание и контроль безопасности в функционирующих городах. Процесс не направлен на цифровизацию механизма публичности в дискурсе современных подходов (см. табл.).

ВОЗМОЖНОСТИ СУБЪЕКТОВ УПРАВЛЕНИЯ, ВЫСТУПАЮЩИХ ОТ ИМЕНИ ГОСУДАРСТВА

На концептуальном уровне важнейшей тенденцией цифрового государства выступает принцип человеко-независимости в целях потенциального снижения коррупциогенности государственного управления, реализуемый через алгоритмы с использованием ИИ, что можно рассматривать как подмену субъектов управления интеллектуализированными агентами. Это доказывает отсутствие смысла в участии в управленческих процессах как граждан, так и, в некоторой степени, органов власти в силу непрозрачности алгоритмов принятия решений, закладываемых в интеллектуализированную программу.

На муниципальном уровне умные технологии городской инфраструктуры реализуются через встроенные в городское хозяйство датчики, приложения, использующие ИИ и оптимизирующие ресурсы всех сфер обеспечения жизнедеятельности населения. Но они не включают в управление smart-сервисами как граждан, так и самих представителей органов власти – от них не требуется проявлений «умности». Налицо подмена субъектов управления интеллектуализированными агентами.

Экспертный опрос (индекс МПГУ–2016) показывает, что в органах власти недостаточный объем финансирования разработок механизмов интернет-взаимодействия органов власти и гражданского общества (46 %). Отсутствуют:

- действенные механизмы участия общественности в процессах принятия управленческих решений (40 %);
- открытый диалог власти с представителями гражданского общества по обсуждению проектов управленческих решений (44 %);
- информирование общественности о возможности участия в принятии управленческих решений (44 %);
- психологическая готовность и открытость государственных служащих к сотрудничеству с гражданами (44,7 %).

ВОЗМОЖНОСТИ И ЖЕЛАНИЕ СУБЪЕКТОВ УПРАВЛЕНИЯ, ВЫСТУПАЮЩИХ ОТ ИМЕНИ ГРАЖДАН, УМНО УЧАСТВОВАТЬ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Обеспечение всеобщей доступности, значимого уровня безбарьерности информационной среды, несущей в себе потенциал более качественных общественных услуг, лучшего медицинского обслуживания, быстрого оформления документов – это достойная цель, но только одна сторона процессов цифровизации. Не рассматривается вопрос о гражданах как субъектах управления в процессах цифровизации. Они выступают в роли клиентов, получающих «smart-услуги», не требующие от них способностей и ума, кроме владения новыми технологиями и даже помогая им в развитии этих навыков. Нормы поведения граждан-клиентов обусловлены жестким интерфейсом цифрового взаимодействия, на который повлиять пользователи не могут.

Вторая роль граждан – источник данных для лиц, принимающих решения, что реализуется через сбор информации в процессе авторизации и при подключении к государственным сервисам. Эти сервисы вряд ли можно назвать умными силу их неспособности помнить собранную информацию и обмениваться ею с другими сервисами, хотя наблюдается тенденция перехода государственных сервисов на принцип однократного ввода информации.

Для реализации роли граждан-клиентов необходимы соответствующие условия, в числе которых недостаточный уровень информационно-коммуникационной культуры представителей общественности (53 %); отсутствие у граждан качественного доступа к сети «Интернет» (47 %); отсутствие в органах власти достаточного финансирования для разработки механизмов интернет-взаимодействия между органами власти и гражданским обществом (46 %); недостаточная информированность общественности о возможности участия в принятии управленческих решений (44 %) (индекс МПГУ–2016). В последнее время наметилась тенденция принятия органами власти, бизнес-организациями и общественностью мер по техническому и технологическому обеспечению граждан в жизни в цифровой среде: организуются учебные курсы, мобилизованы волонтеры-консультанты, отмечаются случаи обеспечения ветеранов и пенсионеров необходимыми техническими устройствами и др.

В то же время все же просматриваются некоторые признаки субъекта управления у граждан в реальной управленческой практике: 50 % респондентов массового опроса отмечают активность в выражении своей позиции в сети и участие в различных акциях; 7,7 % – сами привлекают участников сети к дискуссиям; 1,9 % – организуют пользователей сети к участию в акциях.

46,7 % респондентов видят полезность онлайн-площадок в сборе собираемой информации от населения. Практически все респонденты соглашаются, что интернет-площадки нужны для быстрого донесения информации от власти к населению о наоборот, для ответов на вопросы граждан, выдвижения инициатив, участия в обсуждении/выработке /голосовании решений, организации сетевых сообществ и совместных действий по решению важных для общества решений, выявления проблем населения. Единодушие всех проявляется в необходимости совместных действий в сборе критической информации и осуществлении контроля над ходом выполнения принятых решений (индекс ОДПУ–2020).

Отмечается наличие партнерства во взаимодействии органов власти с общественностью по принятию управленческих решений, что подтвердили 50 % опрошенных экспертов на региональном уровне, 29 % на местном уровне, 21 % на федеральном. В то же время 40 % респондентов подчеркивает неразработанность действенных механизмов участия общественности в процессах принятия управленческих решений (индекс МПГУ–2016).

Подводя итоги, отметим, что на основе анализа данных проведенных исследований за последние пять лет немногие граждане стремятся сами выступить равноправными субъектами управления, 17,6 % граждан-респондентов вообще не верят в способность специализированных онлайн-площадок (активный гражданин, краудсорсинг) «решать общественно значимые проблемы», 42,2 % отмечают, что эти инструменты лишь имитируют активную деятельность (индекс ОДПУ–2020). Вопрос же о технической доступности для населения сервисов участия в принятии решений в выбранном сегодня подходе построения цифрового государства пока не актуален в виду отсутствия соответствующих сервисов.

ДИСКУССИИ

Если в недавнем прошлом правительство отвечало за большинство вопросов общественного устройства, то сегодня возникает проблема создания качественно иного управления на основе партнерских отношений между государственным, частным и гражданским секторами. «Умные» технологии способствовали появлению «умных» городов, в которых предполагалась реальная возможность участия населения в государственном и муниципальном управлении. Наиболее разработанной является концепция «смарт-сити», которая предполагает повышение эффективности функционирования городского хозяйства за счет использования гражданами современных информационно-коммуникационных технологий, предоставляя им некоторую возможность участвовать в городском управлении.

В условиях цифровой трансформации обостряется проблема корректного распределения социальных ролей в управлении, нормативного основания функций управления, реализуемых в цифровых платформах и сервисах. В реальной жизни смысловые акценты степени комплексной «умности» управления даже в концепции смарт-сити имеют весьма широкий спектр толкований в отношении ролей граждан. Зачастую понятия подменяются по принципу «я сам обманываться рад», ибо граждане рассматриваются как объект, который надо контролировать, обучать, мотивировать к действиям. С точки зрения такого подхода умными станут индивиды, обладающие гражданством, соблюдающие законы и владеющие на минимальном уровне цифровыми технологиями. Создание «умных» городов в таком смысле скорее носит символический характер, а прилагательное «смарт» к разным уровням управления выражает искаженный смысл, мало соотносящийся с интеллектом, так как граждане отчуждены от управления, а владение и контроль над городской инфраструктурой осуществляют IT-корпорации и частично городские администрации. В программах цифровизации на методологическом уровне отсутствует направление интерактивного взаимодействия общественных экспертов, формализующих возникающие проблемы в социуме, с органами власти и IT-компаниями.

Общественные дискуссии о качестве и функциональной наполненности технических цифровых платформ и техносубъектов обозначили проблему ответственности разработчиков за последствия созданных ими умных технологий управления и массового использования смарт-сервисов.

В России активно создаются цифровые платформы, но в них не предусмотрены весьма важные составляющие, в том числе:

- рабочие места и сервисы, сетевые инструменты для выполнения каких-либо управленческих функций субъектами управления, выступающими от имени граждан, то есть система государственного управления базируется на прецеденте конституционного делегирования власти народом исключительно через механизм голосования на выборах;
- механизмы согласования системы ценностей, нормы поведения и правила в процессе сетевых коммуникаций субъектов управления цифровым обществом, что особенно важно в случае включения в коммуникации техносубъектов;
- механизмы регулирования возникающих разногласий между субъектами управления и техносубъектами;
- оценка результативности взаимодействия субъектов управления.

Отметим, что на теоретическом уровне вопрос оценки степени результативности взаимодействия власти и граждан был решен еще в 1969 г. в модели «Лестница

власти» Ш.Р. Арнштейна [Arnstein, 1969]. Его исследование описывает восемь ступеней участия граждан в процессах управления, каждая ступень лестницы соответствует определенной степени участия граждан в установлении конечного результата проводимой политики. По мнению автора, нижние две ступени – «Манипуляция» и «Терапия» были придуманы политиками для подмены подлинного участия с целью манипулирования, не допуская граждан к участию в инициировании конкретных действий и их реализации. Третья ступень «Информирование» и четвертая «Консультирование» переходят на уровни «токенизма» (токенизм как некое символическое мероприятие, проводимое ради создания видимости изменений). В этом варианте граждане могут быть услышаны властями, но они не имеют влияния на происходящие процессы. Пятая ступень в модели Арнштейна называется «Умиротворение» и представляет собой «токенизм» более высокого уровня, для граждан появляется возможность давать советы, но право принимать решения остается у власти. Далее на ступени «Партнерство» население получает возможность вести переговоры и вступать в компромиссы с традиционными держателями власти. На ступенях «Делегирование власти» и «Гражданский контроль», граждане получают возможность в процессах принятия решений. По сути, модель «Лестницы власти» может стать базисной основой разработки индекса участвующего в рамках умного управления.

Без гражданского участия и сотрудничества государства, гражданского общества и бизнеса реформа технологического типа «государство как платформа» обречена на половину чисто коммерческого успеха.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы видим необходимость перехода от цифрового регулирования к умному управлению, основанному на участии, партнерстве, координации, организации горизонтальных связей и отношений между преобразующей силой сверху и спонтанной самоорганизацией снизу [Тихонов, Богданов, 2020]. Субъектами власти являются власти, граждане и их объединения. Поэтому в процессе цифровизации системы управления разработчик должен предусмотреть:

- специальные механизмы выполнения управленческих функций каждым субъектом;
- онлайн-инструменты для выражения интересов, прав и обязанностей граждан в органах управления;
- механизмы разрешения возникающих разногласий.

Остаются без ответа более сложные вопросы: могут ли технологии по созданию смарт-сервисов самообучаться, автоматически, улучшая качество обслуживания, несут ли смарт-сервисы потенциал формирования интеллектуальных рабочих мест в организациях,

так как эти вопросы возможно решать только в кооперативном процессе всех стейкхолдеров.

В проектах цифровизации не разрабатываются приложения, реализующие умный контроль. Знаменитый издатель и предприниматель Т. О'Рейли пишет: «У нас до сих пор есть представление о регуляторе как о гаишнике, который выписывает штрафы, как о бюрократе со скрепками. Это представления двухсотлетней давности. Посмотрите на антиспам: ведь это система регулирования для всей почты в интернете» [O'Reilly, 2010]. Подход к организации умного контроля можно использовать при условии умной кооперации с IT-компаниями и общественными экспертами, способными выявить и формализовать возникающие проблемы. Второе предложение Т. О'Рейли более кардинально, он пишет о внедрении стартап-мышления в процессе принятия решения о запуске совместных с предпринимателями действий, что вполне можно отнести к процессам цифровизации.

В цифровом обществе растет потенциальная энергия социума за счет спонтанного и организуемого многими акторами накопления активностей. При этом виртуальная активность обладает сниженной социальной ответственностью в силу слабости институтов, обеспечивающих социальный порядок и безопасность. Самоорганизационные институты прошлого века, регулирующие интернет-взаимодействия, не справляются с новыми масштабами. Эти институты еще не сформировались в силу высокой темпоральности и быстрого расширения информационных коммуникаций до глобального масштаба. Попытка установить этот порядок привычными методами административного управления может оказаться неадекватной. В виртуальном пространстве нет государственных границ, люди собираются в общности в соответствии со своими социокультурными и биологическими особенностями. Здесь инструменты реального мира не работают, а цифровые социальные институты не сформированы, законы не прописаны.

Таким образом, в гибридном социальном пространстве власть уже сегодня не только государственная. Кто же этот будущий субъект управления, мы можем получить ответ достаточно скоро, но неизвестно, удовлетворит ли нас его содержание. Наше будущее как передовой державы определит готовность публичных пространств к конструктивному управленческому партнерству органов власти с субъектами-представителями заинтересованных сторон (граждан, сетевых сообществ, некоммерческих организаций, бизнес-организаций и др.), а также высокий уровень их активности в участвующем управлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буров В.В., Петров М.В., Шклярчук М.С., Шаров А.В. (2018). Государство-как-платформа: подход к реализации высокотехнологичной системы государственного управления // Государственная служба. № 3 (113). С. 6–17. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-3-6-17>
- Василенко Л.А., Макагонов П.П., Тадораишко К.П. и др. (2002). Взаимодействие муниципальных и государственных структур управления с некоммерческими общественными организациями. Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН». 225 с. <https://doi.org/10.18411/Vasilenko-2-12>
- Василенко Л.А. (2007). Система и процессы инновационной подготовки государственных служащих // Образование и общество. № 3. С. 51–59. <https://doi.org/10.18411/Vasilenko-1-9>
- Зотов В.В. (2020). Информационно-аналитические платформы как основа цифровизации общества // Труды 63-й Всероссийской научной конференции МФТИ. 23–29 ноября 2020 г. Гуманитарные науки и педагогика. М.: МФТИ. С. 71–72.
- Зотов В.В., Захаров В.М., Санрыка В.А. (2021). Цифровизация публичного управления: электронная демократия vs электронное правительство // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. № 46 (3). С. 250–262. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-2-250-262>
- Игнатъев В.И. (2019). И грядет «другой» актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. Т. 10, № 1. С. 64–78.
- Кравченко С.А. (2019). Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. № 8. С. 48–57. <https://doi.org/10.31857/S013216250006186-7>
- Лапшин А.О. (2019). Глобализация и цифровое общество: заметки на полях // Власть. Т. 27, № 1. С. 63–68. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6228>
- Сморгунов Л.В. (2019). Партиципаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество // Власть. Т. 27, № 5. С. 9–19. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6712>
- Тихонов А.В., Богданов В.С. (2020). От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. № 1. С. 74–81. <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>
- Argyros G.L., Grossman M., Rohatyn F.G. (2007). *The embassy of the future*. Washington: The CSIS press. 76 p.
- Arnstein S.R. (1969). A ladder of citizen participation // *Journal of the American Institute of Planners*. Vol. 35, No. 4. Pp. 216–224. <https://doi.org/10.1080/01944366908977225>
- O'Reilly T. (2010). *Government as a platform* // *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice* / Ed. by D. Lathrop, L. Ruma. Sebastopol, Calif.: O'Reilly Media. Pp. 11–40.
- Ruppert E., Isin E. (2015). *Being digital citizens*. London: Rowman & Littlefield Publishers. 220 p.
- Siebl T. (2019). *Digital transformation: survive and thrive in an era of mass extinction*. New York: RosettaBooks. 256 p.

REFERENCES

- Arnstein S.R. (1969), “A ladder of citizen participation”, *Journal of the American Institute of Planners*, vol. 35, no. 4, pp. 216–224. <https://doi.org/10.1080/01944366908977225>
- Argyros G.L., Grossman M. and Rohatyn F.G. (2007), *The embassy of the future*, The CSIS press, Washington, USA.
- Burov V.V., Petrov M.V., Shklyaruk M.S. and Sharov A.V. (2018), “State-as-platform: an approach to implementing a high-tech public administration system”, *Public Administration*, no 3. pp. 6–17. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-3-6-17>
- Ignatyev V.I. (2019), “And the “other” actor is coming... The formation of tehnosubject in the context of the movement to technological singularity”, *Sociology of Science and Technology*, vol. 10, no. 1, pp. 64–78. (In Russian).
- Kravchenko S.A. (2019), “Digital risks, metamorphoses and centrifugal trends among the young people”, *Sociological Studies*, no. 10, pp. 48–57. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250006186-7>
- Lapshin A.O. (2019), “Globalization and digital society: notes in the margin”, *Vlast*, vol. 27, no. 1, pp. 63–68. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6228>
- O'Reilly T. (2010), “Government as a platform”, *Open Government: Collaboration, Transparency, and Participation in Practice*, ed. by D. Lathrop, L. Ruma, O'Reilly Media, Sebastopol, Calif., USA, pp. 11–40.
- Ruppert E. and Isin E. (2015), *Being digital citizens*, Rowman & Littlefield Publishers, London, UK.
- Siebl T. (2019), *Digital transformation: survive and thrive in an era of mass extinction*, RosettaBooks, New York, USA.
- Smorgunov L.V. (2019), “Participatory governability: platforms and collaboration”, *Vlast*, vol. 27, no 5, pp. 9–19. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6712>
- Tikhonov A.V. and Bogdanov V.S. (2020), “From “clever regulation” to “clever management”: social problem of digitalization of feedbacks”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 74–81. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.671210.31857/S013216250008325-0>

Vasilenko L.A. (2007), “System and processes of innovative training of civil servants”, *Education and Society*, no. 3, pp. 51–59. (In Russian) <https://doi.org/10.18411/Vasilenko-1-9>

Vasilenko L.A., Makagonov P.P., Chumak V.G. and etc. (2002), *Interaction of municipal and state management structures with non-profit public organizations*, ANO Izdatelstvo-SNC-RAN, Samara, Russia. (In Russian). <https://doi.org/10.18411/Vasilenko-2-12>

Zotov V.V. (2020), “Information and analytical platforms as the basis for digitalization of the substance”, *Proceedings of the 63rd All-Russian Scientific Conference of MIPT. November 23–29, 2020. Humanities and Pedagogy*, MIPT, Moscow, Russia, pp.71–72. (In Russian).

Zotov V.V., Zakharov V.M. and Sapryka V.M. (2021), “Digitalization of public administration: e-democracy vs e-government”, *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, vol. 46, no. 3, pp. 250–262. (In Russian). <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-2-250-262>

TRANSLATION OF FRONT REFERENCES

¹ Vaïsse J. (2006), “The United States: the time of transformational diplomacy” [“Etats-Unis: le temps de la diplomatie transformationnell”], Cahiers du Chaillot No. 95, European Union Institute for Security Studies (EUISS), France, 120 p.

² OECD (2016), Digital Government Strategies for Transforming Public Services in the Welfare Areas: OECD comparative study. Available at: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/Digital-Government-Strategies-Welfare-Service.pdf> (accessed 26.07.2021).

³ Blunt P., Rondinelli D. (1997), *Reconceptualizing Governance: Discussion Paper 2*, United Nations Development Programme, New York, USA, 93 p.

⁴ Ibid.

Демаркация публичного и частного при взаимодействии государства и граждан на цифровых сетевых платформах

УДК 316.776 DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-16-26>

Получено 15.06.2021

Доработано после рецензирования 09.07.2021

Принято 21.07.2021

Зотов Виталий Владимирович

Д-р социол. наук, проф., ФГАОУ ВО «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1083-1097>

E-mail: Om_zotova@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Цифровые сетевые платформы построены на социотехническом взаимодействии между акторами и актантами. Создание и развитие государственных сервисов на основе цифровых платформ неминуемо ведет к трансформации взаимоотношений государства и граждан. Привлекательность государственных цифровых платформ для граждан повышается при разрешении противоречия между возможностями новых форм социального взаимодействия и угрозой неправомерного использования персональных данных, риском причинения вреда или преследований.

В статье представлены результаты анализа границ публичного и частного при взаимодействии государства с гражданами на цифровых сетевых платформах. Метод исследования – сравнительный анализ, который базируется на дихотомии публичного и частного, отраженной в концепции частного и публичного Х. Арндт, концепции публичной сферы Ю. Хабермаса, нормативно-правовой концепции частности Р. Гависона. Эмпирическую базу составили социологическое исследование, проведенное с целью получения информации о границах частности и публичности персональных

данных в цифровом сетевом пространстве (n = 1 000 среди населения старше 18 лет, проживающего в столичных мегаполисах и медианных по уровню информатизации регионах в 2020 г.), и результаты опросов Лаборатории Касперского, проведенные в 2019 г. и 2020 г.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что практически 2/3 граждан сталкивались с неправомерным использованием в сети «Интернет» конфиденциальных сведений. Большинство опрошенных осведомлены о том, что сайты, социальные сети и поисковые системы могут собирать данные для веб-аналитики. При этом граждане считают возможным передачу персональных данных органам власти в обобщенном виде для принятия управленческих решений. Половина опрошенного населения не возражает против осуществления цифрового контроля за действиями и перемещениями граждан. Таким образом, несмотря на имеющийся негативный опыт, явное сопротивление при организации сбора персональной информации на цифровых сетевых платформах маловероятно.

Ключевые слова

Цифровизация, цифровая трансформация, частная сфера, публичная сфера, взаимодействие государства и общества, цифровые сетевые платформы, государственные платформы, персональные данные

Для цитирования

Зотов В.В. Демаркация публичного и частного при взаимодействии государства и граждан на цифровых сетевых платформах // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 3. С. 16–26.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00694 «Публичное управление как конфигурирование релятивных сетей в публичном пространстве цифрового общества».

© Зотов В.В., 2021. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Demarcation of the public and private in the interaction of the state and citizens on digital network platforms

DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-16-26>

Received 15.06.2021 Revised 09.07.2021 Accepted 21.07.2021

Vitaliy V. Zotov

Dr. Sci. (Soc.), Prof., Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1083-1097>

E-mail: Om_zotova@mail.ru

ABSTRACT

Digital network platforms are built on sociotechnical interaction between actors and actors. The creation and development of new public services based on digital platforms inevitably leads to the transformation of the relationship between the state and citizens. The attractiveness of state digital platforms for citizens increases when resolving the contradiction between the possibilities of new forms of social interaction and the threat of misuse of personal data, the risk of harm or persecution.

The article presents the results of the analysis of the boundaries of the public and private in the interaction of the state with citizens on digital network platforms. The research method is a comparative analysis, which is based on the dichotomy of public and private, reflected in the concept of private and public X. Arendt, concepts of the public sphere J. Habermas, regulatory and legal concepts of privacy by R. Gavison. The empirical base was made up of a sociological study conducted to obtain information about the boundaries of privacy and publicity of personal data

in the digital network space (n = 1 000 among the population over 18 years old living in metropolitan megacities and median regions by the level of informatization, 2020) and the results of Kaspersky Lab surveys conducted in 2019–2020.

The conducted research allows us to assert that almost 2/3 of citizens have faced the misuse of confidential information on the Internet. Most of the respondents are aware that websites, social networks and search engines can collect data for web analytics. At the same time, citizens consider it possible to transfer personal data to the authorities in a generalized form for making managerial decisions. Half of the surveyed population does not object to the implementation of digital control over the actions and movements of citizens. Thus, despite the existing negative experience, it is unlikely that there will be any obvious resistance to organizing the collection of personal information on digital network platforms.

Keywords

Digitalization, digital transformation, private sphere, public sphere, interaction of the state and society, digital network platforms, state platforms, personal data

For citation

Zotov V.V. (2021) Demarcation of the public and private in the Interaction of the state and citizens on digital network platforms. *Digital sociology*, vol. 4, no. 3, pp. 16–26. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-3-16-26

Acknowledgements

The study was performed with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00694 “Public administration as configuration of relational networks in the public space of a digital society”.

ВВЕДЕНИЕ

Если в эпоху первоначального проникновения информационно-телекоммуникационных технологий в повседневную жизнь, виртуальный мир сети «Интернет» (далее – Интернет) воспринимался как место для развлечений, игры, «бегства» от бытовых невзгод, временного ухода от повседневности, то на сегодняшний день использование Интернета является жизненно необходимым: отказаться полностью от использования электронной почты, социальных медиа, мессенджеров означает уйти из жизни общества, стать своего рода отшельником. Сейчас онлайн-жизнь становится неотъемлемой частью офлайн-жизни, однако и индивиды, и общество в целом еще не успели перестроиться на этот новый, взаимопроникающий формат отношений офлайн- и онлайн-миров, что провоцирует конфликты, возникающие во многом из-за отсутствия демаркации между общественным и личным. В последнее десятилетие баланс между публичностью и приватностью радикально меняется. Например, обычный вход в аккаунт социальной сети Facebook, Twitter или Instagram, можно рассматривать и как выход в публичное пространство для презентации себя, своих мыслей, и как пребывание в узком приватном кругу друзей и знакомых.

Новый этап информатизации – цифровизация – не просто сопровождается увеличением объема хранимой, передаваемой и обрабатываемой информации, но и ведет к созданию цифровых сетевых платформ, которые обладают аналитическими и прогностическими функциями. Суть платформы в том, что она создает не сервис по продаже и/или оказанию услуг, а экосистему, с помощью которой удобнее организовать взаимодействие между заинтересованными сторонами. А цифровизация публичного управления формирует концепцию платформенного государства [Сморгунов, 2019]. Цифровые сетевые платформы создают условия для объединения концепций «электронного правительства» и «электронной демократии». Они способствуют развитию гражданского участия в повседневных делах государства так же, как и повышению качества предоставляемых услуг [Зотов и др., 2021]. При этом успех цифровизации публичного управления определяется следующими техническими условиями: формированием платформ, облегчающих привлечение граждан к принятию решений; использованием методов автоматизированного принятия решений (на базе искусственного интеллекта) с минимальной возможностью участия человека, для снижения рисков; открытием информационных данных для принятия решений [Лихтин, 2021]. Именно организация цифровых сетевых платформ позволяет обеспечить поставленные Л.А. Василенко задачи перед системой публичного управления, а именно, создание: механизмов выполнения управленческих

функций каждым ее актором (органами власти, институтами гражданского общества); алгоритмов согласования интересов всех субъектов и координации их последующих действий; инструментов для выражения интересов акторов, включая мониторинг и реализацию прав и обязанностей участников, а также механизмы урегулирования разногласий [Vasilenko, 2021].

Создание и развитие новых государственных сервисов на основе цифровых платформ неминуемо влечет за собой изменения формата взаимодействия государства и гражданами, формируя новые технологии управления. Платформы при этом становятся пространством для взаимодействия объединенных в сеть участников и позволяют правительству координировать эти взаимодействия, а также мотивировать сотрудников и поддерживать принципы бережливого правительства (англ. Lean Government) [Стырин, Дмитриева, 2021]. Теперь государственные структуры перестают быть главным субъектом управления: эту функцию выполняет набор алгоритмов и программных инструментов, которыми управляет платформа, контролируя и развивая децентрализованную сеть представителей заинтересованных сторон [Моазед, Джонсон, 2019].

Однако, наступления «прекрасного» будущего публичного управления в ближайшей перспективе ожидать не стоит, поскольку цифровизация имеет определенные границы, связанные с безопасностью персональных данных, а также сведений о личной жизни, финансовом благополучии, здоровье, взглядах и убеждениях человека. Уже не секрет, что цифровой след человека – это ценная информация для маркетологов, политтехнологов и иных социальных технологов. С завидным постоянством происходят намеренные или случайные утечки персональной информации. В качестве примера можно привести публикацию на форуме данных более 500 млн пользователей Facebook¹ или преднамеренное опубликование в Интернете персональных данных сторонников Алексея Навального накануне апрельских протестов².

Также очевидно, что претензии по вопросу конфиденциальности данных чаще всего затрагивают социальные сети Facebook, Twitter, Instagram, YouTube и TikTok, которые собирают информацию о пользователе напрямую. Хотя в последнее время в их число добавились и иные цифровые сетевые платформы: Google, Amazon Uber и др. Вокруг этих платформ уже функционирует обширная сеть компаний, которые занимаются сбором персональных данных и зарабатывают на их продаже.

¹ BBC (2019). Data on 540 million Facebook users exposed. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/technology-47812470> (дата обращения: 12.06.2021).

² Филипенко А., Скобелев В. (2021). Роскомнадзор начнет проверку из-за утечки данных сторонников Навального // РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/20/04/2021/607ecf5b9a7947353f644f54> (дата обращения: 12.06.2021).

Они собирают, покупают, сортируют и продают данные, полученные в ходе фиксации цифровых следов повседневного взаимодействия граждан. Сегодня крайне опасным для развития российского социума могут стать две крайности: неправомерное распространение информации, приносящее ущерб интересам человека, семьи, общества и государства; изъятие из оборота ценной информации, способной стимулировать прогрессивное развитие государства [Василенко и др., 2010].

Сегодня крайне важно государственные платформы сделать достаточно привлекательными для граждан, чтобы последние активно присоединялись и поддерживали их. Для этого необходимо разрешить существующее противоречие между возможностями новых форм социального взаимодействия и угрозой неправомерного использования персональных данных, риском причинения вреда или преследований. В этом контексте особый смысл приобретает анализ границ публичного (то, что происходит во взаимодействии с другими людьми) и приватного (то, что защищается от выдачи другим) использования персональной информации в общественном сознании.

МЕТОДЫ

Основным методом исследования выступает сравнительный анализ, который опирается на дихотомию публичного и приватного. Исследование этой дихотомии имеет сложную историю, породившую многочисленные формулировки противопоставления публичного и частного, большинство из которых до сих пор определяют современное понимание терминов. Статья опирается на исследования классиков социально-гуманитарного познания, в частности на концепцию приватного и публичного Х. Арндт, концепцию публичной сферы Ю. Хабермаса, нормативно-правовую концепцию приватности Р. Гависона.

Эмпирической основой стало социологическое исследование, проведенное с целью получения достоверной и обоснованной информации о границах приватности и публичности персональных данных в цифровом сетевом пространстве. Генеральная совокупность исследования – население старше 18 лет, проживающее в столичных мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург) и медианных по уровню информатизации регионах (Курская и Белгородская области, занимающие в рейтинге развития информационного общества 26 и 22 место соответственно). Выборочная совокупность в количестве $n = 1\,000$ респондентов квотировалась по полу и возрасту (до 30 лет, от 30 до 60 лет, старше 60 лет). В связи с эпидемиологической ситуацией социологическое исследование проходило в форме массового анкетного опроса комбинированного типа: 1) онлайн-опрос с применением сервиса Google; 2) полевой опрос с использованием личных интервью

с использованием бумажной анкеты. После проведения опроса в Google недостающие квоты были дополнены опросом среди населения. Из обработки были исключены анкеты, из которых было ясно, что респонденты не имеют компьютеров, не пользуются Интернетом, ничего не могут сказать о цифровых технологиях, поскольку они не связаны с их повседневной практикой. Данные опросов были дополнены результатами исследований Лаборатории Касперского, проведенных в 2019–2020 гг.^{3,4}

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Практика разделения жизнедеятельности человека на публичное и приватное берет начало в работе Х. Арндт [Арндт, 2000]. Важная роль в данном исследовании отводится личностному аспекту публичного пространства. Х. Арндт рассматривает публику как совокупность личностей, способных лично контактировать друг с другом. В ее концепции публичная сфера – это пространство свободы равных индивидов. А личная свобода неотделима от публичности.

В контексте функционирования массмедиа к теме приватного и публичного обращался Ю. Хабермас, в работах которого понятия «публичное», «публичность» и, наконец, наиболее распространенное «публичная сфера» стали означать возможность существования пространства коммуникаций, в котором общественное мнение формируется в процессе совместной дискуссионной деятельности [Хабермас, 2017]. Публичная сфера выступает значимым фактором эволюции гражданского общества, поскольку именно она отвечает за актуализацию в общественном сознании вопросов, вызывающих озабоченность всех граждан и касающихся организации их совместной жизнедеятельности.

Публичная сфера предстает как неотъемлемая часть общества, формирующаяся на определенных этапах его развития. В рамках данной сферы открыто признается право граждан не только на свою позицию, но и возможность ее отстаивать в соответствии с принятыми в обществе правилами демократической дискуссии. В отличие от Х. Арндт, которая выделяет личностный аспект в публичной сфере, у Ю. Хабермаса последняя предстает не аренной действий равных личностей, а внеличностным феноменом (местом осуществления коммуникации, обмена мнениями),

³ Блог Касперского (2019). Цена приватности в Интернете: готовы ли пользователи рисковать личными данными? Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/blog/privacy-report-2019-summary/22730/> (дата обращения: 12.06.2021).

⁴ Лаборатория Касперского (2020). Опрос «Лаборатории Касперского»: 64% россиян пытались удалить информацию о себе с сайтов или из социальных сетей. Режим доступа: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2020_opros-laboratorii-kasperskogo-64-rossiyan-pitalis-udalyat-informatsiyu-o-sebe (дата обращения: 12.06.2021).

возникающим из взаимодействия индивидов друг с другом. В работах Ю. Хабермаса понятие частного практически не разрабатывается. Здесь частная сфера выступает как условие личной автономии, по отношению к сфере публичной она играет служебную роль.

В. Кимличка предполагает, что на самом деле существует две различные дихотомии публичного и частного: различие между общественно-доступным и личным и различие между государством и гражданским обществом [Kumlicka, 2001]. В рамках первой дихотомии личное выступает как частное в том смысле, что оно представляет собой сферу жизнедеятельности, в которую можно отступить перед давлением общества и государства. В рамках второй – гражданское общество является частным пространством, поскольку оно не управляется публичной властью государства. Вместе взятые эти дихотомии создают трехстороннее разделение совокупной жизнедеятельности человека по линии публичное/частное: государство (публичное), гражданское общество (публично-частное) и личность (частное).

Понятно, что государство всегда позиционируется как публичное, личная жизнь индивида – как частное. Как ни странно, гражданское общество предстает как частное пространство, когда оно противопоставляется государству, и публичным, когда оно противопоставляется личному. В дальнейшем анализе будем исходить из данного соотношения, при этом исследовательское внимание сконцентрируем на частной сфере личности.

Частность предстает в аспекте непроницаемости для внешнего контроля, определенной сокрытости от общества и государства. Частность подразумевает не только право человека на защиту своих персональных данных от посторонних, но и право на личное пространство и его защиту от вторжений. Израильский исследователь Р. Гависон в своем детальном анализе различных аспектов проблемы частности отмечает, что частность так или иначе связана с ограничением доступа других людей к индивиду, и выделяет три типа таких ограничений: 1) ограничение знаний других об индивиду; 2) ограничение физического доступа к индивиду; 3) ограничение внимания к индивиду со стороны других [Gavison, 1980]. Состояние полной частности, где все вышеуказанные ограничения доведены до абсолюта, маловероятно и, более того, нежелательно. Но тем не менее, частность должна находиться под защитой, поскольку нарушение ограничений Р. Гависона может стать серьезной проблемой для человека. Сохранение частности предполагает запрет на действия, ее нарушающие, а также устранение вероятных посягательств на завоевание личного пространства человека [Шкудунова, 2007].

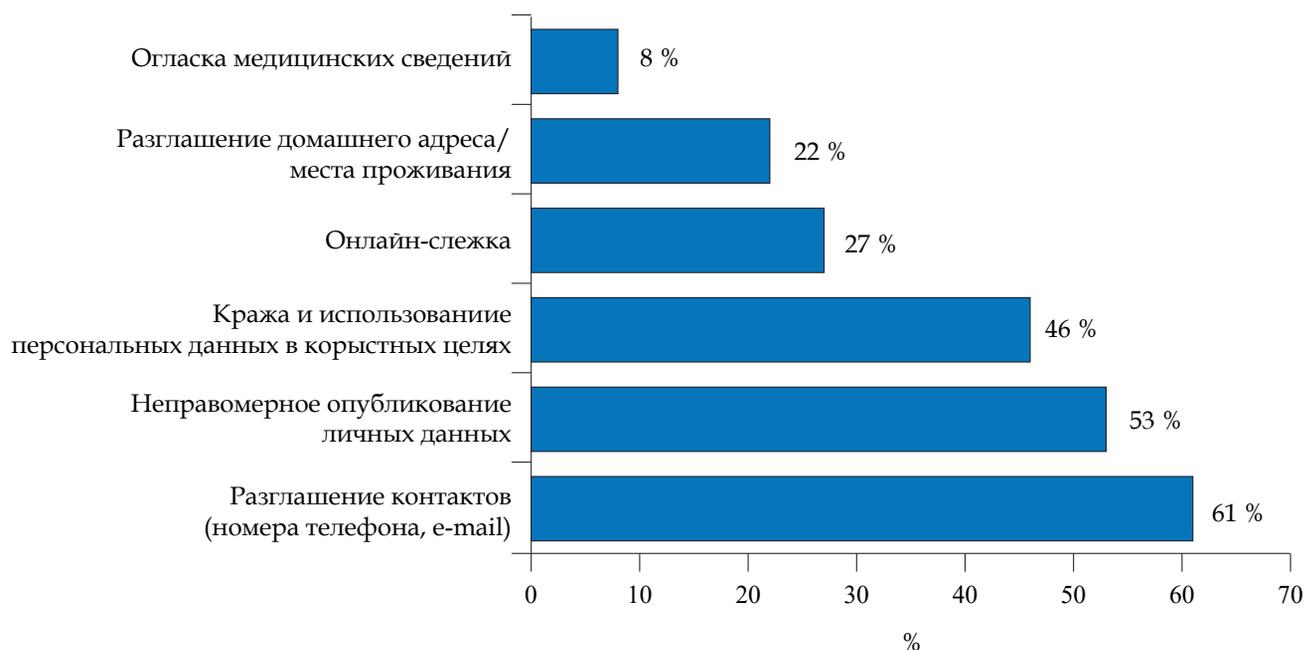
Развитие в начале XXI в. информационно-телекоммуникационных технологий, формирование информационно-коммуникационной среды, позволили публичной сфере стать пространством общественного диалога. Социальные медиа постепенно становятся одной из ключевых коммуникационных платформ, открытой и свободной для общественной активности индивида в рамках совещательной демократии [Саликов, 2018]. Но информационно-коммуникационная среда испытывает потребность в разработке механизма конфигурирования релятивной сети представителей заинтересованных сторон, который бы не нарушал частности индивида.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Помимо очевидных плюсов Интернета существует и множество рисков его использования. В основу проводимого исследования было положено предположение о том, что граждане достаточно неохотно пускают государство в свою частную сферу, поскольку это вызывает определенный дискомфорт, тревогу, опасность. Такая позиция формирует негативное отношение к государству, которое предстает как Левиафан, протягивающий свои щупальца в личную жизнь человека, в его частное пространство.

В современном мире передача персональных данных через Интернет стала повседневной и абсолютно естественной практикой. Помимо очевидных плюсов Интернета существует и множество рисков «опубликования» личной жизни пользователя сети. Однако онлайн-транзакции и общение в сети могут привести к утечке конфиденциальной информации. Чем больше информации можно найти о человеке в сетевом пространстве, тем выше для него риск столкнуться с различными угрозами, например, мошенничеством или кражей цифровой личности. Представленные на рисунке 1 результаты опроса показывают, что люди сталкиваются с определенными вещами, связанными с вторжением в их личное пространство в Интернете, охотой на их персональные данные.

Больше всего респонденты сталкивались с несанкционированным разглашением номера телефона, неправомерным опубликованием личных данных, кражей и использованием персональных данных в корыстных целях. Это подтверждает, что проблема вторжения в личную жизнь существует. Более половины опрошенных людей сталкивались с вторжениями в личное пространство, связанное с персональными данными. Особенно актуальна данная проблема для граждан с низким уровнем владения интернет-технологиями. Выход из данной ситуации видится в формировании компетентности, обеспечивающей возможность существования в цифровом обществе [Каргаполова и др., 2020; Проказина, 2020].

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Сталкивались ли Вы в сети «Интернет» со следующими ситуациями вторжения в личную жизнь?»

Figure 1. Distribution of answers to the question "Have you encountered the following situations of invasion of privacy on the Internet?"

В ходе опроса о приватности в сети, проведенного Лабораторией Касперского при поддержке компании Toluna, выяснилось, что почти каждый пятый пользователь (18 %) находил в сети некую информацию о себе или своих близких, которую он бы предпочел не видеть в открытом доступе (n = 1 090 среди граждан Российской Федерации). По данным этого опроса 64 % россиян пытались удалить свои личные данные с сайтов или из социальных сетей⁵.

Ежедневно социальные сети и другие электронные площадки аккумулируют широкий комплекс персональных данных пользователей, от личных переписок до данных банковских карт. Одновременно с этим растет вмешательство в частную жизнь человека, идет нарастание злоупотреблений данными о гражданине со стороны государства, использование «цифровой» личности в криминальных целях. Сюда включаются не только киберпреступность, но веб-мониторинг интернет-трафика пользователей, несанкционированное проникновение в личные гаджеты, расшифровка личных переписок граждан в мессенджерах, социальных сетях, игровых чатах и хищение приватной информации. Это несет угрозу конфиденциальности персональных данных пользователей. Поэтому следующий вопрос касался

⁵ Лаборатория Касперского (2020). Опрос «Лаборатории Касперского»: 64 % россиян пытались удалить информацию о себе с сайтов или из социальных сетей. Режим доступа: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2020_opros-laboratorii-kasperskogo-64-rossiyan-pitalis-udalyat-informatsiyu-o-sebe (дата обращения: 12.06.2021).

того, насколько люди понимают, что все те устройства, с которыми они работают, ведут сбор информации для веб-аналитики (см. рис. 2).

Опрос показал, что 46 % хорошо осведомлены о том, что идет процесс сбора информации, а 37 % что-то слышали об этом. Наибольший уровень полной осведомленности был зафиксирован среди жителей столичных мегаполисов – 70 %, значительно меньше в областных и районных центрах – 45 % и 46 % соответственно, в то время как в сельской местности показатель не превысил 31 %. Анализ возрастной структуры респондентов о осведомленности о возможности сбора данных веб-аналитики сайтами, социальными сетями и поисковыми системами показывает высокий уровень у молодежи по сравнению с пожилыми (51 % против 33 %).

Безусловно, когда человек заходит на сайт, устанавливает приложение, подсоединяет устройство, у него появляется предупреждение о том, что данные будут собираться. Поэтому осведомленность о сборе данных для веб-аналитики достаточно высокая. Отметим, что по данным опроса Лаборатории Касперского, в возможность обеспечить полную конфиденциальность личных данных в Интернете 56 % респондентов не верят (n = 11 000 пользователей из 21 страны)⁶.

⁶ Блог Касперского (2019). Цена приватности в Интернете: готовы ли пользователи рисковать личными данными? Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/blog/privacy-report-2019-summary/22730/> (дата обращения: 12.06.2021).

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

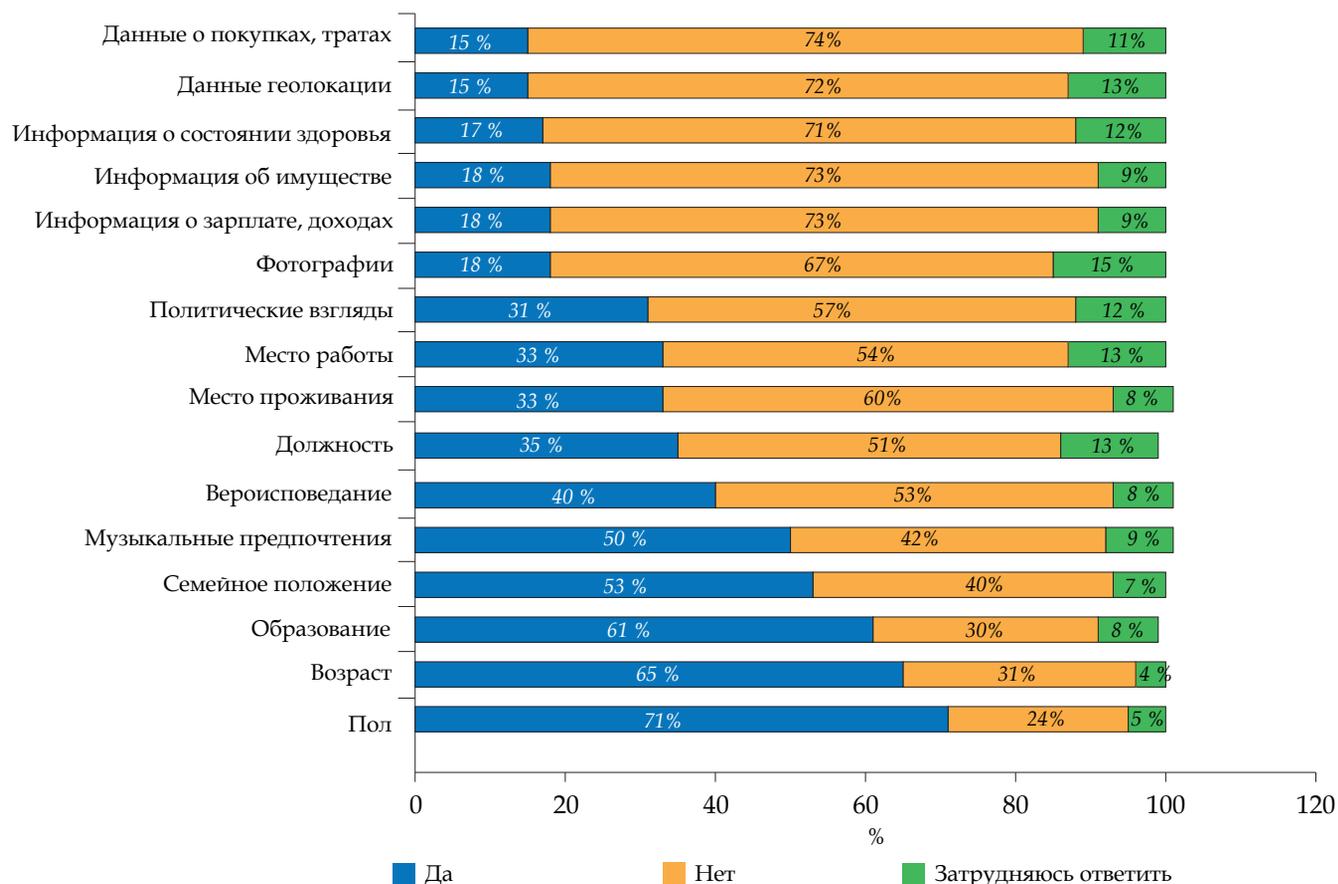
Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Интернет-сайты, социальные сети, поисковые системы могут собирать данные для веб-аналитики. Скажите, пожалуйста, Вы знаете, что-то слышали об этом или слышите сейчас впервые?»

Figure 2. Distribution of answers to the question "Internet sites, social networks, search engines can collect data for web analytics. Tell me, please, do you know, have you heard something about this or are you hearing it now for the first time?"

Невзирая на все потенциальные угрозы, в данном опросе Лаборатории Касперского 18% пользователей ответили, что они готовы в обмен на бесплатные услуги, подарки или программные приложения поделиться личными данными. В рамках нашего исследования гораздо большая часть респондентов выказала готовность предоставлять государственным органам информацию о себе для использования обобщенном виде, анализа, принятия решений (см. рис. 3).

Представленные на рисунке данные показывают, что значительная часть людей готова предоставлять государству такие персональные данные, как пол, возраст, образование, семейное положение, то есть основные социально-демографические характеристики. В наименьшей мере люди готовы предоставлять информацию, связанную с личными доходами/расходами: информация об имуществе, информация о зарплате, информация о покупках, тратах. В этом же ряду находятся данные о геолокации, то есть о текущем местоположении. Здесь население не готово предоставлять эту информацию для использования даже в обобщенном виде. Хотя надо сказать, что значительная часть сервисов, например умные города, используют геолокацию для определения потоков пассажирооборота и т.п.

Очень долго человечество шло именно к приватности: своя квартира, своя комната, свой виртуальный мир. Сейчас же происходит возвращение к публичности. В городском пространстве появляются датчики движения и камеры видеонаблюдения, применяются программы распознавания лиц. В ближайшее время Правительство России планирует создать государственную информационную систему «Национальная платформа видеонаблюдения», которая возьмет на себя анализ видео со всех городских камер в стране. Сегодня каркас такой системы планируется создать только в городах-миллионниках и крупных краевых и областных центрах, на ключевых транспортных магистралях и самых критичных объектах городской инфраструктуры. Логику действий государства по аккумулярованию всех данных понять можно, но в случае утечки данных в результате взлома, социальной инженерии или коррупции чиновников злоумышленник получит доступ к информации, которая очень чувствительна для любого гражданина. Он сможет не только предпринять попытку добраться до финансов гражданина, но и в перспективе анализировать его действия буквально пошагово, а это уже вторжение в приватное пространство человека не только со стороны государства, но и частных лиц.

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы предоставить органам власти следующие персональные данные для анализа и принятия решений?»

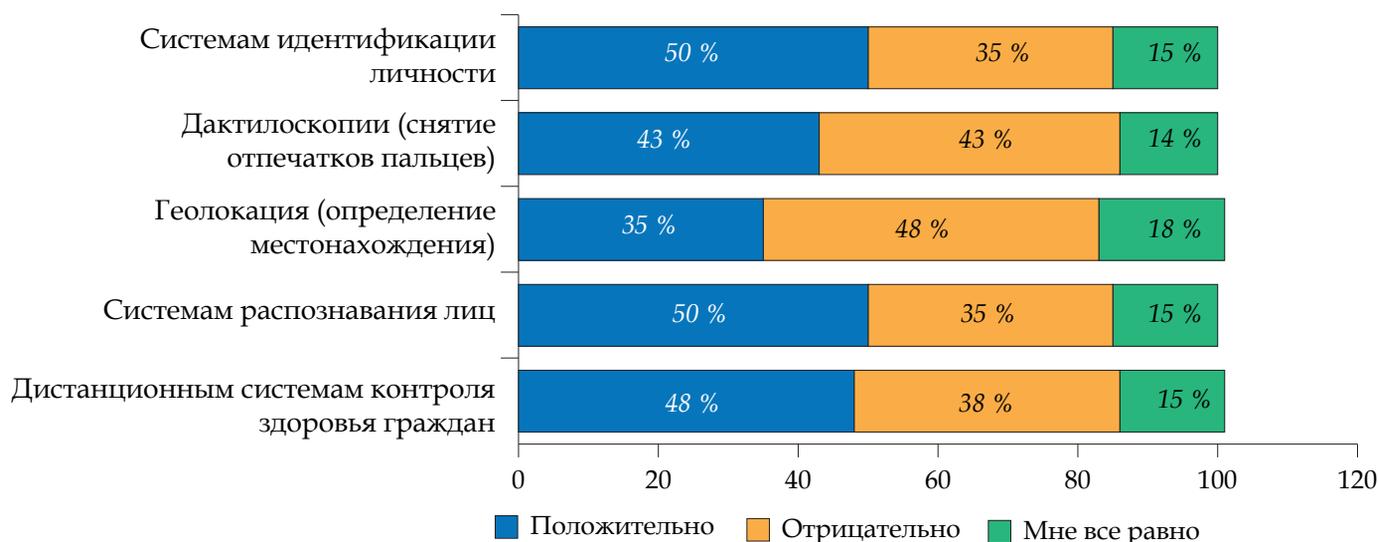
Figure 3. Distribution of answers to the question "Do you agree to provide the following personal data to the authorities for analysis and decision-making?"

В основе цифровых сетевых платформ лежит взаимодействие между акторами и актантами, которое реализуется благодаря не только прямому вводу информации человеком в стационарное или мобильное устройство, но и информации, получаемой со смарт-устройств и датчиков. Поэтому следующий вопрос затрагивал отношение респондентов к цифровым технологиям наблюдения и контроля за действиями и перемещениями граждан, данные которых используются на цифровых сетевых платформах.

Население в целом позитивно относится к отдельным системам наблюдения и контроля за действиями и перемещениями граждан (см. рис. 4). К системам распознавания лиц, а также к системам идентификации личности положительно относится 50 % респондентов, что на 15 п.п. больше отрицательного отношения к данным технологиям. Поровну распределись мнения респондентов относительно дактилоскопии (снятие отпечатков пальцев) – и положительно, и отрицательно к данной технологии относится по 43 % опрошенных. Скорее негативно население воспринимает только цифровые технологии определения геолокации (местонахождения) – 48 % опрошенных.

Распределение ответов населения согласно возрасту респондентов не позволило выявить существенных различий относительно восприятия отдельных инструментов наблюдения и контроля за действиями и перемещениями граждан. Тем не менее, старшее поколение наиболее положительно относится к технологиям распознавания лиц (55 %), респонденты среднего возраста – к системам идентификации личности (53 %), а молодежь – к дактилоскопии (45 %), геолокации (37 %) и дистанционным системам контроля здоровья граждан (52 %).

Распределение по типу населенного пункта, в котором проживают респонденты, позволило выявить тот факт, что жители сельских поселений в целом более позитивно относятся практически ко всем инструментам наблюдения и контроля за действиями и перемещениями граждан. Вероятно, это связано с тем, что данные инструменты не используются на уровне сельских поселений, тогда как жители мегаполисов и областных центров уже неоднократно сталкивались с ними.

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к следующим цифровым инструментам наблюдения и контроля за действиями и перемещениями граждан?»

Figure 4. Distribution of the responses to the question: "How do you feel about the following digital tools for monitoring and controlling the actions and movements of citizens?"

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если сделать промежуточные выводы, то можно утверждать о том, что с непропорциональным использованием в сети «Интернет» конфиденциальных сведений сталкивались практически две трети опрошенных граждан. Большинство опрошенных осведомлены о том, что сайты, социальные сети и поисковые системы могут собирать данные для веб-аналитики. При этом граждане считают возможным передачу персональных данных органам власти в обобщенном виде для принятия управленческих решений. Половина опрошенного населения не возражает против осуществления цифрового контроля за действиями и перемещениями граждан.

Таким образом, несмотря на имеющийся негативный опыт население не возражает против вторжения в частное пространство со стороны органов власти в рамках реализации публичного управления. И это свидетельствует о том, что при организации взаимодействия населения и государства на цифровых сетевых платформах не будет встречать яркого сопротивления. Да, здесь можно в какой-то мере говорить о цифровой некомпетентности населения, но футурофобии, страха будущего нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х. (2000). *Vita Activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В.В. Библихина; под ред. Д.М. Носова. СПб.: Алетей. 437 с.
- Василенко В.И., Василенко Л.А., Рухтин М.В. и др. (2010). Трансформационные процессы в системе допуска к государственной тайне России: монография / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: Проспект. 591 с.
- Зотов В.В., Захаров В.М., Сапрыка В.А. (2021). Цифровизация публичного управления: электронная демократия vs электронное правительство // *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*. Т. 46, № 3. С. 250–262. DOI: <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-2-250-262>
- Каргаполова Е.В., Каргаполов С.В., Давыдова Ю.А., Дулина Н.В. (2020). Информационные компетенции молодежи в условиях цифровизации общества // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 13, № 3. С. 193–210. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.13>
- Лихтин А.А. (2021). Трансформация государственного управления в условиях цифровизации // *Управленческое консультирование*. № 4. С. 18–26. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-18-26>

- Моazed А., Джонсон Н. (2019). Платформа: практическое применение революционной бизнес-модели / пер. с англ. А. Соломиной. М.: Альпина Паблшер. 288 с.
- Проказина Н.В. (2020). Цифровая грамотность населения как ресурс развития информационного общества // Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы: Сборник статей X всероссийской научно-практической конференции. Орел, 6 декабря 2020 г. / под ред. Ю.В. Каиры. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. С. 77–83.
- Саликов А.Н. (2018). Ханна Арендт, Юрген Хабермас и переосмысление публичной сферы в эпоху социальных медиа // Социологическое обозрение. Т. 17, № 4. С. 88–102. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-4-88-102>
- Сморгунов Л.В. (2019). Партиципаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество // Власть. Т. 27, № 5. С. 9–19. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6712>
- Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е. (2021). Государственные цифровые платформы: ключевые особенности и основные сценарии развития: доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, 13–30 апреля 2021 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 32 с.
- Хабермас Ю. (2017). Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Весь Мир. 342 с.
- Шкудунова Ю.В. (2007). Концептуальная основа «публичности» и «приватности» // Вестник Омского университета. № 4 (46). С. 65–68.
- Gavison R.E. (1980). Privacy and the limits of law // *The Yale Law Journal*. V. 89, no. 3. Pp. 421–471. <https://doi.org/10.2307/795891>
- Gavison R.E. (1992). Feminism and the public-private distinction // *Stanford Law Review*. V. 45, no. 1. Pp. 1–45. <https://doi.org/10.2307/1228984>
- Kymlicka W. (2001). *Contemporary political philosophy: an introduction*. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2001. 512 p.
- Vasilenko L.A. (2021). Public policy in digital society // *KnE Social Sciences: XXIII International Conference Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference*. V. 5, no. 2. Pp. 585–593. <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8404>

REFERENCES

- Arendt H. (2000), *Vita Activa oder Vom tätigen Leben [Vita Activa, or About active life]*, translated from German and English by V.V. Bibikhin, Aleteya, St. Petersburg, Russia. (In Russian).
- Gavison R. (1980), “Privacy and the limits of law”, *The Yale Law Journal*, vol. 89, no. 3, pp. 421–471. <https://doi.org/10.2307/795891>
- Gavison R. (1992), “Feminism and the public-private distinction”, *Stanford Law Review*, vol. 45, no. 1, pp. 1–45.
- Habermas J. (2017), *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*, translated from German by V.V. Ivanov, Ves` Mir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Kargapolova E.V., Kargapolov S.V., Davydova Yu.A. and Dulina N.V. (2020), “Information competences of young people within digitalization of society”, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 13, no. 3, pp. 193–210. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.13>
- Kymlicka W. (2001), *Contemporary political philosophy: an introduction*, 2nd ed, Oxford University Press, New York, USA.
- Likhtin A.A. (2021), “Transformation of public administration in the digital era”, *Administrative Consulting*, no. 4, pp. 18–26. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-4-18-26>
- Moazed A. and Johnson N. (2019), *Platform: practical application of a revolutionary business model*, translated from English by A. Solomina, Al`pina Publisher, Moscow, Russia. (In Russian).
- Prokazina N.V. (2020), Digital literacy of the population as a resource for the development of the information society, *Information Development of Russia: State, Trends and Prospects: Proceedings of the X All-Russian Scientific and Practical Conference. Orel, December 6, 2020*, edited by Yu.V. Kaira, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia, pp. 77–83. (In Russian).
- Salikov A. (2018), “Hannah Arendt, Jurgen Habermas, and rethinking the public sphere in the age of social Media”, *Russian Sociological Review*, vol. 17, no. 4, p. 88–102. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-4-88-102>
- Smorgunov L.V. (2019), “Participatory governability: platforms and collaboration”, *Vlast*, vol. 27, no. 5, pp. 9–19. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6712>
- Shkudunova Yu.V. (2007), “Conceptual framework of “publicity” and “privacy”, *Herald of Omsk University*, no. 4, pp. 65–68. (In Russian).
- Styrin E.M. and Dmitrieva N.E. (2021), *State Digital Platforms: Key Features and Main Development Scenarios: Report to the XXII April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development. Moscow, April 13–30, 2021*, Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia. (In Russian).

Vasilenko V.I., Vasilenko L.A., Rukhtin M.V. et al. (2010), *Transformation processes in the system of access to state secret of Russia: monograph*, edited by of A.A. Prokhozhev, Prospekt, Moscow, Russia. (In Russian).

Vasilenko L.A. (2021), Public policy in digital society, *KnE Social Sciences: XXIII International Conference Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research Conference*, vol. 5, no. 2, pp. 585–593. <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8404>

Zotov V.V., Zakharov V.M. and Sapryka V.M. (2021), “Digitalization of public administration: electronic democracy vs electronic government”, *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, vol. 46, no. 3, pp. 250–262. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-2-250-262>

TRANSLATION OF FRONT REFERENCES

¹ BBC (2019), “Data on 540 million Facebook users exposed”. Available at: <https://www.bbc.com/news/technology-47812470> (accessed 12.06.2021).

² Filipenok A. and Skobelev V. (2021), “Roskomnadzor will start checking due to the data leak of Navalny’s supporters”, *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/20/04/2021/607ecf5b9a7947353f644f54> (accessed 12.06.2021).

³ Kaspersky Blog (2019), “The price of privacy on the Internet: are users willing to risk their personal data?”. Available at: <https://www.kaspersky.ru/blog/privacy-report-2019-summary/22730/> (accessed 12.06.2021).

⁴ Kaspersky Lab (2020), “Kaspersky Lab survey: 64 % of Russians tried to delete information about themselves from websites or from social networks”. Available at: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2020_opros-laboratorii-kasperskogo-64-rossiyan-pitalis-udalyat-informatsiyu-o-sebe (accessed 12.06.2021).

⁵ Ibid.

⁶ Kaspersky Blog (2019), “The price of privacy on the Internet: are users willing to risk their personal data?”. Available at: <https://www.kaspersky.ru/blog/privacy-report-2019-summary/22730/> (accessed 12.06.2021).

Цифровизация публичного управления в странах ЕАЭС

УДК 351/354 DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-27-35>

Получено 12.08.2021 Доработано после рецензирования 06.09.2021 Принято 15.09.2021

Сапрыка Виктор Александрович

Д-р социол. наук, доц., ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0506-3644>

E-mail: sapryka@bsu.edu.ru

Пастюк Александр Владимирович

Канд. социол. наук, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5276-354X>

E-mail: pastyuk_a@bsu.edu.ru

Кулакова Наталья Игоревна

Ассистент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8131-8875>

E-mail: kulakova@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены различные аспекты цифровизации публичного управления в странах Евразийского экономического союза. Отмечено, что цифровизация носит стихийный и всеобъемлющий характер, а также затрагивает практически все сферы общественных отношений, в том числе и систему публичного управления. В этой связи возникает необходимость выработки совместной межгосударственной политики в области институционализации процессов цифровизации общества. Цифровизация определяется как совокупность цифровой трансформации процессов хозяйствования субъектов и создания цифровых продуктов и услуг, а не просто как оцифровка – перевод данных из аналоговой формы в цифровую. В свою очередь, определение термина «публичное управление» можно сформулировать как комплекс механизмов, процессов, взаимоотношений и институтов, посредством которых граждане государства, их объединения выражают свои интересы, осуществляют свои права и обязанности и урегулируют разногласия. Анализ

практики институционализации процессов цифровизации публичного управления демонстрирует тот факт, что основные регулятивные нормы и практики данной сферы закрепляются в рамках национальных целевых программ.

В настоящей статье проанализированы программно-целевые документы всех стран – членов Евразийского экономического союза, затрагивающие процессы регулирования цифровизации, необходимость институционализации процессов цифровизации власти и общества, а также внедрения современных технологий в практику публичного управления. Вместе с тем общим элементом всех стратегий, концепций и программ выступает только цифровизация процесса предоставления государственных услуг, а остальные параметры целевых документов во многом различны. В этой связи требуется формирование единой модели цифровизации публичного управления Евразийского экономического союза на основе единой стратегии.

Ключевые слова

Цифровизация, цифровое общество, публичное управление, Евразийский экономический союз, цифровые технологии, международное сотрудничество, Евразийская интеграция, институционализация цифрового взаимодействия

Для цитирования

Сапрыка В.А., Пастюк А.В., Кулакова Н.И. Цифровизация публичного управления в странах ЕАЭС // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 3. С. 27–35.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук МД-578.2020.6 «Социокультурные угрозы трансформации цивилизационных фронтиров в постсоветском хронотопе».

© Сапрыка В.А., Пастюк А.В., Кулакова Н.И., 2021. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Digitalization of public governance in the EAEU countries

DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-27-35>

Received 12.08.2021 Revised 06.09.2021 Accepted 15.09.2021

Viktor A. Sapryka

Dr. Sci. (Soc.), Assoc. Prof., Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0506-3644>

E-mail: sapryka@bsu.edu.ru

Natalia I. Kulakova

Assistant, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8131-8875>

E-mail: kulakova@bsu.edu.ru

Alexandr V. Pastyuk

Cand. Sci. (Soc.), Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5276-354X>

E-mail: pastyuk_a@bsu.edu.ru

ABSTRACT

Various aspects of digitalization of public administration in the countries of the Eurasian Economic Union are considered. It is noted that digitalization is spontaneous and comprehensive, and also affects almost all spheres of public relations, including the system of public administration. In this regard, there is a need to develop a joint interstate policy in the field of institutionalization of the processes of digitalization of society. Digitalization is defined as a set of digital transformation of the processes of economic entities and the creation of digital products and services, and not just as digitization - the transfer of data from analog form to digital. In turn, the definition of the term "public administration" can be formulated as a set of mechanisms, processes, relationships and institutions through which citizens of the state, their associations express their interests, exercise their rights and obligations and settle differences. The analysis of the practice of institutionalization of the processes of digitalization

of public administration demonstrates the fact that the main regulatory norms and practices in this sphere are fixed within the framework of national target programs.

This article analyses the program and target documents of all the member countries of the Eurasian Economic Union, affecting the digitalization regulation processes, the need to institutionalize the processes of digitalization of government and society, as well as the introduction of modern technologies in the practice of public administration. At the same time, the common element of all strategies, concepts and programs is only the digitalization of the process of providing public services, and the other parameters of the target documents are largely different. In this regard, it is required to form a unified model of digitalization of public administration of the Eurasian Economic Union on the basis of a unified strategy.

Keywords

Digitalization, digital society, public administration, Eurasian Economic Union, digital technologies, international cooperation, Eurasian integration, institutionalization of digital interaction

For citation

Sapryka V.A., Pastyuk A.V., Kulakova N.I. (2021) Digitalization of public governance in the EAEU countries. *Digital sociology*, vol. 4, no. 3, pp. 27-35. DOI: [10.26425/2658-347X-2021-4-3-27-35](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-27-35)

Acknowledgements

The article was performed with the support of a Grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – Doctors of Sciences MD-578.2020.6 "Socio-cultural threats to the transformation of civilizational frontiers in the post-Soviet chronotope".

© Sapryka V.A., Pastyuk A.V., Kulakova N.I., 2021. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия большое внимание уделяется постепенной трансформации общественной системы и переходу общества к информационному типу. При этом особое значение уделяется не самому факту нарастания объемов информации, в том числе и в цифровой форме, а эффективным технологиям, позволяющим осуществлять поиск, обработку и анализ во всем многообразии существующих данных и знаний. Одной из наиболее заметных тенденций последнего десятилетия является цифровизация общества, которая является стихийным и слабо регулируемым процессом. Вместе с тем на государственном уровне большинства стран постсоветского пространства предпринимаются попытки институционализации процессов цифровизации и эффективного применения цифровых технологий в практике публичного управления.

В условиях, когда цифровизация приобретает всеобъемлющий характер, затрагивающий практически все аспекты современного общества, большую значимость приобретает консолидация опыта и объединение потенциалов в области регулирования цифровизации на международном уровне. Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), представляя собой один из самых успешных интеграционных проектов на пространстве бывших советских республик, обладает всеми необходимыми ресурсами и возможностями для выработки совместной межгосударственной политики в области институционализации процессов цифровизации общества и публичного управления. Первичной, в данном случае, видится консолидация национальных практик регулирования цифровизации в области публичного управления как сферы совместной деятельности государства и общества.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Проблематика цифровизации управленческих систем, в том числе и на уровне публичной власти, нашла свое отражение в научных исследованиях большого числа отечественных и зарубежных ученых, которые в своих работах рассматривали различные особенности внедрения цифровых технологий в практику публичного управления.

В трудах зарубежных авторов проблематика публичного управления, как формы взаимодействия государства и общества, направленной на удовлетворение общих интересов, нашла свое отражение в работах М. Венсвийка, С. Меркуса, С. Мадимуца, Л. Преториуса [Merkus, Veenswijk, 2017; Pretorius, Madimutsa, 2017].

В научных работах Л.Т. Волчковой [2015] и В.Н. Мишиной [2019] публичное управление представлено как форма политического руководства, государственного

администрирования и государственного менеджмента, теоретически раскрыты и обоснованы модели и тенденции государственного и публичного управления, особенно подчеркивается, что выступает более сложным уровнем организации власти и общества, а также является показателем развития системы государственного управления и социальной сферы в каждой отдельной стране [Волчкова, 2015].

Проблематика цифровизации системы публичной власти, как одной из потенциальных возможностей для повышения эффективности государственного управления широко раскрыта в работах Н. Ганнингема, П. Грабовски, Д. Синклэра [Gunningham, Grabosky, Sinclair, 1998], С. Бермана [Berman, 2012], Д. Грей и Б. Румпе [Gray, Rumppe, 2017].

В центре внимания отечественных авторов В.А. Глухих, С.М. Елисеева [2020], Н.Ф. Поповой [2020] находятся проблемы цифровизации государственного управления, проблемы и перспективы создания цифровых платформ государственного управления, цифровой трансформации процессов и процедур оказания государственных услуг.

Проблематика нарастания цифрового контроля в современных общественных системах широко раскрывается в научных изысканиях А.В. Тихонова, В.С. Богданова и других исследователей. Так, А.В. Тихонов и В.С. Богданов подчеркивают, что социально-ориентированное управление, изначально внедряемое с целью повышения качества работы органов публичной власти, к настоящему времени подменяется формальным достижением показателей результативности и цифровой отчетностью, которая не отражает реальный эффект от современных управленческих технологий. Авторы констатируют, что существует необходимость постепенной переориентации от практики цифрового контроля к эффективному социальному управлению на базе современных цифровых технологий [Тихонов, Богданов, 2020].

Заслуживают внимания и представляют интерес многочисленные научные работы исследователей, в которых освещен опыт различных государств на общемировом пространстве в сфере цифровизации публичного управления, основные тенденции и вызовы, в частности Ф. Баннистера, Р. Коннолли [Bannister, Connolly, 2014], П. Данливи, Х. Маргеттс, С. Бастоу, Дж. Тинклер [Dunleavy et al., 2006].

Рассматривая процесс модернизации публичного управления в зарубежных государствах, Н.В. Сыманюк выделяет различные принципы в управленческой деятельности зарубежных государственных структур, каждый из которых характеризует различные аспекты реформирования органов государственной власти, с целью максимально эффективного перехода к системе публичного управления. По мнению автора, несмотря на то, что существует множество

общих принципов, на основе которых осуществляется модернизация и реформирование систем публичного управления, в каждой стране наблюдается собственная специфика, когда те или иные принципы выходят на первый план, а остальные напротив, исчезают из общей повестки [Сыманюк, 2018].

Основные проблемы и риски цифровизации системы публичного управления раскрыты в работах Л.А. Василенко, В.В. Зотова [2020], С. Корчагина, Б. Польшикова [2018], Н.В. Михайленко [2020], А.А. Уварова [2020] и других исследователей.

Несмотря на большое число научных работ в сфере цифровизации систем публичного управления, в отечественной науке недостаточно раскрыты возможности комплементации и консолидации национальных практик регулирования в рамках ЕАЭС, которые необходимы для выработки эффективной международной модели цифровизации публичного управления ЕАЭС.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

В рамках настоящего исследования использована концепция цифровизации современного общества, нашедшая свое отражение во множестве научных исследований различных отраслей знания. Однако несмотря на объединяющие положения в различных подходах, которые сводятся к активному распространению цифровых технологий, само понятие «цифровизация» рассматривается исследователями совершенно по-разному.

Зарубежный исследователь П. Хоровиц определяет цифровизацию как механизм переноса аналогового объекта, изображения или аудио-видеосигнала в набор цифрового кода, что дает возможность записать данные объекты на электронные носители [Хоровиц, Хилл, 1993]. Информация, перенесенная в цифровую форму, может быть легко скопирована, передана или отправлена по электронным каналам коммуникации, вследствие чего снижаются барьеры и размываются границы характерные для аналоговых данных.

Схожего мнения придерживается и Л.А. Бабура, которая в данное понятие помимо непосредственной «оцифровки» информации вносит также аспект передачи данных для потребителя через электронные устройства [Бабура, 2017].

Вместе с тем С.Д. Суворова и А.Н. Теванян, напротив, не отождествляют два этих понятия. Согласно их работам, цифровизация должна рассматриваться как совокупность цифровой трансформации процессов взаимодействия субъектов и создания цифровых продуктов и услуг, а не просто как оцифровка – перевод данных из аналоговой формы в цифровую (изображений, видео, аудио и текста). Например, создание электронного документа взамен его бумажной формы может

служить примером оцифровки, в то время как цифровая трансформация всего процесса его создания и использования для достижения каких-либо целей предприятия – примером цифровизации [Суворова, 2019].

Еще одним значимым подходом, использованным в настоящем исследовании, выступает концепция публичного управления. В статье под публичным управлением понимается комплекс механизмов, процессов, взаимоотношений и институтов, посредством которых граждане государства, их объединения выражают свои интересы, осуществляют свои права и обязанности и урегулируют разногласия. Данный подход исследовался в работах по вопросам публичного управления как аспекта социального управления в сфере государственно-общественных отношений, например, Р.М. Усманова [2011]. Проблемы реформирования публичного управления рассматривались в работах Т. Геблера, П. Окойна, Д. Осборна, Р. Ротберга, С. Худа [Aucoin, 1990; Osborne, Gaebler, 1992; Rotberg, 2014], а применительно к российской действительности – А.В. Волковой [2013], Е.В. Охотским [2014], А.В. Тихоновым [2014].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ практики институционализации процессов цифровизации публичного управления демонстрирует тот факт, что основные регулятивные нормы и практики данной сферы закрепляются в рамках национальных целевых программ.

Так, например, в Российской Федерации уже более 10 лет действует государственная программа «Информационное общество»¹. Этот документ закрепляет задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов. К настоящему времени ключевые положения данной программы вошли в общенациональный документ «Цифровая экономика Российской Федерации»², который включает в себя множество проектов различного уровня, посвященные развитию кадрового потенциала современной цифровой

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10.10.2010 № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 годы)» // Правительство России. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/41d47c465b2b53f82bb1.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Правительство России. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

отрасли, формированию цифровой инфраструктуры в стране, развитию безопасности на информационно-коммуникационном пространстве, внедрению цифровых практик в деятельность государственных органов власти.

В программе прямо указано, что цифровизация сектора публичного управления направлена на вооружение органов публичной власти современными цифровыми технологиями для повышения эффективности их деятельности в части оказания государственных и иных услуг, а также дальнейшего внедрения принципов социально-ориентированного управления. Прямо подчеркивается необходимость повышения результативности деятельности органов государственного управления, взаимодействия органов государственной (муниципальной) власти, граждан и бизнеса на основе использования информационно-телекоммуникационных технологий.

Схожая программа реализуется и в Республике Беларусь. Программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг.³ опирается на опыт последних лет, когда в стране произошло существенное развитие цифровой отрасли и был зафиксирован кратный подъем соответствующего сектора экономики. Кроме того, большое внимание уделяется внедрению современных решений и технологий, которые уже применяются в наиболее развитых странах.

В данном случае, особый акцент сделан на развитии экономического ИТ-сектора страны, который за прошедшие десятилетия сформировался в одну из важнейших отраслей развития страны.

Государственной программой предусматривается реализация широкого комплекса мероприятий по целому спектру различных направлений, в том числе инфраструктурному развитию цифровой экономики, повсеместному внедрению цифровых инновационных практик, обеспечению безопасности на цифровом пространстве и при использовании современных информационно-коммуникационных технологий. Продолжится совершенствование инфраструктуры электронного правительства путем создания (развития) ряда межведомственных информационных систем, обеспечивающих реализацию государственных электронных сервисов.

В государственной программе Республики Казахстан⁴ большое значение уделяется не только повышению качества жизни населения за счет цифровых

технологий, но и цифровизации отраслей экономики, а именно – преобразованию традиционных отраслей на основе прорывных цифровых технологий и практик, которые позволят не только обеспечить экономическое развитие страны, но икратно увеличить общую производительность труда в Казахстане.

Внедрение современных технологий в сфере публичного управления определено как планомерный переход на цифровое государство – трансформация государственной инфраструктуры для максимально эффективного предоставления услуг населению и бизнесу. Внедрение цифровых технологий позволит гражданам быстро и самостоятельно получать госуслуги в электронном формате. Многие госорганы, зная о потребностях граждан, заранее смогут связываться с ними для оказания услуги без необходимости посещения учреждений.

В Республике Кыргызстан принята Концепция цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан» до 2023 г.⁵ В настоящей концепции закрепляется, что цифровизация страны должна включать в себя формирование навыков цифровой грамотности у населения. Кроме того, большое внимание уделяется необходимости повышения качества предоставления государственных услуг в цифровом формате, внедрения цифровых технологий для борьбы с коррупционными проявлениями в деятельности публичной власти, а также привлечения населения к участию в деятельности органов государственной и муниципальной власти через современные цифровые каналы коммуникации.

Таким образом, именно в Кыргызстане цифровизация публичного управления рассматривается как двусторонний процесс, направленный и на повышение цифровой грамотности населения, и на внедрение цифровых технологий в практику предоставления государственных услуг.

В 2020 г. в Республике Армения была принята стратегия цифровизации страны на 2020–2025 гг.⁶ Согласно позиции органов власти страны, использование цифровых технологий в государственном управлении позволит повысить эффективность государственного управления за счет оптимизации административных процессов, снижения затрат, ускорения реализации процессов, усиления контроля над процессами, снижения коррупционных рисков.

³ Постановление Совета министров Республики Беларусь от 02.02.2021 № 66 «О государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/C22100066_1612472400.pdf (дата обращения: 10.08.2021).

⁴ Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.12.2017 № 827 «Об утверждении Государственной программы «Цифровая Республика Казахстан» // Официальный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан. Режим доступа: <https://primeminister.kz/assets/media/gosudarstvennaya-programma-tsifrovoy-kazakhstan-rus.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

⁵ Распоряжение Правительства Кыргызской Республики от 15.02.2019 № 20-р «Об утверждении «дорожной карты» по реализации Концепции цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023» // Министерство юстиции Кыргызской Республики. Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/216896> (дата обращения: 10.08.2021).

⁶ Премьер-министр Республики Армения (2020). Цифровизация – революционный процесс, и работу необходимо проводить и по содержательному, и по техническому направлению: премьер-министр. Режим доступа: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2020/07/20/Nikol-Pashinyan-meeting-Digitization/> (дата обращения: 10.08.2021).

Стратегические направления предусматривают построение новых отношений между обществом и государством, а также установление гибких, конкурентоспособных процессов цифровой коммуникации.

Все страны ЕАЭС используют программные и проектные технологии для цифровизации публичного управления (см. табл.).

Как видно из таблицы, в странах ЕАЭС не совпадают даже временные горизонты программных документов, а используемые подпрограммы и проекты зачастую ставят разные приоритеты для решаемых задач, тем не менее страны ЕАЭС имеют все возможности для консолидации лучших практик в области цифровизации публичного управления. Но процесс практически с повсеместной цифровизацией общественной жизни, который проникает во все сферы деятельности человека и общества требует совместного решения общих задач. Волна цифровизации накрывает все большее число тех социальных и культурных институтов, чья репрезентация за пределами реального пространства до недавнего времени не представлялась возможной, и речь здесь идет, прежде всего, об институтах государственного и муниципального управления, а также публичной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К настоящему времени проблематика публичного управления еще не успела окончательно закрепиться на постсоветском пространстве, необходимость институционализации процессов цифровизации власти и общества, а также внедрения современных технологий в практику публичного управления, определены в качестве целевых приоритетов во всех странах ЕАЭС. Вместе с тем общим элементом всех стратегий, концепций и программ выступает только цифровизация процесса предоставления государственных услуг, а остальные параметры целевых документов во многом различны. В некоторых случаях большое внимание уделяется построению новых отношений и коммуникаций между властью и обществом, учитывающих повсеместную цифровизацию общественной жизни. В других же больший акцент сделан на повышении цифровой грамотности населения с целью роста возможностей для получения государственных услуг в цифровой форме.

Однако, дальнейшая реализация национальных целевых программ в сфере цифровизации публичного управления без учета стратегических целей развития ЕАЭС может повлечь за собой нарастание различий в национальных политиках государств участников

Таблица. Сравнительный анализ программных и проектных технологий для цифровизации публичного управления в странах ЕАЭС

Table. Comparative analysis of software and project technologies for digitalization of public administration in the EAEU countries

Страна	Название программы	Время реализации	Проектные технологии
Российская Федерация	Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»	до 2030 г.	«Нормативное регулирование цифровой среды»; «Кадры для цифровой экономики»; «Информационная инфраструктура»; «Информационная безопасность»; «Цифровые технологии»; «Цифровое государственное управление»; «Искусственный интеллект»
Республика Беларусь	Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси»	до 2025 г.	«Информационно-аналитическое и организационно-техническое сопровождение цифрового развития»; «Инфраструктура цифрового развития»; «Цифровое развитие государственного управления»; «Цифровое развитие отраслей экономики»; «Региональное цифровое развитие»; «Информационная безопасность и «цифровое доверие»
Республика Казахстан	Государственная программа «Цифровой Казахстан»	до 2022 г.	«Цифровизация отраслей экономики»; «Переход на цифровое государство»; «Реализация цифрового Шелкового пути»; «Развитие человеческого капитала»; «Создание инновационной экосистемы»
Республика Кыргызстан	Концепция цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023»	до 2023 г.	«Развитие цифрового государства»; «Развитие цифровой экономики»; «Развитие цифровых навыков»; «Обеспечение кибербезопасности»
Республика Армения	Стратегия цифровизации Армении на 2020–2025 гг.	до 2025 г.	«Информационно-коммуникационная инфраструктура»; «Инфраструктура информатизации»; «Цифровая трансформация»

Составлено авторами по материалам исследования / Compiled by the authors on the materials of the study

союзного проекта, что станет существенным барьером для развития дальнейших интеграционных процессов.

В этой связи требуется формирование единой модели цифровизации публичного управления ЕАЭС на основе единой стратегии. Данному направлению должны предшествовать следующие шаги.

1. Научное осмысление феномена публичного управления на постсоветском пространстве, в том числе в странах ЕАЭС.

2. Оценка готовности систем государственного и муниципального управления Армении, Белоруссии, России, Казахстана и Киргизии к дальнейшей интеграции.

3. Разработка стандартов публичного управления для стран ЕАЭС.

4. Согласование государственных программ стран ЕАЭС по цифровизации.

5. Проведение оценки цифрового потенциала стран ЕАЭС.

6. Социологическая диагностика готовности населения стран ЕАЭС к процессам цифровизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабура Л.А. (2017). Кросс-медиапродукт // Вектор экономики. № 6. С. 8–18.

Василенко Л.А., Зотов В.В. (2020). Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // Цифровая социология. № 2. С. 4–16. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16>

Волкова А.В. (2013). Публичные ценности и система государственного управления в России. Санкт-Петербург: СПбГУ. 383 с.

Волчкова Л.Т. (2015). Публичное управление как сфера социального развития человека // Материалы Афанасьевских чтений. № 13. С. 19–26.

Глухих В.А., Елисеев С.М. (2020). Цифровая платформа как стратегия развития правительства в информационном обществе // Информация – Коммуникация – Общество. № 1. С. 32–37.

Корчагин С., Польшиков Б. (2018). Цифровая экономика и трансформация механизмов государственного управления. Риски и перспективы для России // Свободная мысль. № 1. С. 23–36.

Минина В.Н. (2019). HR-боты в управлении человеческими ресурсами организации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. № 3. С. 400–418.

Михайленко Н.В. (2020). Цифровое государственное управление. Современные проблемы и перспективы завтрашнего дня // Государственная служба и кадры. № 2. С. 171–175.

Охотский Е.В. (2014). Государственное управление: на пути к современной модели государственного менеджмента // Вестник МГИМО Университета. № 3. С. 115–127.

Попова Н.Ф. (2020). Необходимость цифровизации государственного управления в РФ // Административное право и процесс. № 2. С. 48–53.

Суворова С.Д. (2019). Вызовы, угрозы и риски цифровизации хозяйствующих субъектов в условиях инновационного развития // Развитие цифровой экономики в условиях деглобализации и рецессии. С. 507–535.

Сьманюк Н.В. (2018). Современные зарубежные направления модернизации публичного управления // Особенности публичного управления в современной России: монография / под ред. Т.М. Резер. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 62–70.

Тихонов А.В. (2014). Опыт социолого-культурологического исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали // Вестник Института социологии. № 3 (10). С. 66–84.

Тихонов А.В., Богданов В.С. (2020). От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74–81. <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>

Уваров А.А., Уваров А.А. (2020). Проблемы использования цифровых технологий при реализации прав и свобод граждан // Право и цифровая экономика. № 2. С. 5–11.

Усманова Р.М. (2011). О соотношении понятий «публичное регулирование», «публичное управление» и «публичная власть» // Общество: политика, экономика, право. № 3. С. 133–140.

Хоровиц П., Хилл У. (1993). Искусство схемотехники. Москва: Мир. 371 с.

Aucoin P. (2005). Administrative reform in public management: paradigms, principles, paradoxes and pendulums // Governance. No. 3 (2). Pp. 115–137. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.1990.tb00111.x>

Bannister F., Connolly R. (2014). ICT, public values and transformative government: a frame-work and programme for research // Government Information Quarterly. No. 31 (1). Pp. 119–128. <https://doi.org/10.1016/j.qiq.2013.06.002>

Berman S.J. (2012). Digital transformation: opportunities to create new business models // Strategy and Leadership. No. 2. Pp. 16–24.

- Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. (2006) New public management is dead – long live digital-era governance // *Journal of Public Administration Research and Theory*. No. 3. Pp. 467–494.
- Gray J., Rumpe B. (2017). Models for the digital transformation // *Software & Systems Modeling*. No. 2. Pp. 307–308.
- Gunningham N., Grabosky P., Sinclair D. (1998). *Smart regulation: designing environmental policy*. Oxford: Oxford University Press. 494 p.
- Madimutsa C., Pretorius L. (2017). Revisiting trade unions’ response to new public management: a case from Zambia // *Public Personnel Management*. No. 46 (3). Pp. 288–307.
- Merkus S., Veenswijk M. (2017). Turning new public management theory into reality: performative struggle during a large scale planning process // *Environment and Planning C-Politics and Space*. No. 35 (7). Pp. 1264–1284. <https://doi.org/10.1177/0263774X16689370>
- Osborne D., Gaebler T. (1992). *Reinventing government. How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector*. New York: A Plume Book. 432 p.
- Rotberg R.I. (2014). Good governance means performance and results // *Governance*. No. 27 (3). Pp. 511–518. <https://doi.org/10.1111/gove.12084>

REFERENCES

- Aucoin P. (2005), “Administrative reform in public management: paradigms, principles, paradoxes and pendulums”, *Governance*, no. 3 (2), pp. 115–137. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.1990.tb00111.x>
- Babura L.A. (2017), “Cross media product”, *Vektor ekonomiki*, no. 6, pp. 8–18. (In Russian).
- Bannister F. and Connolly R. (2014), “ICT, public values and transformative government: a frame-work and programme for research”, *Government Information Quarterly*, no. 31 (1), pp. 119–128. <https://doi.org/10.1016/j.qiq.2013.06.002>
- Berman S.J. (2012), “Digital transformation: opportunities to create new business models”, *Strategy and Leadership*, no. 2, pp. 16–24.
- Dunleavy P., Margetts H., Bastow S. and Tinkler J. (2006), “New public management is dead – long live digital-era governance”, *Journal of Public Administration Research and Theory*, no. 3, pp. 467–494.
- Glukhikh V A. and Eliseev S.M. (2020), “Digital platform as a development strategy of the government in the information society”, *Informatsiya – Kommunikatsiya – Obshchestvo*, no. 1, pp. 32–37. (In Russian).
- Gray J. and Rumpe B. (2017), “Models for the digital transformation”, *Software & Systems Modeling*, no. 2, pp. 307–308.
- Gunningham N., Grabosky P. and Sinclair D. (1998), *Smart regulation: designing environmental policy*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Horovic P. and Hill U. (1993), *The art of circuitry*, Mir, Moscow, Russia. (In Russian).
- Korchagin C. and Pol’shikov B. (2018), “Digital economy and transformation of mechanisms of the government. Risks and prospects for Russia”, *Svobodnaya mysl’*, no. 1, pp. 23–36. (In Russian).
- Madimutsa C. and Pretorius L. (2017), “Revisiting trade unions’ response to new public management: a case from Zambia”, *Public Personnel Management*, no. 46 (3), pp. 288–307.
- Merkus S. and Veenswijk M. (2017), “Turning new public management theory into reality: performative struggle during a large scale planning process”, *Environment and Planning C-Politics and Space*, no. 35 (7), pp. 1264–1284. <https://doi.org/10.1177/0263774X16689370>
- Mikhailenko N.V. (2020), “Digital public administration. Current problems and prospects for tomorrow”, *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, no. 2, pp. 171–175. (In Russian).
- Minina V.N. (2019), “HR bots in human resource management of an organization”, *Vestnik of Saint Peterburg University. Management*, no. 3, pp. 400–418. (In Russian).
- Okhotskii E.V. (2014). “Public administration: Modernizing the current model of state management”, *MGIMO Review of International Relations*, no. 3, pp. 115–127. (In Russian).
- Osborne D. and Gaebler T. (1992), *Reinventing government. How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector*, A Plume Book, New York, USA.
- Popova N.F. (2020), “The need for digitalization of public administration in the Russian Federation”, *Administrative Law and Procedure*, no. 2, pp. 48–53. (In Russian).
- Rotberg R. (2014), “Good governance means performance and results”, *Governance*, no. 27 (3), pp. 511–518. <https://doi.org/10.1111/gove.12084>
- Suvorova S.D. (2019), “Challenges, threats and risks of economic entities digitalization in terms of innovative-driven development”, *Development of the Digital economy in the Context of Globalization and Recession*, pp. 507–535. (In Russian).
- Symanyuk N.V. (2018), Modern foreign directions of modernization of public administration, *Features of Public Administration in Modern Russia: monograph*, ed. by T.M. Rezer, Ural Federal University Publishing House, Ekaterinburg, Russia, pp. 62–70. (In Russian).

Tikhonov A.V. (2014), “Experience of sociological and culturological research of problems of administrative vertical reforming”, *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 3 (10), pp. 66–84. (In Russian).

Tikhonov A.V. and Bogdanov V.S. (2020), “From “clever regulation” to “clever management”: social problem of digitalization of feedbacks”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 74–81. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>

Usmanova R.M. (2011), “On correlation of concepts “public regulation”, “public management” and “public authority”, *Society: Politics, Economics, Law*, no. 3, pp. 133–140. (In Russian).

Uvarov A.A. and Uvarov A.A. (2020), “Problems of the use of digital technologies in enforcement of the citizens’ rights and freedoms”, *Law and Digital Economy*, no. 2, pp. 5–11. (In Russian).

Vasilenko L.A. and Zotov V.V. (2020), “Digitalization of public administration in Russia: risks, casuses, problems”, *Digital Sociology*, no. 2, pp. 4–16. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16>

Volchkova L.T. (2015), “Public administration as a sphere of human social development”, *Proceedings of Afanas’ev Readings*, no. 13, pp. 19–26. (In Russian).

Volkova A.V. (2013), *Public values and the system of public administration in Russia*, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

TRANSLATION OF FRONT REFERENCES

¹ Decree of the Government of the Russian Federation No. 1815-p dated 10.10.2010 “On the state program of the Russian Federation “Information Society” (2011–2020), *Government of the Russian Federation*. Available at: <http://static.government.ru/media/files/41d47c465b2b53f82bb1.pdf> (accessed 10.08.2021).

² Decree of the Government of the Russian Federation No. 1632-r dated 28.07.2017 “On Approval of the Digital Economy of the Russian Federation Program”, *Government of the Russian Federation*. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (accessed 10.08.2021).

³ Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 66 dated February 2, 2021 “On the State Program “Digital Development of Belarus” for 2021–2025”, *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: https://pravo.by/upload/docs/op/C22100066_1612472400.pdf (accessed 10.08.2021).

⁴ Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 827 dated December 12, 2017 “On Approval of the State program “Digital Kazakhstan”, *The Official Resource of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan*. Available at: <https://primeminister.kz/assets/media/gosudarstvennaya-programma-tsifrovoy-kazakhstan-rus.pdf> (accessed 10.08.2021).

⁵ Decree of the Government of the Kyrgyz Republic dated 15.02.2019 № 20-p “On Approval of the Road Map for the Implementation of the Concept of Digital Transformation “Digital Kyrgyzstan 2019–2023”, *Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic*. Available at: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/216896> (accessed 10.08.2021).

⁶ Prime Minister of the Republic of Armenia (2020). Digitalization is a revolutionary process, and the work must be done in both content and technical directions: Prime Minister. Available at: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2020/07/20/Nikol-Pashinyan-meeting-Digitalization/> (accessed 10.08.2021).

ЦИФРОВАЯ СРЕДА

Цифровая грамотность как основа диалога власти и населения в условиях пандемии

УДК 316.775 DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-36-43>

Получено 24.06.2021 Доработано после рецензирования 21.07.2021 Принято 29.07.2021

Проказина Наталья Васильевна

Д-р социол. наук, доц., Алтайский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Барнаул, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1677-5324>, SPIN: 5595-3526

E-mail: nvprokazina@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В условиях самоизоляции в связи с пандемией COVID-19 и существенного сокращения количества физических контактов взаимодействие в онлайн-формате посредством многочисленных социальных сетей и платформ стало основным инструментом коммуникации граждан. Именно они обеспечивают условия для солидаризации, налаживания диалога и партнерства. Серьезное изменение затронуло сферу взаимодействия населения и власти: информационно-коммуникационные технологии за счет увеличения числа граждан с базовым и начальным уровнем образования стали главным подспорьем в процессах выстраивания диалога между властью и населением.

Цель настоящего исследования – анализ цифровой грамотности, которая является ключевым показателем, позволяющим адекватно оценить ситуацию взаимодействия власти и населения в условиях пандемии и определить направления для развития диалога. Основными эффектами такого взаимодействия являются: повышение активности за счет доступности и простоты обращения к органам власти;

повышение вовлеченности граждан в решение актуальных проблем местного сообщества и конкретных территорий; повышение уровня доверия как результат активной сознательной совместной деятельности населения и органов власти. Цифровая грамотность во многом позволила смягчить последствия от пандемии и связанных с ней обстоятельств новой реальности. Граждане имеют возможность получать услуги, подавать обращения, заявления, жалобы в различные органы власти и другие инстанции в электронном формате. Инструменты, обеспечивающие вовлечение участия населения в управленческие процессы в условиях цифровой среды (как инфраструктурные компоненты), созданы и активно развиваются, а наличие базового уровня цифровой компетентности граждан позволяет включить в эти процессы большую часть населения. Одной из актуальных задач сегодня является дальнейшее развитие цифровой грамотности, в том числе расширение социальных групп населения (социально-демографических, профессиональных), обладающих ее повышенным уровнем.

Ключевые слова

Цифровая трансформация, цифровая грамотность, информационная грамотность, компьютерная грамотность, медиаграмотность, коммуникативная грамотность, диалог власти и населения, удаленная работа

Для цитирования

Проказина Н.В. Цифровая грамотность как основа диалога власти и населения в условиях пандемии // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 3. С. 36–43.

© Проказина Н.В., 2021. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

DIGITAL ENVIRONMENT

Digital literacy as a basis for a dialogue between the authorities and the population in the context of a pandemic

DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-36-43>

Received 24.06.2021 Revised 21.07.2021 Accepted 29.07.2021

Natalia V. Prokazina

Dr. Sci. (Soc.), Assoc. Prof., Altai Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Barnaul, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1677-5324>, SPIN: 5595-3526

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ABSTRACT

In the conditions of self-isolation due to the COVID-19 pandemic and a significant reduction in the number of physical contacts, interaction in an online format through numerous social networks and platforms has become the main communication tool for citizens. It is they who provide the conditions for solidarity, dialogue and partnership. A serious change has affected the sphere of interaction between the population and the authorities: information and communication technologies, due to an increase in the number of citizens with a basic and primary level of education, have become the main help in the processes of building a dialogue between the authorities and the population.

The purpose of this study is to analyse digital literacy, which is a key indicator that allows you to adequately assess the situation of interaction between the authorities and the population in the context of a pandemic and determine the directions for the development of dialogue. The main effects of such interaction are: increased activity due to the accessibility and ease

of contacting the authorities; increased involvement of citizens in solving urgent problems of the local community and specific territories; increased trust as a result of active conscious joint activity of the population and authorities. Digital literacy has largely helped to mitigate the consequences of the pandemic, and the associated circumstances of the new reality. Citizens have the opportunity to receive services, submit appeals, applications, complaints to various authorities and other authorities in electronic format. Tools that ensure the involvement of public participation in management processes in a digital environment (as infrastructure components) have been created and are actively developing, and the presence of a basic level of digital competence of citizens allows you to include a large part of the population in these processes. One of the urgent tasks today is the further development of digital literacy, including the expansion of social groups of the population (socio-demographic, professional) that have an increased level of it.

Keywords

Digital transformation, digital literacy, information literacy, computer literacy, media literacy, communication literacy, dialogue between the authorities and the population, remote work

For citation

Prokazina N.V. (2021) Digital literacy as a basis for a dialogue between the authorities and the population in the context of a pandemic. *Digital sociology*, vol. 4, no. 3, pp. 36–43. DOI: [10.26425/2658-347X-2021-4-3-36-43](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-36-43)

ВВЕДЕНИЕ

Вся жизнь современного человека пронизана «цифрой». Сегодня сложно себе представить жизнь без совершения покупок, оплаты разнообразных услуг (жилищно-коммунальные платежи, штрафы, налоги и т.п.), получения госуслуг, обучения, проведения конференций, работы в дистанционном формате в режиме онлайн.

Формирование цифровой грамотности населения проходило стихийно, интуитивно, в формате проб и ошибок, преимущественно в условиях самообразования. Этот базовый набор навыков и умений цифровой грамотности стал результатом развития информационно-коммуникативных технологий и активного проникновения цифровых сервисов и инструментов в различные сферы жизнедеятельности человека.

Социальная практика показывает, что развитие цифровых умений и навыков имеет существенные различия как в социально-демографических и профессиональных группах, так и, что особенно важно для рассмотрения цифровой грамотности как ресурса диалога власти и населения, на региональном уровне.

В условиях развития цифровой экономики и обеспечения цифровой трансформации составляющими, обеспечивающими достижение этого национального приоритета, выступают:

- информационная цифровая инфраструктура;
- кадры для цифровой экономики.

В связи с этим цифровая грамотность является ключевым показателем, позволяющим адекватно оценить сложившуюся ситуацию и определить направления для дальнейшего развития.

В ситуации пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг., в условиях существенного сокращения количества физических контактов взаимодействие в онлайн-формате посредством многочисленных социальных сетей и платформ становится основным инструментом коммуникации граждан. За счет этого социальные сети и цифровые платформы «могут быть использованы в мониторинге общественных настроений и задач антикризисного управления» [Мальшева, 2020].

В целом пандемия COVID-19 затронула не только сферу здравоохранения и экономику. Сформировалась совершенно новая реальность, с другими «правилами игры», иными представлениями о нормах, и главное, с укоренившимися представлениями о новых способах работы, обучения, медицинского консультирования, получения услуг и общения. Еще одно серьезное изменение затронуло сферу взаимодействия населения и власти: информационно-коммуникационные технологии за счет увеличения числа граждан с базовым и начальным уровнем образования стали серьезным подспорьем в процессах выстраивания диалога между властью и населением.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Исследователи отмечают, что понятие «цифровая грамотность» появляется в период 80-90-х гг. XX в., и связывают появление этого термина с работой П. Гилстера «Цифровая грамотность» [Gilster, 1997]. В этот период появляются и другие работы, исследующие этот феномен и интерпретирующие понятие [Davies, 2003; Druckrey, 1996].

Попытки осмыслить новую формирующуюся реальность приводят к тому, что появляется новое понятие «медиаграмотность», которое используется либо как тождественное понятию «цифровая грамотность», либо с уклоном в сторону критичного отношения к получаемой и используемой информации [Gilster, 1997].

В разработках отечественных исследователей эта тема приобретает актуальность сравнительно недавно и носит междисциплинарный характер: рассматриваются инфокоммуникационно-технологический, психолого-педагогический, медийно-информационный и индустриальный аспекты цифровой грамотности [Дмитрова, 2020].

В разработках А.В. Шарикова предложена четырехкомпонентная модель цифровой грамотности, включающая «технично-технологические составляющие и характеристики; содержательно-коммуникативные характеристики; технико-технологические и социопсихологические угрозы» [Шариков, 2018].

В конструкции Н.Д. Бермана предложена трехкомпонентная модель цифровой грамотности: цифровые компетенции, цифровое потребление, цифровая безопасность [Берман, 2017].

Теоретический анализ отечественных разработок в области цифровой грамотности позволил сформулировать Ж.С. Соболевой вывод о том, что сегодня следует выделить два основных подхода в понимании цифровой грамотности. Сторонники первого утверждают, что есть два разных феномена: «цифровая грамотность» и «цифровая компетентность». При этом под цифровой компетентностью понимают «совокупность знаний, навыков и умений работы с информационно-аналитическими (информационно-экспертными) системами» [Зотов, 2019]. Сторонники второго подхода объединяют эти два понятия, акцентируя при этом внимание на понятии «цифровая грамотность» [Соболева, 2019].

Стоит отметить и направления исследований, которые в рамках обозначенной темы являются основой для формирования теоретических предпосылок изучения для цифровой грамотности как основы диалога населения и власти в условиях пандемии. В этих работах рассмотрены особенности осуществления государственного управления с использованием информационно-коммуникационных цифровых технологий [Щелков, 2020], основные характеристики

взаимосвязи медиапотребления россиян и социально-политических рисков информационного сопровождения пандемии [Мальшева, 2020], проблемы доверия россиян средствам массовой информации [Назаров и др., 2019], специфика цифровизации публичного управления в современной России [Василенко, Зотов, 2020].

Анализ исследований показывает, что сегодня не существует единого подхода к определению понятия «цифровая грамотность» и дискуссии в рамках этого направления активно продолжаются.

Для измерения и, соответственно, проведения мониторинговых исследований уровня развития цифровой грамотности необходимо использовать четкое логически операционализированное понятие. Проведение прикладных исследований цифровой грамотности должно быть основано на едином подходе, независимо от тех теоретических изысканий, которые есть в зарубежных и отечественных работах.

Одно из определений цифровой грамотности, используемое при проведении прикладных измерений, – это определение, представленное ЮНЕСКО (от англ. UNESCO; United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры), определяющее цифровую грамотность как «набор базовых навыков, которые требуются для работы с цифровыми медиа, с поиском и обработкой информации»¹.

На двенадцатом саммите G20, прошедшем в Гамбурге в 2017 г., группой экспертов был предложен подход к оценке цифровой грамотности как совокупности нескольких показателей: информационной, компьютерной, коммуникативной грамотности, а также медиаграмотности и отношения к технологическим инновациям [Chetty et al., 2017].

МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Статья основана на результатах исследования Национального агентства финансовых исследований (далее – НАФИ). Проекты, реализуемые НАФИ, позволяют сформировать целостное представление о динамике развития цифровой грамотности в современной России.

Эмпирическую базу составили:

- результаты опроса НАФИ (июль 2016 г.) об отношении к работе «на удаленке»²;
- результаты опроса НАФИ методом формализованных интервью по месту жительства респондента (2017 г.) на тему цифровой грамотности для экономики будущего [Баймуратова и др., 2018];

¹ OECD (2017), OECD Digital Economy Outlook 2017, OECD Publishing, Paris. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en> (дата обращения: 23.06.2021).

² Аналитический Центр НАФИ (2016). Работа «на удаленке»: масштабы и перспективы. Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/rabota-na-udalenne-masshtaby-i-perspektivy/> (дата обращения: 23.06.2021).

- результаты опросов НАФИ (январь 2020 г.) о цифровой грамотности россиян³.

Для формирования представлений об уровне цифровой грамотности будем отталкиваться от общего определения цифровой грамотности как «набора знаний, навыков и установок, позволяющих человеку эффективно решать задачи в цифровой среде, обеспечивающие безопасность и эффективность использования цифровых технологий и ресурсов Интернета» [Баймуратова и др., 2018].

Согласно НАФИ «цифровая грамотность» включает в себя:

- информационную грамотность, которая связана в целом с оценкой места и роли информации в современном мире и умением адекватно подбирать и оценивать источники информации;
- компьютерную грамотность, включающую общие представления и навыки работы на компьютере и его использование в повседневной жизни;
- медиаграмотность, характеризующую особенности восприятия и умения работать с различными СМИ как источниками информации;
- коммуникативную грамотность, обеспечивающую возможность включения в эффективные коммуникации с использованием современных технологий;
- технологические инновации – как комплекс установок, знаний и представлений, определяющих отношение к технологическим инновациям и обеспечивающих адаптацию к ним и их эффективное использование [Баймуратова и др., 2018].

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенный теоретический анализ нацеливает на рассмотрение цифровой грамотности как комплексного интегрального показателя, включающего как навыки работы с информацией, так и умение решать задачи в цифровой среде с активным использованием цифровых технологий и ресурсов Интернета.

По итогам исследования Аналитического Центра НАФИ, проведенного в 2017 г., палитра цифровой грамотности россиян включала в себя разный уровень овладения знаниями, умениями и навыками в цифровой среде.

Общая характеристика интегрального показателя цифровой грамотности россиян к 2018 г. включала в себя:

- восприятие работы на компьютере как естественный, повседневный процесс (78 %);
- осознание того, что СМИ могут освещать информацию и преподносить ее в выгодном кому-то свете (72 %);
- обобщенные представления о том, что информация, которую получают, может нести как пользу, так и вред (45 %);

³ Аналитический Центр НАФИ (2020). Цифровая грамотность россиян: исследование 2020. Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 23.06.2021).

- недостаточные представления о целесообразности анализа позиции собеседников в Интернете (42 %);
- невысокий уровень стремления быть в курсе новинок в сфере технологий (36 %).

Пандемия COVID-19 и изменившиеся условия жизни и труда спровоцировали рост уровня цифровых компетенций граждан. Прежде всего, выросла доля граждан с базовым уровнем цифровой грамотности. Эти показатели отмечаются в старших возрастных группах и за счет тех, у кого изначально был незначительный уровень развития компетенций. Таким образом, по состоянию на апрель 2021 г. индекс цифровой грамотности по сравнению с 2020 г. вырос и составляет 64 п.п.

Цифровая грамотность стала серьезной предпосылкой для перехода к режиму удаленной работы, но и, в свою очередь, сам переход на дистанционный формат существенным образом обусловил формирование и развитие базового и начального уровня цифровой грамотности многочисленных социально-профессиональных групп независимо от возраста с целью эффективной профессиональной деятельности, обучения, общения и обеспечения процессов жизнедеятельности (от онлайн-заказов продуктов до получения разнообразных услуг).

Оценивая перспективы удаленной работы, интересно посмотреть результаты опроса предпринимателей в 2016 г.⁴

Осознание возможности перевода своих сотрудников на дистанционный формат работы у предпринимателей начало формироваться гораздо раньше возникновения пандемии. И общая ситуация складывалась таким образом, что каждое пятое предприятие практиковало такой подход.

Основными аргументами за удаленный формат работы выступали:

- экономия средств на создании рабочего места;
- экономия на стоимости трудовых ресурсов (за счет возможности привлечения работников из более отдаленных территорий с разным уровнем притязаний и статусными характеристиками);
- снижение затрат сотрудников на проезд, одежду, питание.

Основными препятствиями к переходу на удаленный формат работы сотрудников предприниматели называли:

- затруднения, связанные с контролем за сотрудниками;
- отсутствие возможности контроля условий труда и соблюдения техники безопасности работников;
- выключение человека из формальной организации труда и рабочего процесса;
- затруднение в развитии неформальных связей между работниками.

⁴ Аналитический Центр НАФИ (2016). Работа «на удаленке»: масштабы и перспективы. Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/rabota-na-udalenne-masshtaby-i-perspektivy/> (дата обращения: 23.06 2021).

Таким образом, предпосылки к переходу на удаленный формат работы были сформированы, но подавляющее большинство предпринимателей считали, что специфика работы предприятия не позволяла осуществить перевод сотрудников на дистанционный формат (60 %) и в целом работодатели не видели в этом смысла (20 %). Апробация модели дистанционно работающих сотрудников была экспериментально использована многими предприятиями, что позволило в условиях самоизоляции, учитывая предыдущий экспериментальный период, относительно быстро прийти к эффективному рабочему процессу в условиях удаленной работы.

Аналогичная ситуация сложилась и в системе высшей школы, где многие модели дистанционной работы если и не использовались активно, то в формате экспериментов и создания площадок с электронными информационными и учебными материалами обеспечили относительно мягкий переход к дистанционному обучению, в отличие от школы.

Вынужденное «подключение» к активному использованию цифровых технологий в разных сферах жизнедеятельности привело к формированию двух групп населения, которые условно можно назвать технооптимистами и в противоположность ей – технонегативистами («Техлэш»).

По результатам опроса международной исследовательской кампании Dentsu Aegis Network⁵, к основным положительным тенденциям цифровизации россияне отнесли:

- признание значимости цифровых технологий в решении проблем, в том числе социальных;
- более активное использование цифровых сервисов в сопоставлении с предыдущими годами;
- возможность приобретения новых знаний и навыков;
- цифровые сервисы для различного рода отдыха;
- возможность использования цифровых сервисов для различных форм досуга;
- поддержание связи с семьей и друзьями.

Однако, население выделяет и негативные стороны процесса цифровизации:

- увеличение неравенства между богатыми и бедными;
- опасение, связанное с тем, что человека на рынке труда может в ближайшем будущем заменить робототехника и искусственный интеллект, что приведет к потере работы;
- негативное влияние цифровых технологий на здоровье и благополучие человека.

Цифровая грамотность во многом позволила смягчить последствия от пандемии и связанных с ней

⁵ Seldon News (2020). Как пандемия COVID-19 изменила отношение жителей к технологиям в России и мире. Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/232680764> (дата обращения: 23.06 2021).

обстоятельств новой реальности. Граждане имели возможность получения услуг в электронном формате, подачи обращений, заявлений, жалоб в различные органы власти и другие инстанции.

Платформа обратной связи выступала определенным индикатором «слабых мест» в конкретных территориях и выявляла наиболее уязвимые проблемные точки.

В целом можно констатировать, что за цифровой платформой обратной связи стоит будущее. Это не только жалобы, но и участие в жизни своего населенного пункта, например, голосование по выбору территории для благоустройства.

Основными эффектами такого взаимодействия будут выступать:

- повышение активности за счет доступности и простоты обращения к органам власти;
- повышение вовлеченности граждан в решение актуальных проблем местного сообщества и конкретных территорий;
- повышение уровня доверия как результат активной сознательной совместной деятельности населения и органов власти.

Основным подтверждением существенного увеличения уровня базовой и начальной цифровой грамотности населения является количество граждан, использующих портал «Госуслуги».

Официальные статистические данные по итогам работы портала «Госуслуги» в 2020 г. свидетельствуют о небывалом росте числа пользователей и количества полученных услуг:

- 1) зарегистрированных пользователей – более 78 млн граждан (увеличение на 12 млн чел.);
- 2) воспользовавшихся сервисами единого портала – до 56 млн чел (увеличение в 2 раза);
- 3) средняя ежедневная аудитория – более 4 млн пользователей в день (увеличение в 2 раза);
- 4) выведено более 40 новых услуг и сервисов;
- 5) получено более 230 млн госуслуг и сервисов (увеличение более чем на 50 %);
- 6) проведено 85 млн платежей (на треть больше) на сумму более 80 млрд руб.;
- 7) количество обращений к portalу за год – более 1,5 млрд⁶.

Такой существенный рост пользователей и Портала государственных услуг стал возможен благодаря формированию базового уровня цифровой грамотности у большей части населения, представляющей различные социально-демографические и профессиональные социальные группы.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ показывает, что цифровая грамотность и ее развитие до пандемии COVID-19 явились серьезным основанием для смягчения общего уровня напряженности и обеспечения процессов жизнедеятельности граждан в изменившихся условиях.

Ситуация пандемии поставила население перед новыми вызовами и простимулировала дальнейшее развитие цифровой грамотности.

Выделим основные характеристики развития цифровой грамотности в условиях пандемии:

- 1) пандемия в целом спровоцировала рост уровня цифровой грамотности граждан;
 - 2) рост цифровых компетенций (информационной, компьютерной, коммуникативной грамотности, медиаграмотности) произошел неравномерно;
 - 3) выросла доля граждан с базовым уровнем цифровой грамотности (в старших возрастных группах и за счет тех, у кого изначально был недостаточный уровень развития цифровых компетенций);
 - 4) одновременно с этим, доля россиян с продвинутым уровнем цифровой грамотности не увеличилась: 27 % россиян, как и в 2020 г. (и это на 5 п.п. ниже, чем заложено в паспорте федерального проекта);
 - 5) уровень цифровой грамотности во многом определяется регионом проживания (низкие показатели демонстрируют жители Южного и Северо-Кавказского федерального округа, у жителей Северо-Западного федерального округа наиболее высокие показатели);
 - 6) не преодолен разрыв в цифровой грамотности между мужчинами и женщинами (в 2020 г. он составлял 2 п.п., в 2021 г. – 3 п.п.);
 - 7) наиболее высокий индекс цифровой грамотности как интегрального показателя демонстрируют люди в возрасте от 44 лет (68 п.п.);
 - 8) россияне в возрасте 66 лет и старше – это традиционно группа с самыми низкими значениями;
 - 9) работающие студенты показали наиболее высокие значения индекса цифровой грамотности (69 п.п.).
- Отметим, какие социальные последствия повлекло за собой увеличение количества граждан, имеющих базовый уровень развития цифровой компетентности:
- 1) расширились представления о возможностях современных технологий и, как следствие, их использование;
 - 2) широкое распространение получили различные формы, форматы и технологии дистанционного обучения и образования;
 - 3) существенно увеличилась доля потребления массового медиа.

Пандемия породила и новые проблемы, в том числе, связанные с цифровой грамотностью, уровнем владения ею. От глобального уровня, проявляющегося в усугублении социального неравенства,

⁶ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (2021). Количество граждан, которые воспользовались сервисами единого портала Госуслуг в 2020 году, составило 56 млн человек. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/events/40942/> (дата обращения: 23.06.2021).

до индивидуального уровня, связанного с увеличением роста тревожности и напряженности граждан.

Сегодня активно реализуются проекты по цифровой трансформации на различных уровнях и практически во всех сферах. Стратегии цифровой трансформации государственного управления субъектов Российской Федерации включают в себя следующие основные направления:

- 1) инфраструктура, программное обеспечение и технологии;
- 2) развитие кадрового потенциала;
- 3) цифровизация процессов государственного управления;
- 4) создание регуляторной базы (нормативно-правовое регулирование);
- 5) обеспечение информационной безопасности.

Следует обозначить несколько актуальных направлений деятельности органов государственного и муниципального управления в рамках реализации программ цифровой трансформации:

- 1) оперативная, комплексная реализация всех стратегических направлений цифровой трансформации и их своевременная актуализация под запросы и вызовы времени;
- 2) стимулирование развития цифровой грамотности у тех групп населения (профессиональных, социально-демографических и др.), которые имеют базовый и средний уровень развития цифровой грамотности. Отдельная задача – создание условий для молодежи. Анализ федеральных программ и региональной практики показывает большое разнообразие форм развития цифровой грамотности: Проект НТР 2035; Кванториумы; Школа юных нейроинженеров; Школа

программирования; Курсы переподготовки, дополнительного профессионального образования. Цель обозначенных программ – перевод на более высокий уровень развития цифровой грамотности в целом и ее отдельных составляющих у различных социально-демографических и профессиональных групп;

3) активное использование электронных платформ обратной связи не только как инструмента работы с жалобами, но и с целью обеспечения более тесного взаимодействия с населением (пусть и в условиях онлайн) и, следовательно, повышение вовлеченности граждан в управленческие процессы на различных уровнях. В этих условиях речь идет об активном использовании «потенциала социальных медиа в становлении участвующего управления» [Василенко и др., 2020].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня инструменты, обеспечивающие вовлечение населения в управление в условиях цифровой среды (как инфраструктурные компоненты), созданы и активно развиваются. Наличие базового уровня цифровой компетентности граждан позволяет включить в эти процессы большую часть граждан. Таким образом, условия для диалога власти и населения в условиях цифровой трансформации созданы и обеспечивают реализацию процессов адаптации и регулирования жизнедеятельности, в том числе в условиях пандемии. Актуальная задача – переход на уровень конструктивного диалога в условиях цифровой среды для развития «участвующего управления» с целью сохранения и поддержания социальной стабильности и порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баймуратова Л.Р., Долгова О.А., Имаева Г.Р., Гриценко В.И., Смирнов К.В., Аймалетдинов Т.А.* (2018). Цифровая грамотность для экономики будущего. М.: Аналитический центр НАФИ. 86 с.
- Берман Н.Д.* (2017). К вопросу о цифровой грамотности // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. Т. 8, № 6-2. С. 35–38. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-6-2-35-38>
- Василенко Л.А., Зотов В.В.* (2020). Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // *Цифровая социология*. Т. 3, № 2. С. 4–16. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16>
- Василенко Л.А., Зотов В.В., Захарова С.А.* (2020). Использование потенциала социальных медиа в становлении участвующего управления // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 20, № 4. С. 864–876. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-864-876>
- Дмитрова А.В.* (2020). Теоретические аспекты формирования цифровой грамотности: особенности представления в педагогических исследованиях // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. Т. 9, № 1 (30). С. 111–114. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0901-0027>
- Зотов В.В.* (2019). Требования к компетентности государственных гражданских служащих в условиях цифровизации общества // *Государство и общество: вчера, сегодня, завтра*. № 2. С. 23–30.
- Мальшева Г.А.* (2020). Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт // *Вестник Московского государственного областного университета* № 3. Режим доступа: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/1025> (дата обращения: 03.04.2021). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-3-1025>
- Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А.* (2019). Медиа, институты и доверие российских граждан // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 19, № 2. С. 277–288. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-2-277-288>
- Соболева Ж.С.* (2019). Теоретические предпосылки формирования понятий «цифровая грамотность» и «цифровая компетенция» // *Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков*. № 13. С. 110–114.

- Шариков А.В. (2018). Концепции цифровой грамотности: российский опыт // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. Т. 3, № 3. С. 96–112.
- Chetty K., Qigui L., Gcora N., Josie J., Wenwei L., Fang C. (2018). Bridging the digital divide: measuring digital literacy // *Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal*. V. 12, no. 1. Art. 20180023. <https://doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2018-23>
- Davies J. (2003). *DOA: education in the electronic culture*. Lanham: Scarecrow Press. 168 p.
- Druckrey T. (ed.) (1996). *Electronic culture: technology and visual representation*. New York: Aperture, 447 p.
- Gilster P. (1998). *Digital literacy*. New York: John Wiley & Sons. 292 p.

REFERENCES

- Baimuratova L.R., Dolgova O.A., Imaeva G.R., Gritsenko V.I., Smirnov K.V. and Aimaletdinov T.A. (2018), *Digital literacy for the economy of the future*, NAFI Research Center, Moscow, Russia. (In Russian).
- Berman N.D. (2017), “To the question of digital literacy”, *Modern Studies of Social Issues (Electronic Scientific Journal)*, no. 8, pp. 35–38. (In Russian). <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-6-2-35-38>
- Chetty K., Qigui L., Gcora N., Josie J., Wenwei L. and Fang C. (2018), “Bridging the digital divide: measuring digital literacy”, *Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal*, vol. 12, no. 1, art. 20180023. <https://doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2018-23>
- Davies J. (2003), *DOA: education in the electronic culture*, Scarecrow Press, Lanham.
- Dmitrova A.V. (2020), “Theoretical aspects of digital literacy formation: features of representation in pedagogical research”, *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 9, no. 1 (30), pp. 111–114. (In Russian). <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0901-0027>
- Druckrey T. (ed.) (1996), *Electronic culture: technology and visual representation*, Aperture, New York, USA.
- Gilster P. (1998), *Digital literacy*, John Wiley & Sons, New York, USA.
- Malysheva G.A. (2020), “Socio-political aspects of the pandemic in the digital network society: the Russian experience”, *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, no. 3. Available at: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/1025> (accessed 03.04.2021). (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2020-3-1025>
- Nazarov M.M., Ivanov V.N. and Kublitskaya E.A. (2019), “Media, institutions, and the Russians’ trust”, *RUDN Journal of Sociology*, vol. 19, no 2, pp. 277–288. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-2-277-288>
- Soboleva Zh.S. (2019), “Theoretical prerequisites for the formation of the concepts of “digital literacy” and “digital competence”, *Topical Issues of Philology and Methods of Foreign Language Teaching*, no. 13, pp. 110–114. (In Russian).
- Sharikov A.V. (2018), “Digital literacy concepts: Russian experience”, *Communications. Media. Design*, vol. 3, no. 3, pp. 96–112. (In Russian).
- Vasilenko L.A. and Zotov V.V. (2020), “Digitalization of public administration in Russia: risks, casuses, problems”, *Digital Sociology*, vol. 3, no. 2, pp. 4–16. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16>
- Vasilenko L.A., Zotov V.V. and Zakharaeva S.A. (2020), “Social media potential for developing participatory governance”, *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no. 4, pp. 864–876. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-864-876>
- Zotov V.V. (2019), “Requirements to competence of senior civil servants in the conditions of digitalization of society”, *Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnya, zavtra*, no. 2, pp. 23–30. (In Russian).

TRANSLATION OF FRONT REFERENCES

- ¹ OECD (2017), *OECD Digital Economy Outlook 2017*, OECD Publishing, Paris. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en> (accessed 23.06.2021).
- ² NAFI Research Center (2016), Work “on the remote”: the scale and prospects. Available at: <https://nafi.ru/analytics/rabota-na-udalenske-masshtaby-i-perspektivy/> (accessed 23.06.2021).
- ³ NAFI Research Center (2020), Digital literacy of Russians: a study 2020. Available at: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (accessed 23.06.2021).
- ⁴ NAFI Research Center (2016), Work “on the remote”: the scale and prospects. Available at: <https://nafi.ru/analytics/rabota-na-udalenske-masshtaby-i-perspektivy/> (accessed 23.06.2021).
- ⁵ Seldon News (2020), How the COVID-19 pandemic changed the attitude of residents to technology in Russia and the world. Available at: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/232680764> (accessed 23.06.2021).
- ⁶ Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation (2021), The number of citizens who used the services of the Public Services Portal of the Russian Federation in 2020 amounted to 56 million people. Available at: <https://digital.gov.ru/ru/events/40942/> (accessed 23.06.2021).

Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы

УДК 304.9 DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52>

Получено 17.06.2021

Доработано после рецензирования 19.07.2021

Принято 04.08.2021

Мещерякова Наталия Николаевна

Д-р социол. наук, проф., ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», г. Томск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7658-7993>, SPIN: 8265-0899, AuthorID: 611303

E-mail: natalia.tib@mail.ru

Роготнева Елена Николаевна

Канд. филос. наук, доц., ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», г. Томск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4843-6925>, SPIN: 5203-3367, AuthorID: 152615

E-mail: erogotneva@tpu.ru

АННОТАЦИЯ

Философия независимой жизни подразумевает возможность вести не зависящую от третьих лиц жизнь людям с инвалидностью. Цифровизация важнейших сфер деятельности: образования, занятости и трудоустройства, здравоохранения, государственного управления, – рассматривается, в том числе, как важнейший инструмент решения этой задачи. Но, как показывают эмпирические исследования, вторичный анализ результатов которых проведен в этой статье, на настоящий момент цифровизация создает дополнительные социальные барьеры, увеличивая сегрегацию и усугубляя неравенство данной социальной общности. На доступность современных информационно-коммуникационных технологий и способность ими воспользоваться влияют как общие для населения независимые факторы (возраст, образование, доход, тип поселения), так и специфические, присущие только этой социальной общности (нозология и тяжесть функционального дефекта). Невнимание в рамках программ цифровизации к факту, что инвалидность имеет индивидуальную траекторию и для полноценного пользования современными информационно-коммуникационными технологиями люди с инвалидностью нуждаются

в ассистивных технологиях, затратах на них, совместимости вспомогательных программ с дизайном веб-сайтов, – одна из главных причин возникновения цифрового неравенства у этой категории населения.

Для минимизации цифровых барьеров в зависимости от индивидуальных потребностей инвалидов предложено:

- 1) расширить функции, компетенции и технические возможности социальных работников и/или организовать технологическое сопровождение жизнедеятельности силами волонтеров;
- 2) развивать программы дополнительного информационного образования;
- 3) рассчитать затраты на ассистивные технологии для отдельных нозологий для оказания адресной социальной помощи;
- 4) поощрять и субсидировать разработку ассистивных технологий в рамках государственной финансовой помощи высокотехнологичным разработкам;
- 5) учитывать в программах цифровизации особые потребности людей с инвалидностью.

Ключевые слова

Индивидуальная модель инвалидности, социальные барьеры, социальная модель инвалидности, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, ассистивные технологии, цифровое неравенство, цифровой разрыв, инклюзивное общество

Для цитирования

Мещерякова Н.Н., Роготнева Е.Н. Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 3. С. 44–52.

Digitalization: new risks for people with disabilities.

Problem statement

DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52>

Received 17.06.2021 Revised 19.07.2021 Accepted 04.08.2021

Nataliya N. Meshcheryakova

Dr. Sci. (Soc.), Prof., Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7658-7993>, SPIN: 8265-0899,

AuthorID: 611303

E-mail: natalia.tib@mail.ru

Elena N. Rogotneva

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4843-6925>, SPIN: 5203-3367,

AuthorID: 152615

E-mail: erogotneva@tpu.ru

ABSTRACT

The philosophy of independent living implies the possibilities of leading a life independent of third parties for people with disabilities. Digitalization of the most important spheres of activity: education, employment and employment, health care, public administration is considered, among other things, as the most important tool for solving this problem. But, as empirical studies show, the secondary analysis of the results of which is carried out in this article, at the moment, digitalization creates additional social barriers, increasing segregation and exacerbating the inequality of this social community. The availability of modern information and communication technologies and the ability to use them are influenced by both independent factors common for the population (age, education, income, type of settlement), and specific ones inherent only in this social community (nosology and severity of a functional defect). Inattention within the framework of digitalization programs to the fact that disability has an individual trajectory and for the full use of modern information and communication technologies, people with disabilities need assistive technologies, the costs

for them, the compatibility of auxiliary software with the design of websites is one of the main reasons for the emergence of digital inequality in this category of the population.

To minimize digital barriers, depending on the individual needs of disabled people, it is proposed:

- 1) to expand the functions, competencies and technical capabilities of social workers and / or organize technological support of life activities by volunteers;
- 2) to develop programs of additional information education;
- 3) to calculate the costs of assistive technologies for individual nosologies to provide targeted social assistance;
- 4) to encourage and subsidize the development of assistive technologies within the framework of state financial assistance to high-tech developments;
- 5) to take into account the special needs of people with disabilities in digitalization programs.

Keywords

Individual disability model, social barriers, social model of disability, digitalization, information and communication technologies, assistive technologies, digital inequality, digital divide, inclusive society

For citation

Meshcheryakova N.N., Rogotneva E.N. (2021) Digitalization: new risks for people with disabilities. Problem statement. *Digital sociology*, vol. 4, no. 3, pp. 44–52. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52

© Meshcheryakova N.N., Rogotneva E.N., 2021. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация важнейших сфер общественной жизни – образования, занятости и трудоустройства, здравоохранения, государственного управления – рассматривается руководством разных стран как способ улучшить качество жизни людей, в том числе, как инструмент повышения социальной активности людей с инвалидностью. Этого пока не происходит, более того, как показывают эмпирические исследования [Duplaga, 2017; Macdonald, Clayton, 2013; Park, 2020] современные информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ), создают новые формы сегрегации, обусловленные цифровым неравенством. На сегодняшний день проблема неравного доступа к цифровым ресурсам и низкий уровень развития пользовательских навыков продолжает быть актуальной во всех развитых странах.

В данной работе мы исследуем: почему так происходит; как минимизировать негативные последствия цифровизации для групп населения с ограниченными возможностями здоровья; какие шаги необходимо предпринять, чтобы осуществить намеченный план и заставить современные технологии работать в интересах людей с инвалидностью.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие «цифровизация» окончательно не сложилось в социологии, но подходы к его определению уже оформились. Рассмотрим некоторые из них.

Системно-деятельностный процесс овладения информацией как ресурсом управления и развития с помощью технических средств и цифровой инфраструктуры с целью создания цифрового общества и на этой основе – дальнейшего прогресса цивилизации [Василенко, Мещерякова, 2021].

«Инфо-технологические преобразования и моделирование гибридных инфосоциальных систем» [Тихонов, Богданов, 2020].

Первое определение построено с позиции теории управления, а второе – теории систем. Само многообразие подходов говорит о том, что институционализация понятия не завершена, и что цифровизация – сложное многомерное явление, для изучения которого необходима междисциплинарность.

В целом цифровизацию можно рассматривать как механизм перехода общества постиндустриального в свою завершающую стадию – цифровое общество [Василенко, Мещерякова, 2021]. В сфере государственного управления, согласно национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации»¹, под

этим процессом, в первую очередь, подразумевают внедрение цифровых технологий и платформенных решений в систему государственного управления и оказания государственных услуг. С.М. Зубарев предлагает следующее авторское определение цифровизации государственного управления: «это процесс внедрения в деятельность государственных органов цифровых технологий, позволяющих осуществить качественные преобразования в реализации государственных функций и оказании государственных услуг, обеспечить эффективное взаимодействие граждан и государства» [Зубарев, 2020]. Однако Л.А. Василенко и В.В. Зотов полагают, что если технологии не востребованы обществом или его частью, то они ничего не изменят и даже будут мешать, создавая угрозы, которые определяются состоянием общества [Василенко, Зотов, 2020]. Последний вывод является побудительным фактором для данного исследования.

Если анализировать план мероприятий по направлению «Информационная инфраструктура» программы «Цифровая экономика Российской Федерации»², то главным риском для домохозяйств, то есть рядовых участников цифрового взаимодействия с государственными и муниципальными структурами, разработчики программы считают отсутствие широкополосного доступа к сети «Интернет» (далее – Интернет) (не менее 100 Мбит/с). И именно на максимизацию этого доступа для граждан Российской Федерации направлены мероприятия государственной программы и выделено их бюджетное финансирование.

Действительно, цифровое неравенство (англ. Digital divide) рассматривается в научной литературе, прежде всего, как неравенство в доступе к современным средствам коммуникации. Но ряд исследователей трактуют его шире. В.С. Богданов пишет об интегрировании в общественные отношения сверхсложных производственно-технических электронных систем управления и делает вывод о расширении понятия цифрового неравенства, которое проявляется как различие в уровне и качестве социальной активности, заинтересованности и возможности включения населения в процессы управления, неравномерном проявлении гибридных практик управления. Автор делает акцент на компетентности и материальных возможностях населения, а также на подмене реального управления с реальным участием населения в разработке и реализации управленческих решений функциями власти со стороны федеральных и региональных органов [Богданов, 2016].

Остановимся на компетентности и материальных возможностях населения. Цифровизация требует ресурсов не только от государства, но и от граждан. И это не только доступ к широкополосному Интернету, наличие гаджетов, но и определенные навыки и физические

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Официальный сайт Правительства России. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 11.06.2021).

² Там же.

возможности. Поэтому возникает исследовательская проблема: не ведет ли цифровизация государственного и муниципального управления к ухудшению положения социально уязвимых групп населения, прежде всего людей с инвалидностью, и усугублению их социального неравенства за счет новой формы деления – цифрового неравенства.

В своем исследовании мы исходим из социальной модели инвалидности, основанной на концепции социальных барьеров [Guo et al., 2005]. Модель социального конструирования отходит от идеи, что инвалидность – это физический или функциональный недостаток, и рассматривает ее с точки зрения барьеров в социальной среде. Инвалидность – это не телесные нарушения как таковые, а, скорее, социальная дискриминация и предубеждения, которые приводят к стигматизации. Если новые ИКТ разработаны таким образом, что некоторые категории людей с инвалидностью не могут их использовать: требуются дополнительные программы или технические средства, расходы на которые несут сами инвалиды, или веб-разработчики не предусмотрели в настройках контента возможность работы с применением ассистивных технологий [Adam, Kreps, 2006], – это создает барьеры цифрового неравенства для людей с инвалидностью, усиливая их дискриминацию в обществе. Следовательно, мы можем утверждать, что плохо спроектированный веб-сайт может рассматриваться как создающий инвалидность.

В работе использован институциональный подход: мы рассматриваем сложившуюся систему управления процессами обеспечения жизнедеятельности людей с инвалидностью и их прав на независимое существование и равенство возможностей с иными социальными группами как социальный институт. На основе вторичного анализа исследований, проведенных не на российском поле, но результаты которых с оговорками могут быть спроецированы на российский социум, мы намечаем контуры исследовательской проблемы, как и почему современные ИКТ создают барьеры цифрового неравенства для инвалидов. Информационно-коммуникативные и ассистивные технологии могли бы способствовать достижению той же функциональности, что и у людей без инвалидности. Почему этого пока не происходит?

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В Российской Федерации инвалиды в свете процесса цифровизации не выделяются в социальную группу с особыми потребностями. Когда на улицах для них создают безбарьерную среду, исполнительная власть отдает себе отчет в необходимости особой логистики передвижения, коммуникации и прочем. Но когда речь идет о взаимодействии, опосредованном информационными технологиями, то в лучшем случае

добавляется опция увеличения шрифта для слабовидящих на веб-сайтах. В исследовании «Информационное общество в Российской Федерации. 2020»³, выполненном Высшей школой экономики (далее – ВШЭ) по заказу Федеральной службы государственной статистики, инвалиды упоминаются только однажды в словарном определении понятия «безработные». Для российского управления невнимание к малым социальным группам характерно до сих пор. Но насколько эта группа малая? По данным Росстата на 2020 г. в России 11 875 000 инвалидов⁴. Это 81 человек на каждую тысячу или несколько больше 8 % общества. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, глобальная распространенность инвалидности среди населения в возрасте 15 лет и старше в 2010 г. достигла 19,4 %⁵. Рост инвалидизации населения происходит в связи улучшением системы здравоохранения и ростом продолжительности жизни, поэтому с этим трендом в развитии демографической ситуации, так же как и со старением населения в развитых странах, нельзя не считаться.

В странах, стадияльно более зрелых в построении информационного общества, вопрос, как влияет цифровизация на положение людей с инвалидностью, социологами уже поднимался. Предметом в подобных исследованиях выступают: доступность современных ИКТ, компетентность в их использовании, и поведение в Интернете, характерные поведенческие паттерны. Объектом изучения являются сами люди с инвалидностью, а в контрольную группу заводят население, не имеющее инвалидности.

Можно выделить ряд независимых переменных, которые используются так или иначе во всех исследованиях, влияющих на доступность/способность/поведение. Абсолютной доминантой является возраст. Люди старше 74 в выборки вообще не включаются, в том числе в исследовании ВШЭ по информационному обществу в России, которое мы упомянули выше. Но и россияне с инвалидностью распределены по возрастным группам неравномерно и наибольшая их доля по данным Росстата за 2021 г. в возрастной группе старше 60 лет – 62,12 %⁶. Следовательно, мнение части из них не учтено.

³ Информационное общество в Российской Федерации. 2020: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2020. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (дата обращения: 11.06.2021).

⁴ Росинфостат (2021). Инвалиды в России: количество, степени и виды, размер ЕВД. Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/invalidity/> (дата обращения: 11.06.2021).

⁵ World Health Organisation (2021). Fact sheets on the Sustainable Development Goals (SDGs): health targets. Режим доступа: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/health-policy/sustainable-development-goals/publications/2017/fact-sheets-on-the-sustainable-development-goals-sdgs-health-targets#426389> (дата обращения: 11.06.2021).

⁶ Росинфостат (2021). Инвалиды в России: количество, степени и виды, размер ЕВД. Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/invalidity/> (дата обращения: 11.06.2021).

Согласно данным исследования ВШЭ на 2019 г., удельный вес населения, использующего Интернет, в общей численности населения составляет 88,6 %, но в возрастной группе 65–74 лет им пользуются только 51,6 %. Среди причин неиспользования ведущими являются нежелание (отсутствие интереса) – 74 % и недостаток навыков для работы в сети 32,9 %⁷. Инвалиды старших возрастных групп демонстрируют и неумение, и нежелание взаимодействовать с современными ИКТ. Оставить их в покое с их незаинтересованностью невозможно из-за процессов цифровизации государственного управления и здравоохранения. Необходимо расширить функции, компетенции и технические возможности социальных работников, взаимодействующих с этой категорией людей с инвалидностью или организовать технологическое сопровождение их жизнедеятельности силами волонтеров. Такие социальные программы необходимы пожилым людям и без установленной инвалидности. Потребность в программах будет сокращаться по мере естественной смены поколений, но на данный момент нужда в них есть.

Вторым доминирующим фактором является уровень образования. По результатам исследования польского общества, лица с высшим образованием в 18,17 раза чаще пользовались Интернетом, чем лица с базовым или более низким образованием [Duplaga, 2017]. В российском управлении в последние десятилетия наметился тренд в сторону прагматичного подхода к профессиональному образованию, целью которого стала подготовка профессиональных кадров для социально-экономических потребностей развития страны. На наш взгляд, такой подход к образованию людей с инвалидностью неприменим. Обучающиеся из числа лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) и члены их семей рассматривают процесс получения образования в аспекте коммуникации и социализации в среде нормотипичных сверстников. Само образование является скорее ценностью, чем целью. На его получение может быть затрачено гораздо больше времени, чем у здорового человека, поскольку приоритетом является не успешность, а здоровье. Процесс получения образования может рассматриваться основной формой занятости инвалида.

Пол не является универсальным независимым фактором, если исследование в Южной Корее устанавливает более высокую компетентность мужчин в использовании современными ИКТ [Park, 2020], то результаты польского опроса говорят о том, что пол не влияет на использование Интернета [Duplaga, 2017]. Видимо, здесь имеет место влияние культурно-исторических особенностей.

⁷ Информационное общество в Российской Федерации. 2020: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2020. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (дата обращения: 11.06.2021).

Тип поселения во всех исследованиях имеет значение. Горожане пользуются Интернетом активнее, чем жители сельской местности, но возможно, большее значение здесь имеет именно неравная доступность широкополосного и мобильного Интернета, а не способность и мотивированность самих пользователей.

Безусловно, независимым фактором является доход. Все взятые для анализа исследования показывают, что факторы, определяющие уровень цифрового неравенства инвалидов, аналогичны таковым в общей популяции. В первую очередь это связано с уровнем дохода. Он коррелируется как с доступностью современных ИКТ, так и с компетентностью в их использовании, а также более высокой частотой использования/поведения в сфере жизнеобеспечения. Но мы можем сформулировать гипотезу, что зависимость доступности ИКТ от дохода должен напоминать график логарифмической функции, когда после некоторого значения X (доход), значение Y (доступность ИКТ) перестает расти. Необходимо построить математическую модель, которая учитывала бы доступность и абонентскую плату за широкополосный Интернет и стоимость самих интеллектуальных устройств, необходимых инвалиду каждой нозологии для свободного пользования возможностями, которые предоставляет Интернет. Такая модель помогла бы в расчетах единовременной социальной выплаты для обеспечения необходимыми ИКТ.

Нозология и тяжесть функционального дефекта – еще два независимых фактора, которые влияют на доступность ИКТ, пользовательские навыки и даже паттерны поведения в сети. В корейском исследовании было установлено, что функциональные нарушения нижних конечностей вплоть до тяжелой степени инвалидности, паралича, в случае если они не сочетаются с другими нарушениями, не только не мешают, но коррелируются с ростом компетентности инвалидов и широкой вариативности интернет-поведения [Park, 2020]. Наиболее уязвимыми являются инвалиды с потерей зрения, далее идут люди с нарушением моторики верхних конечностей и слуха [Adam, Kreps, 2006], также трудности в освоении современных ИКТ имеют люди с нарушением когнитивных функций и, конечно, инвалиды с множественными нарушениями имеют самые низкие показатели доступности Интернета и способности его использовать для повышения качества своей жизни [Macdonald, Clayton, 2013].

До сих пор управленческая традиция в Российской Федерации исходит из того, что люди с инвалидностью – это одна социально уязвимая группа, которая нуждается в едином патерналистском подходе. Такая политика берет начало в благотворительной и медицинской моделях инвалидности [Fulcher, 1989]. Но инвалидность – это индивидуальная модель жизнедеятельности. Большая часть инвалидов –

это люди с тяжелыми общими заболеваниями, такими как сахарный диабет, бронхиальная астма, или онкологические заболевания. Их инвалидность часто не очевидна для окружающих, они не нуждаются в какой-либо специально организованной безбарьерной среде. Инвалиды с параличом нижних конечностей, те, на кого в первую очередь направлена государственная программа «Доступная среда»⁸, не нуждаются в особой помощи для пользования Интернетом, на них действуют только общие для популяции независимые факторы: возраст, образование, доход. Напротив, эта группа людей с инвалидностью – максимальные бенефициары цифровизации, которая значительно расширила их возможности коммуникации, занятости, решения вопросов жизнеобеспечения. Однако, если исходить из индивидуальной модели инвалидности, то оказывается, что цифровизация неоднозначно повлияла на жизненные шансы людей с ОВЗ.

Цифровые технологии предназначены, в первую очередь, для людей без нарушений здоровья [Borg et al., 2011]. Их дизайн не ориентирован на потребителей с ограниченными возможностями. Исследование доступности публичных веб-сайтов в Великобритании показало, что менее 20 % из них соответствуют хотя бы самым базовым стандартам доступности по всему спектру инвалидности, включая нарушения слуха, моторики и зрения [Adam, Kreps, 2006]. Для того чтобы адаптировать их под свои потребности, необходимо приобретать и устанавливать дополнительные приложения. Люди с нарушениями зрения, например, используют программное обеспечение для синтеза речи, которое считывает текст на веб-страницах. Финансовое бремя ложится на самих инвалидов. Это создает дополнительные барьеры [Macdonald, Clayton, 2013]. Британские исследователи обращают внимание, что даже наличие специальных приложений еще не гарантирует людям с инвалидностью равный доступ к контенту веб-сайта, поскольку при его проектировании разработчики могли не принять во внимание требования веб-доступности [Adam, Kreps, 2006]. Если большая часть интернет-ресурсов остается недоступной для инвалидов, это может серьезно ограничить его потенциал в качестве платформы для построения социальной интеграции.

Британские исследователи, анализируя политику руководства страны, делают вывод, что перспективы цифровых технологий для преодоления проблем инвалидов в сферах образования, занятости, коммуникаций, обеспечения независимой жизни и здравоохранения, – были сильно преувеличены и не материализовались

⁸ Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 363 (ред. от 23.03.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // СПС «Консультант-Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322085/ (дата обращения: 11.06.2021).

[Goggin, Newell, 2000]. Главным образом потому, что вопрос рассматривался не всесторонне. Подразумевалось, что доступ к технологиям сам собой обеспечивает социальную интеграцию. Вопрос, как это должно осуществляться, не поднимался. А. Адам и Д. Крепс называют такой упрощенный подход «союзом между либерализмом и технологическим детерминизмом» [Adam, Kreps, 2006]. Авторы полагают, что как наличествуют различные типы исключения, так может быть и несколько вариантов цифровых барьеров.

Одним из ключевых барьеров является то, что ассистивные технологии слишком дорогостоящи и часто неэффективны для большинства инвалидов. Для того чтобы вспомогательные технологии были эффективными, считают шведские исследователи, их нужно рассматривать как «право на помощь» для инвалидов, а не как «товар» [Borg et al., 2011]. Без финансового и правового регулирования со стороны властей невозможно обеспечить это право. С одной стороны, необходимо мотивировать веб-разработчиков к созданию инклюзивных ИКТ. Параллельно с этим следует выделять средства на создание вспомогательных ИКТ для инвалидов. Необходимость ассистивных вспомогательных технологий – эта та достройка доступности ИКТ, без которой невозможно добиться цифровизации жизнедеятельности этой социальной общности, учитывая все нозологии. Опыт, уже обобщенный странами, в которых дискурс «информационного общества» и «инклюзивного общества» развивается более продуктивно, необходимо учитывать в Российской Федерации при коррекции государственных программ, направленных на повышение жизненных шансов и качества жизни людей с инвалидностью и ОВЗ.

Невнимание к вопросу существования цифровых барьеров может иметь следующие последствия для этой общности:

- рост сегрегации;
- рост изоляции (отчуждения);
- дефицит значимой информации;
- трудности в управлении и контроле своей жизни (повышение степени зависимости от других людей, финансовые потери).

В целом возрастает неравенство и отчуждение в различных аспектах жизни, таких как социальные и экономические возможности и качество жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не следует думать, что цифровизация государственного управления и иных значимых сфер общественной жизни автоматически приведет к росту качества жизни и социальной активности людей с инвалидностью. Для отдельных нозологий, как например, лиц с инвалидностью, обусловленной общими

заболеваниями, это вполне вероятно. Тем не менее, инвалидность – это индивидуальная жизненная модель (траектория). Для людей, которым необходимо специализированное программное обеспечение, ассистивные вспомогательные технологии, цифровизация создает дополнительные социальные барьеры, связанные с невозможностью или затрудненностью пользования ИКТ. Эти барьеры уже получили в исследовательской литературе определение цифрового разрыва или цифрового неравенства.

Люди с ограниченными возможностями здоровья пользуются Интернетом реже, чем население в целом. Потенциальная возможность расширения их участия в жизни общества с помощью инструментов ИКТ не реализована. Цифровой разрыв, наблюдаемый в этой популяции, частично объясняется тем фактом, что эта группа состоит в значительной части пожилых людей, компетентность которых в отношении ИКТ значительно ниже, чем в более молодых когортах населения. Также очевидно, что и другие социально-экономические факторы играют значительную роль в ограничении доступа к Интернету, особенно уровень образования.

Цифровой разрыв не преодолеть без государственных программ, в том числе по законодательному обеспечению права на доступность ИКТ для инвалидов и разработке интеллектуальных устройств, обеспечивающих этот доступ. Эти технологии могут быть слишком дороги для самих инвалидов, но они являются их правом на помощь, а не товаром. Различные виды инвалидности могут потребовать различных мер и форм институциональной поддержки для преодоления разрыва. В частности, необходимо повысить уровень компетентности и возможности использования ИКТ, предоставив больше возможностей для технологического образования.

Те кто остается оторванным от технологий, с большей вероятностью будут исключены из основной социальной, экономической и политической деятельности. Поэтому расширение доступа к технологиям и их использование позиционируется как ключевой инструмент для решения таких социальных проблем. Таким образом, речь идет не только о важности использования технологий и доступа к ним, но и о социально-экономических выгодах, которые это может принести. Одной из главных составляющих Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.)⁹ заявлена разработка стратегии демографической политики Российской Федерации на период до 2050 г. Мы полагаем, что общие тренды демографического развития, такие как рост продолжительности жизни, старение населения, предполагают изменение отношения к инвалидам от понятия «иждивенцы» к понятию «субъекты экономической деятельности с особыми потребностями к ее организации». Цифровизация могла бы способствовать реализации такого перехода, создав рабочие места для этой категории работников.

Философия независимой жизни инвалидов предполагает создание для людей с ОВЗ такой среды, которая позволит вести независимое существование. Мы считаем, что вопрос профилактики возникновения социальных барьеров либо их минимизации требует дополнительного исследования и осмысления. «Лес рубят – щепки летят» – надеемся, этот лозунг для нашего общества остался в прошлом.

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021 – 2030 годы)» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373604/ (дата обращения: 11.06.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов В.С.* (2016). Цифровое неравенство как следствие процессов электронизации общества и гибридации систем управления по материалам проекта «коммуникативное неравенство» // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании. Организационная коммуникация – 2016: материалы IV Международной научно-практической конференции. Минск, 7–9 апреля 2016 г. / отв. ред.: О. В. Терещенко. Минск: Изд. центр БГУ. С. 317–320.
- Василенко Л.А., Зотов В.В.* (2020). Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // *Цифровая социология*. Т. 3, № 2. С. 4–16. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16>
- Василенко Л. А., Мецержикова Н. Н.* (2021). Социология цифрового общества: монография. [В печати].
- Зубарев С.М.* (2020). Правовые риски цифровизации государственного управления // *Актуальные проблемы российского права*. Т. 15, № 6. С. 23–32. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032>
- Тихонов А.В., Богданов В.С.* (2020). От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // *Социологические исследования*. № 1. С. 74–81. <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>
- Adam A., Kreps D.* (2006). Web accessibility: A digital divide for disabled people? // *Social Inclusion: Societal and Organizational Implications for Information Systems*. IFIP International Federation for Information Processing / edited by E.M. Trauth, D. Howcroft, T. Butler, B. Fitzgerald, J.I. DeGross, V. 208. Boston: Springer. Pp. 217–228. https://doi.org/10.1007/0-387-34588-4_15
- Borg J., Larsson S., Östergren P.O.* (2011). The right to assistive technology: for whom, for what, and by whom? // *Disability & Society*. V. 26, no. 2. Pp. 151–167. <https://doi.org/10.1080/09687599.2011.543862>

- Duplaga M. (2017). Digital divide among people with disabilities: Analysis of data from a nationwide study for determinants of Internet use and activities performed online // *PLoS ONE*. V. 12, no. 6. Art. e0179825. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0179825>
- Fulcher G. (1989). *Disabling policies? A comparative approach to education policy and disability*. London: Falmer Press. 302 p.
- Goggin G., Newell C. (2000). An end to disabling policies? Toward enlightened universal service // *The Information Society*. V. 16, no. 2. Pp. 127–133. <https://doi.org/10.1080/01972240050032889>
- Guo B., Bricout J.C., Huang J. (2005). A common open space or a digital divide? A social model perspective on the online disability community in China // *Disability & Society*. V. 20, no. 1. Pp. 49–66. <https://doi.org/10.1080/0968759042000283638>
- Macdonald S.J., Clayton J. (2013). Back to the future, disability and the digital divide // *Disability & Society*. V. 28, no. 5. Pp. 702–718. <http://doi.org/10.1080/09687599.2012.732538>
- Park E.Y. (2020). Digital competence and internet use/behavior of persons with disabilities in PC and smart device use // *Universal Access in the Information Society*. Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10209-020-00782-z> (дата обращения: 11.06.2021). <https://doi.org/10.1007/s10209-020-00782-z>

REFERENCES

- Adam A. and Kreps D. (2006), “Web accessibility: A digital divide for disabled people?”, *Social Inclusion: Societal and Organizational Implications for Information Systems*. *IFIP International Federation for Information Processing*, vol. 208, edited by E.M. Trauth, D. Howcroft, T. Butler, B. Fitzgerald, J.I. DeGross, Springer, Boston, M.A., US, pp. 217–228. https://doi.org/10.1007/0-387-34588-4_15
- Bogdanov V.S. (2016), “Digital inequality as a consequence of the processes of society’s electronization and hybridization of management systems based on the materials of the project “Communicative inequality”, *Communication in Social and Humanitarian Knowledge, Economics, and Education. Organizational Communication – 2016: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference. Minsk, April 7– 9, 2016*, responsible editor O.V. Tereshchenko, Minsk, Belorussian State University Publishing Center, pp. 317–320. (In Russian).
- Borg J., Larsson S. and Östergren P.O. (2011), “The right to assistive technology: For whom, for what, and by whom?”, *Disability & Society*, vol. 26, no. 2, pp. 151–167. <https://doi.org/10.1080/09687599.2011.543862>
- Duplaga M. (2017), “Digital divide among people with disabilities: Analysis of data from a nationwide study for determinants of Internet use and activities performed online”, *PLoS ONE*, vol. 12, no. 6, art. e0179825. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0179825>.
- Fulcher G. (1989), *Disabling policies? A comparative approach to education policy and disability*, Falmer Press, London, UK.
- Goggin G., and Newell C. (2000), “An end to disabling policies? Toward enlightened universal service”, *The Information Society*, vol. 16, no. 2, pp. 127–133. <https://doi.org/10.1080/01972240050032889>
- Guo B., Bricout J.C. and Huang J. (2005), “A common open space or a digital divide? A social model perspective on the online disability community in China”, *Disability & Society*, vol. 20, no. 1, pp. 49–66. <https://doi.org/10.1080/0968759042000283638>
- Macdonald S.J. and Clayton J. (2012), “Back to the future, disability and the digital divide”, *Disability & Society*, vol. 28, no. 5, pp. 702–718. <http://doi.org/10.1080/09687599.2012.732538>
- Park E.Y. (2020), “Digital competence and internet use/behavior of persons with disabilities in PC and smart device use”, *Universal Access in the Information Societ*. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10209-020-00782-z> (accessed 11.06.2021). <https://doi.org/10.1007/s10209-020-00782-z>
- Tikhonov A.V. and Bogdanov V.S. (2020), “From “clever regulation” to “clever management”: social problem of digitalization of feedbacks”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 74–81. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>
- Vasilenko L.A. and Meshcheryakova N.N. (2021), *Sociology of the digital society: monograph*. [In print].
- Vasilenko L.A. and Zotov V.V. (2020), “Digitalization of public administration in Russia: risks, casuses, problems”, *Digital Sociology*, vol. 3, no. 2, pp. 4–16. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16>
- Zubarev S.M. (2020), “Legal risks of digitalization of public administration”, *Actual Problems of Russian Law*, vol. 15, no. 6, pp. 23–32. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032>

TRANSLATION OF FRONT REFERENCES

¹ Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017, No. 1632-r “On Approval of the Programme “Digital Economy of the Russian Federation”, *Official website of the Russian Government*. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yL-VuPgu4bvR7M0.pdf> (accessed 11.06.2021).

² Ibid.

³ Information society in the Russian Federation. 2020: statistical collection, Moscow, Russia, National Research University Higher School of Economics, 2020. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (accessed 11.06.2021).

⁴ Rosinfostat (2021), Disabled people in Russia: the number, degrees and types, the size of the unified tax on imputed income. Available at: <https://rosinfostat.ru/invalidy/> (accessed 11.06.2021).

⁵ World Health Organisation (2021). Fact sheets on the Sustainable Development Goals (SDGs): health targets. Available at: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/health-policy/sustainable-development-goals/publications/2017/fact-sheets-on-the-sustainable-development-goals-sdgs-health-targets#426389> (accessed 11.06.2021).

⁶ Rosinfostat (2021), Disabled people in Russia: the number, degrees and types, the size of the unified tax on imputed income. Available at: <https://rosinfostat.ru/invalidy/> (accessed 11.06.2021).

⁷ Information society in the Russian Federation. 2020: statistical collection, Moscow, Russia, National Research University Higher School of Economics, 2020. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (accessed 11.06.2021).

⁸ Decree of the Government of the Russian Federation dated March 29, 2019, No. 363 (as amended on March 23 2021) “On Approval of the State Programme of the Russian Federation “Accessible Environment”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322085/ (accessed 11.06.2021).

⁹ Decree of the Government of the Russian Federation of December 31, 2020, No. 3684-r “On Approval of the Programme of Fundamental Scientific Research in the Russian Federation for the long-term period (2021–2030)”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322085/ (accessed 11.06.2021).

Онлайн-взаимодействие олимпийских волонтеров после игр

УДК 316.034 DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-53-64>

Получено 05.07.2021 Доработано после рецензирования 10.08.2021 Принято 16.08.2021

Сухарькова Марина Петровна

Аналитик, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5461-7925>

E-mail: MSukharkova@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена сообществу олимпийских волонтеров после мероприятия через изучение их онлайн-активности в социальной сети «Вконтакте». Олимпийское волонтерство относится к событийному направлению волонтерства, которое характеризуется ограниченным периодом времени реализации практик волонтерства, но продолжительным периодом подготовки волонтеров и возможностью приобретения волонтерами уникального опыта работы во время организации и проведения крупного спортивного мероприятия. На данный момент наблюдается недостаток исследований по теме влияния таких мероприятий, как Олимпийские и Паралимпийские игры на сообщество волонтеров.

В статье изучено наследие Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г. для сообщества волонтеров. В ходе исследования произведена попытка найти ответы на следующие исследовательские вопросы: сохраняют ли волонтеры социальные онлайн-взаимодействия спустя пять и более лет после мероприятия; если волонтеры продолжают онлайн-взаимодействия, то какие темы наиболее популярны для обсуждений в сообществе волонтеров. Доказано,

что волонтерство на крупных спортивных мероприятиях способствует развитию социального капитала волонтеров, в том числе и за счет расширения круга знакомств, то есть социальных взаимодействий. При этом социальные сети оказывают большое влияние на воспроизводство социального капитала, поэтому показатели онлайн-взаимодействий волонтеров могут свидетельствовать о том, поддерживают ли волонтеры приобретенные во время работы на играх круги социальных взаимодействий, и, таким образом, поддерживают и используют ли волонтеры приобретенный во время работы на мероприятии социальный капитал. На протяжении всего рассматриваемого нами периода времени наиболее высокие показатели активности волонтеров в онлайн-сообществе отмечены с 2014 г. по 2016 г. Далее активность участников в онлайн-сообществе снижается. Самыми актуальными среди участников онлайн-сообщества являются темы волонтерства – воспоминания о работе на играх, информация о других волонтерских программах – и другие темы, например, туризм и др.

Ключевые слова

Волонтеры, олимпийские волонтеры, волонтеры Олимпийских и Паралимпийских игр, волонтеры крупных спортивных мероприятий, онлайн-взаимодействия, онлайн-сообщества, онлайн-взаимодействия волонтеров, сообщество олимпийских волонтеров после игр

Для цитирования

Сухарькова М.П. Онлайн-взаимодействие олимпийских волонтеров после игр // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 3. С. 53–64.

© Сухарькова М.П., 2021. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Online interaction of Olympic volunteers after the Games

DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-53-64>

Received 05.07.2021 Revised 10.08.2021 Accessed 16.08.2021

Marina P. Sukharkova

Analyst, HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5461-7925>

E-mail: MSukharkova@hse.ru

The article is devoted to the community of Olympic volunteers after the event through the study of their online activity in social network "Vkontakte". Olympic volunteering refers to the event-oriented direction of volunteering, which is characterized by a limited period of time for the implementation of volunteering practices, but a long period of training volunteers and the opportunity for volunteers to acquire unique work experience during the organization and holding of a major sports event. At the moment, there is a lack of research on the impact of events such as the Olympic and Paralympic Games on the volunteer community.

The legacy of the 2014 Olympic and Paralympic Games for the volunteer community is studied in the article. In the course of the study, an attempt was made to find answers to the following research questions: do volunteers maintain social online interactions five or more years after the event; if volunteers continue online interactions, what topics are the most popular for discussion in the

volunteer community. It is proved that volunteering at major sporting events contributes to the development of the social capital of volunteers, including by expanding the circle of acquaintances, that is, social interactions. At the same time, social networks have a great influence on the reproduction of social capital, so the indicators of online interactions of volunteers can indicate whether the volunteers support the circles of social interactions acquired while working at the games, and, thus, whether the volunteers support and use the social capital acquired while working at the event. During the entire period of time considered by us, the highest indicators of volunteer activity in the online community were noted from 2014 to 2016. The most relevant topics among the participants of the online community are the topics of volunteering: both memories of working at the games, as well as information about other volunteer programs and other topics, for example, tourism, etc.

ABSTRACT

Keywords

Volunteers, Olympic volunteers, Olympic and Paralympic volunteers, volunteers of major sporting events, online interactions, online communities, online volunteer interactions, community of Olympic volunteers after the Games

For citation

Sukharkova M.P. (2021) Online interaction of Olympic volunteers after the Games. *Digital sociology*, vol. 4, no 3, pp. 53–64. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-3-53-64

ВВЕДЕНИЕ

Проведение крупных спортивных мероприятий, таких как Олимпийские и Паралимпийские игры, может способствовать достижению целей устойчивого развития стран всего мира [Kim, 2019].

В литературе приведены доказательства того, что проведение крупных спортивных мероприятий приводит к значительному материальному и нематериальному наследию [Leorkey, 2017], в которое входят экономическое [Якименко, 2014], репутационное [Gold, 2008], инфраструктурное [Мишулина, 2014], социокультурное [Trupo, 1995] и экологическое наследие [Zhou, 2010]. Некоторые исследователи считают, что положительные эффекты крупных спортивных мероприятий переоцениваются [Wang, 2019]. Несмотря на это, вопросы изучения наследия крупных спортивных мероприятий по-прежнему привлекают внимание ученых.

К числу волонтеров крупных спортивных мероприятий относятся олимпийские волонтеры – люди, добровольно принимающие участие в подготовке и проведении Олимпийских и Паралимпийских игр без прямого денежного вознаграждения. В международной практике олимпийские волонтеры – это участники комплексных организованных программ по работе с волонтерами. Среди многих факторов, которые могут способствовать успешным крупным спортивным мероприятиям, можно выделить волонтеров [Baum, 2007]. Мега-спортивные мероприятия в значительной степени зависят от роли волонтеров [Green, 1998], которые являются ключевым элементом предоставления услуг и управления спортивными мероприятиями [Daly, 1991].

В России первая комплексная организованная программа по работе с волонтерами была реализована для подготовки, обучения и сопровождения работы волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр в 2014 г. Это инновационная программа по работе с волонтерами, реализуемая на федеральном уровне. В 2014 г. в нее были включены 25 тыс. чел., на данный момент в ней состоит более 80 тыс. чел. Кроме того, программа является наиболее продолжительной – она реализуется на протяжении почти 10 лет и будет функционировать в будущем.

А. Стригас отметил, что волонтеры позволяют спортивным мега-событиям предлагать, поддерживать и расширять качество, количество и разнообразие услуг, предоставляемых спортивными мероприятиями [Strigas, 2003]. Кроме того, волонтеры обеспечивают финансовый успех крупных мероприятий, сокращая расходы [Shin, 2003; Strigas, 2003]. Также олимпийское волонтерство предоставляет возможность местному сообществу принять участие в крупных мероприятиях [Doherty, 2012]. Таким образом, можно сделать выводы о том, что мега-спортивные мероприятия невозможны без волонтеров и привлечение волонтеров является обязатель-

ным условием для обеспечения успеха и устойчивости мега-спортивных мероприятий.

Тем не менее, наблюдается недостаток исследований, по теме влияния таких мероприятий, как Олимпийские и Паралимпийские игры на сообщество волонтеров [Shipway, 2007]. При этом комплексная оценка наследия крупных мероприятий играет важную роль в заявке на проведение этих мероприятий [Bell, 2015].

Стоит отметить, что одна из причин недостаточной изученности сообщества волонтеров крупных спортивных мероприятий в принимающих сообществах в течение длительного периода после мероприятия – это ограничения, связанные с формальными требованиями, поскольку в организационных комитетах зачастую существуют положения об ограничении доступа к базам данных волонтеров [Dickson, 2015]. В это же время несколько исследователей пытались изучить волонтерское сообщество после мероприятия, применяя метод опроса волонтеров спустя некоторое время после мероприятия, но данные исследования охватывают ограниченные временные сроки [Hallman, 2012].

Целью данной статьи является изучение наследия Олимпийских и Паралимпийских игр 2014 г. для сообщества волонтеров. В ходе исследования мы пытались найти ответы на следующие исследовательские вопросы: сохраняют ли волонтеры социальные онлайн-взаимодействия спустя пять и более лет после мероприятия; если волонтеры продолжают онлайн-взаимодействия, то какие темы наиболее популярны для обсуждений в сообществе волонтеров. В исследованиях доказано, что волонтерство на крупных спортивных мероприятиях способствует развитию социального капитала волонтеров, в том числе и за счет расширения круга знакомств, то есть социальных взаимодействий [Zhuang, 2012]. При этом социальные сети оказывают большое влияние на воспроизводство социального капитала [Ефимова, 2015], поэтому показатели онлайн-взаимодействий волонтеров могут свидетельствовать о том, поддерживают ли волонтеры приобретенные во время работы на играх круги социальных взаимодействий, и, таким образом, поддерживают и используют ли волонтеры приобретенный во время работы на мероприятии социальный капитал.

Нами было выбрано именно онлайн-взаимодействие волонтеров, по следующим причинам: доступность способа взаимодействия (волонтерами игр 2014 г. были жители разных регионов России, что осложняет офлайн-взаимодействия волонтеров); онлайн-сообщество волонтеров управляется самими волонтерами, что исключает административный ресурс организационного комитета игр или других организаций; волонтеры в интервью упоминали онлайн-сообщество как основной инструмент взаимодействия между олимпийскими волонтерами.

ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Социальная сеть – это социальная структура, состоящая из множества субъектов и связей между ними, возникающими по поводу обмена ресурсами [Ветцель, 2020]. Сегодня в России социальными сетями ежедневно пользуется больше половины жителей, при этом число пользователей социальных сетей продолжает расти¹. Социальные сети являются неотъемлемой частью современного информационного общества [Марарица, 2017]. Стоит подчеркнуть, что огромная популярность социальных сетей радикально изменила сущность социального взаимодействия [Намуева, 2020]. Так исследователи делают акцент на том, что изучение роли социальных сетей в жизни современного человека и общества в целом требует междисциплинарного подхода [Burnett, 2003].

В литературе социальная сеть рассматривается как платформа, предоставляющая своим пользователям возможности взаимодействия с другими людьми онлайн [Черемисова, 2016]. Развитие сайтов, позволяющих пользователям поддерживать контакты в онлайн-формате, – социальных сетей, стало одним из значимых явлений социальной жизни, на протяжении последнего десятилетия и привело к небывалому всплеску онлайн-общения, по мнению экспертов [Boyd, 2007]. Социальные сети способствуют не только взаимодействиям людей – они представляют собой мультимодальную платформу, которая позволяет организовывать дискуссии и мероприятия, обмениваться мультимедийным контентом [Adger, 2009].

Российский исследователь А.Н. Чураков [2001] предложил следующие направления исследований социальных сетей: изучение структуры социальной сети; возможности субъектов в социальных сетях; уровень доверия между субъектами и нормы поведения в социальных сетях; изменения в структуре социальных сетей за определенный срок. В данном исследовании мы будем рассматривать возможности взаимодействия волонтеров в социальных сетях и те изменения, которые произошли в их онлайн-взаимодействиях после игр.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве объекта исследования была выбрана социальная сеть «ВКонтакте». По данным Mediascope, социальная сеть «ВКонтакте» входит в топ-10 самых популярных ресурсов в России, занимая четвертое место. Около 50 % аудитории сети «Интернет» посещает социальную сеть «ВКонтакте» ежедневно, а за месяц

¹ Волков Д., Гончаров С. (2020). Российский МедиаЛандшафт-2020 // Левада-Центр (Аналитический Центр Юрия Левады). Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020> (дата обращения: 10.06.2021).

охват достигает 78 %². «ВКонтакте» – крупнейшая социальная сеть, пользователям которой доступны следующие возможности: создавать профиль с информацией о себе, управлять настройками доступа к информации на своей странице, взаимодействовать с другими пользователями приватно (через личные сообщения) и публично (с помощью записей на «стене», а также через механизм групп и встреч), отслеживать через ленту новостей активность друзей и сообществ, также пользователь может оставлять комментарии под уже опубликованным контентом, к своим сообщениям можно «прикреплять» фотографии, аудиотреки и видеозаписи, граффити и опросы [Вебер, 2014]. Кроме того, олимпийские волонтеры в интервью сами ссылались на то, что общение между ними происходит именно в этой социальной сети.

Посты, размещенные в социальной сети «ВКонтакте» были единицами анализа, предметом анализа сообществ – наиболее популярные темы обсуждения.

Взаимодействия волонтеров Олимпийских и/или Паралимпийских игр 2014 г. в социальной сети «ВКонтакте» до, во время и после проведения мероприятия до 2016 г. были рассмотрены ранее [Сухарькова, 2016]. Основная цель данной статьи – анализ онлайн-взаимодействий олимпийских волонтеров Олимпийских и/или Паралимпийских игр после 2016 г.

На первом этапе исследования нами были отображены два сообщества олимпийских волонтеров: официальное сообщество «Волонтеры «Сочи-2014»³ и сообщество, которое создали и администрируют сами волонтеры «Подслушано | VOLUNTEERS»⁴. По данным на 2021 г., официальное сообщество олимпийских волонтеров прекратило свое существование, по этой причине мы будем анализировать взаимодействия волонтеров только в сообществе «Подслушано | VOLUNTEERS».

Изучая онлайн-взаимодействия волонтеров в социальных сетях, мы переносим данный способ общения на офлайн-характеристики сообщества волонтеров. Эксперты пишут о том, что активность людей в социальных сетях представляет собой совокупность осознанных, целенаправленных действий людей в онлайн-сфере по взаимодействию с другими участниками этого процесса, а значит, можно говорить о взаимозависимости онлайн-взаимодействий и поведенческих моделей в реальной действительности [Гронский, 2011].

² Гаитбаева С. (2020). Аудитория шести крупнейших соцсетей в России в 2020 году: изучаем инсайты // PPC.World. Режим доступа: <https://ppc.world/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insayty/> (дата обращения: 10.06.2021).

³ *ВКонтакте* (2021). Онлайн-сообщество «Волонтеры «Сочи-2014». Режим доступа: http://vk.com/sochi2014_volunteers (дата доступа: 10.06.2021).

⁴ *ВКонтакте* (2021). Онлайн-сообщество «Подслушано | VOLUNTEERS SOCHI 2014». Режим доступа: http://vk.com/overhear_sochi2014 (дата доступа: 10.06.2021).

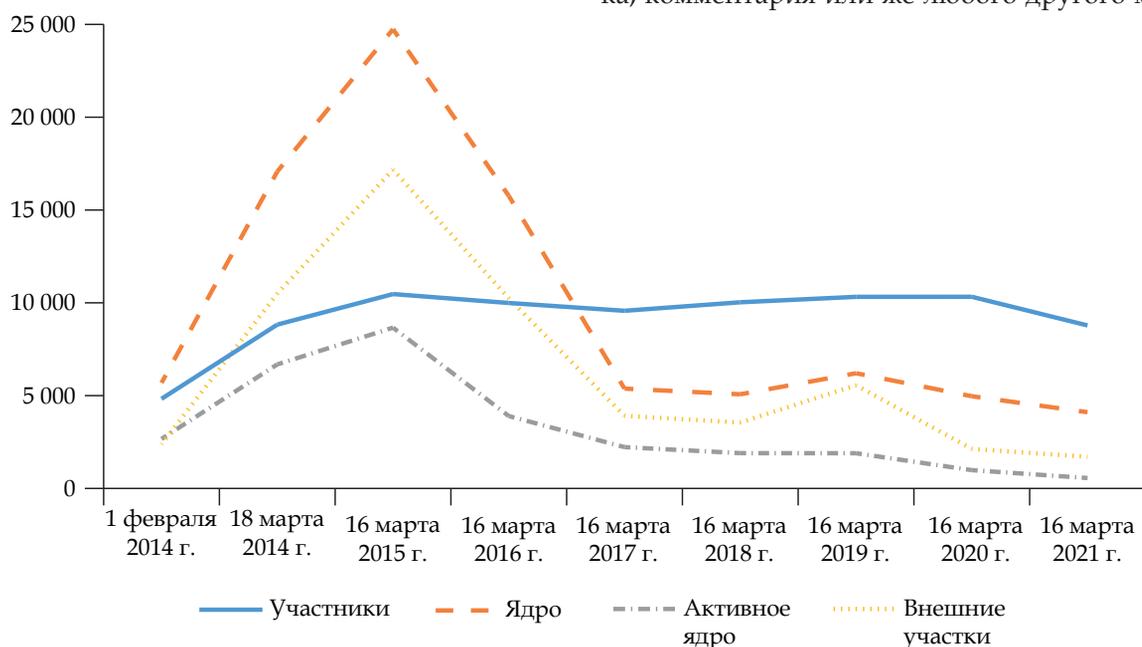
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первую очередь рассмотрим количественные показатели сообщества волонтеров «Подслушано | VOLUNTEERS». Основными количественными показателями участников онлайн-сообществ являются: количество подписчиков сообщества (то есть, популярность), а также «ядро» сообщества (количество пользователей, произведших хоть одно действие в сообществе), «активное ядро» сообщества (количество пользователей, произведших хотя бы три действия в сообществе) и количество внешних участников (количество пользователей, произведших хоть одно действие в сообществе и не являющихся его подписчиками), которые принимают участие в жизни онлайн-сообщества.

Изменения количественных показателей участников и внешних участников онлайн-сообщества олимпийских волонтеров «Подслушано | VOLUNTEERS» представлены на рисунке 1. Стоит заметить, что за наблюдаемый период (с 2014 г. по 2021 г.) количество участников рассматриваемого онлайн-сообщества выросло примерно в два раза (с 4 827 до 8 782 чел.), однако, основной прирост числа участников сообщества зафиксирован в 2014 г. и 2015 г. Говоря об участии внешних пользователей в сообществе, стоит отметить, что в 2014 г. и 2015 г. была отмечена более высокая активность этой группы (10 407 и 17 173 чел. соответственно), после чего показатели активности резко снизились и достигли 559 чел. в 2021 г.

Отдельно уделим внимание активным группам участников онлайн-сообщества («ядру» и «активному ядру»). Так, максимальное количество пользователей, отнесенных к «ядру», то есть тех, кто совершил одно и более действие в сообществе, было зафиксировано в 2015 г. (24 741 чел.), спустя год после окончания игр, и минимальное количество участников этой группы зафиксировано в 2021 г. (4 107 чел.), что говорит о снижении активности «ядра» сообщества после 2015 г. Аналогичная ситуация сложилась и с участниками, отнесенными к «активному ядру», то есть тех, кто совершил три и более действий в сообществе. В 2015 г. было зафиксировано максимальное количество участников, относившихся в «активному ядру» сообщества (8 663 чел.), затем показатели ежегодно снижались и достигли минимума в 2021 г. (559 чел.). Таким образом, основываясь на данных, полученных при помощи сервисов анализа онлайн-сообществ, мы выявили, что повышенная активность участников сообщества олимпийских волонтеров была в 2015 г., затем показатели активного участия снижались, но общее число участников сообщества постоянно росло до 2020 г., а в 2021 г. зафиксировано снижение числа участников сообщества.

Далее перейдем к рассмотрению количественных изменений в действиях участников онлайн-сообщества «Подслушано | VOLUNTEERS». К действиям участников онлайн-сообщества относят: комментарии, лайки (возможность мгновенно показать свое одобрение какой-либо записи, фотографии, статьи, видеоролика, комментария или же любого другого материала)

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 1. Количественные показатели активности участников онлайн-сообщества «Подслушано | VOLUNTEERS» в социальной сети «ВКонтакте»

Figure 1. Quantitative indicators of the activity of participants of the online community "Overheard | VOLUNTEERS" in the social network "VKontakte"

и репосты (возможность мгновенно поделиться информационной заметкой, размещенной в социальных сетях, при этом не меняя ее содержания и оставляя ссылку на исходную информацию).

Такие количественные показатели действий участников онлайн-сообщества, как количество публикаций в сообществе и репостов, количество лайков и комментариев представлены на рисунке 2 и 3. Заметим, что показатели действия аккумулируются за годы наблюдений, то есть к показателям предыдущего года прибавляются показатели нового года, это обусловлено тем, что действия участников онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» остаются действительными спустя время.

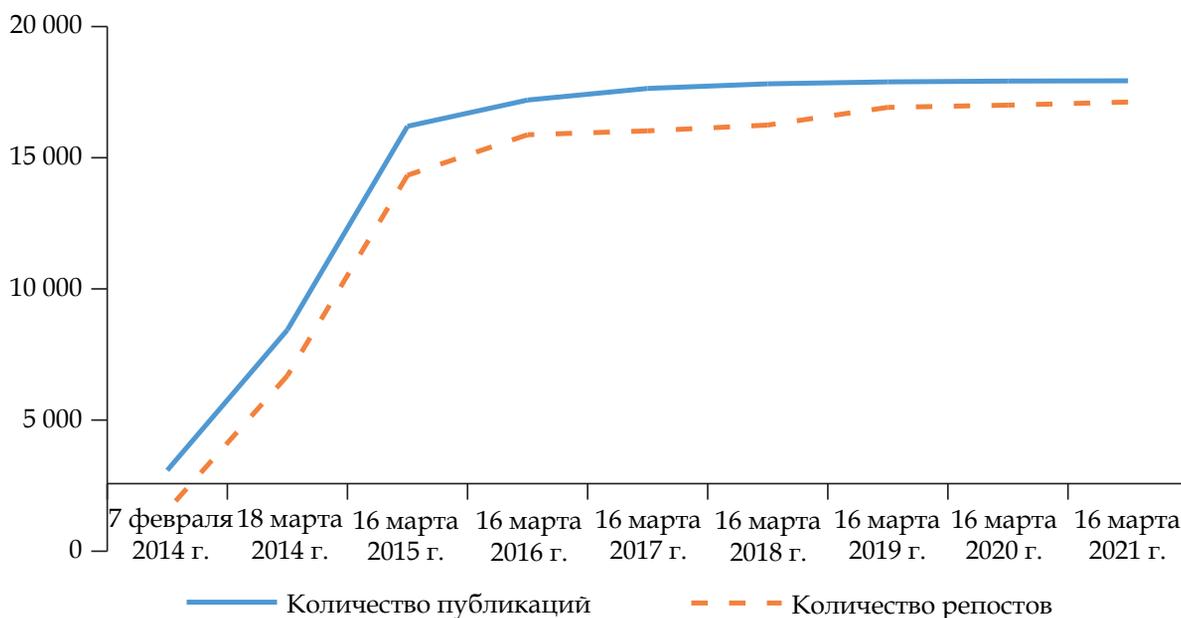
Важным показателем любого онлайн-сообщества является количество публикаций, которые в нем размещаются, а также количество репостов этих публикаций. За период времени с 2014 г. по 2021 г. в онлайн-сообществе было размещено 17 933 публикации и 17 122 репоста. Однако, с 2016 г. по 2021 г. в онлайн-сообществе было размещено только 732 публикации и участники сделали 2 790 репостов этих публикаций, когда за период с 2014 г. по 2016 г. – 8 761 публикация и 12 775 репостов. Таким образом, максимальные показатели онлайн-сообщества «Подслушано | VOLUNTEERS» были зафиксированы с 2014 г. по 2016 г., то есть время на протяжении непосредственно проведения Олимпийских и Паралимпийских игр и спустя два года после них.

Остановившись на других показателях действий участников онлайн-сообщества волонтеров, заметим, что с 2014 г. по 2021 г. количество лайков и комментариев

участников сообщества многократно выросло, что свидетельствует о том, что данное сообщество функционирует и участники этого онлайн-сообщества активны. Количество комментариев в онлайн-сообществах олимпийских волонтеров выросло с 34 502 чел. в 2014 г., до 217 518 чел. в 2021 г., количество лайков – с 34 162 ед. в 2014 г. до 700 010 ед. в 2021 г. Если рассматривать отображение изменения числа лайков, то можно заметить, что наибольшее изменение зафиксировано в 2015 г. (с 122 000 ед. 18 марта 2014 г. до 334 686 ед. 16 марта 2015 г.), из чего следует, что именно в этот период по данному показателю наблюдается максимальная активность участников сообщества.

Изучая действия участников онлайн-сообщества олимпийских волонтеров, мы узнали, что онлайн-сообщество, созданное самими волонтерами, является активной площадкой для взаимодействия участников как во время игр, так и после. Так, спустя 6 лет после мероприятия волонтеры используют сообщество для общения и обмена информацией, также со стороны волонтеров проявляется интерес к данному сообществу, хотя этот интерес и снижается по прошествии времени после мероприятия.

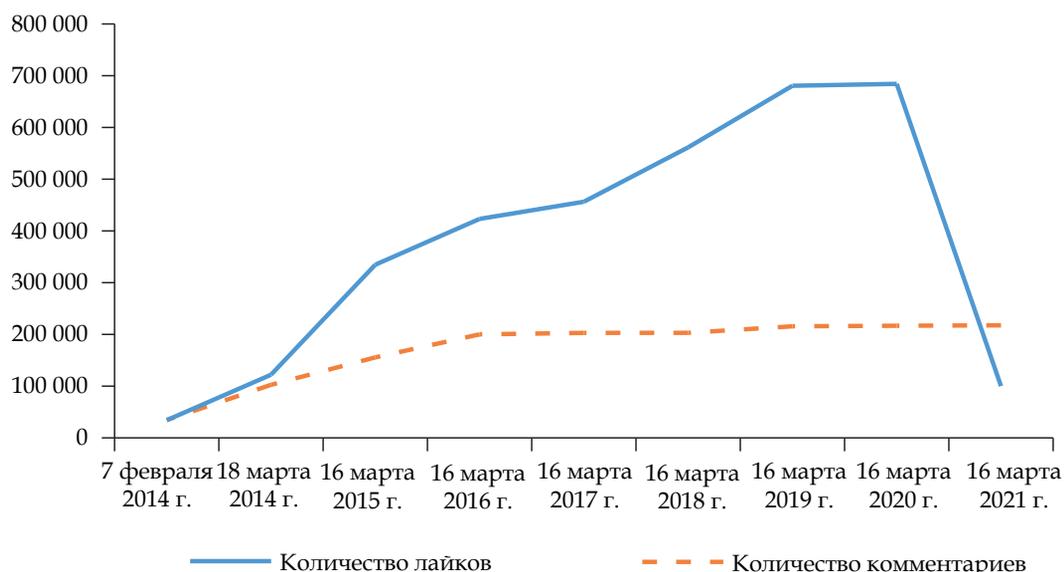
Наиболее высокими качественными показателями онлайн-сообщество волонтеров характеризовалось на протяжении 2014–2015 гг., затем показатели сообщества начали снижаться (табл. 1). Данные показатели сообщества подтверждают указанный выше вывод о том, что волонтеры наиболее активно взаимодействовали между собой в рамках онлайн-сообщества во время игр и на протяжении года после.

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 2. Количественные показатели действий участников онлайн-сообщества олимпийских волонтеров «Подслушано | VOLUNTEERS» в социальной сети «ВКонтакте»

Figure 2. Quantitative indicators of the actions of participants of the online community of Olympic volunteers "Overheard | VOLUNTEERS" in the social network "VKontakte"

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Рис. 3. Количественные показатели действий участников онлайн-сообщества олимпийских волонтеров «Подслушано | VOLUNTEERS» в социальной сети «ВКонтакте»

Figure 3. Quantitative indicators of the actions of participants of the online community of Olympic volunteers "Overheard | VOLUNTEERS" in the social network "VKontakte"

Таблица 1. Количественные показатели популярности постов онлайн-сообщества «Подслушано | VOLUNTEERS» в социальной сети «ВКонтакте» по количеству лайков, репостов и комментариев

Table 1. Quantitative indicators of the popularity of posts of the online community "Overheard | VOLUNTEERS" in the social network "VKontakte" by the number of likes, reposts and comments

Пост	Дата публикации	Кол-во набранных лайков	Кол-во набранных репостов	Кол-во набранных комментариев
«Вы сказали «невозможно». Мы доказали обратное. Было трудно. Но мы сделали это»	30.03.2014	1609	262	9
«30 фраз, способных вогнать в ступор человека, который не был на ОИ-ПИИ 2014»	27.05.2014	1374	322	55
«РОССИЯ - ВЕЛИКАЯ СТРАНА!! ГОРЖУСЬ!!»	16.03.2014	976	42	13
«#ДайПятеруВолонтеру #Сочи2014 это бест)»	31.03.2014	801	53	13
«...и правда! =)) Волонтеры =))) «Прибрежка» и «Горы» =)))»	25.03.2014	750	76	12
«Я там, где я есть, а сердце в Сочи...»	08.03.2014	667	72	3
««ЭСССССТОУ САДОК» Пожалуй, стоит этим поделиться :) для всех, кто скучает по Горному кластеру, по Ласточке и голосам в ней»	06.03.2014	664	185	14
«Эти Игры навсегда в наших сердцах! Мы сделали это! Вместе! Спасибо, Сочи! С годовщиной нас, ребята!!!»	06.02.2015	635	85	5
«Это было самое нереальное время в нашей жизни!!!»	27.01.2015	634	108	4
«СОЧИ - 2014 7 февраля 2014 года. Тут не надо ничего говорить, просто вспомнить, КАК это было здорово»	07.02.2016	616	97	1

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Исследовательский интерес представляет рейтинг наиболее популярных постов онлайн-сообщества олимпийских волонтеров. В таблице 1 представлена информация о 10 наиболее популярных постах сообщества по количеству набранных ими лайков, репостов и комментариев за 2014–2021 гг.

Стоит отметить, что все посты, являющиеся наиболее популярными в онлайн-сообществе, были опубликованы в 2014–2016 гг. При этом посты в сообществе прямо или косвенно касаются Олимпийских и/или Паралимпийских игр, где реализовывались практики олимпийского волонтерства. Однако, если рассмотреть рейтинг постов онлайн-сообщества олимпийских волонтеров по охвату, то наиболее просматриваемыми публикациями являются посты, опубликованные с 2017 г. по 2021 г. (табл. 2).

В данном рейтинге публикаций присутствуют не только посты, касающиеся темы Олимпийских

и/или Паралимпийских игр, но и других направлений волонтерства. Что говорит о том, что олимпийские волонтеры принимают участие в разных направлениях волонтерства и не закончили свою работу на добровольных началах после игр. Важно подчеркнуть, что подавляющее количество наиболее просматриваемых постов, касаются темы ностальгии о времени работы в качестве волонтеров на Олимпийских и/или Паралимпийских игр.

Кроме этого, рассмотрим рейтинг наиболее популярных постов онлайн-сообщества олимпийских волонтеров «Подслушано | VOLUNTEERS» за последний год, то есть с 2020 г. (см. табл. 3). Как видно из рейтинга, за последний год участники онлайн-сообщества наибольшее внимание уделяли воспоминаниям об играх, туризму, вопросам участия в волонтерских программах других мероприятий, а также личным темам.

Таблица 2. Количественные показатели популярности постов онлайн-сообщества олимпийских волонтеров «Подслушано | VOLUNTEERS» в социальной сети «ВКонтакте» по охвату

Table 2. Quantitative indicators of the popularity of posts of the online community of Olympic volunteers "Overheard | VOLUNTEERS" in the social network "VKontakte" by coverage

Пост	Дата публикации	Охват публикации (кол-во пользователей)
«СОЧИ-2014 - ТРИ ГОДА»	07.02.2017	10 000
«7 марта 2014 года - 3 года назад начались Паралимпийские Игры в Сочи»	07.03.2017	5 849
«СОЧИ-2014 - В ЭТОТ ДЕНЬ ТРИ ГОДА НАЗАД»	23.02.2017	5 003
«С 6й годовщиной волонтеры #sochi2014ru»	17.02.2020	4 842
«СОЧИ-2014 - ТРИ ГОДА Ну и теперь самое прекрасное, что было 3 года назад, 7 февраля 2014 года - Церемония открытия Игр на арене Фишт»	07.02.2017	4 717
«#тригодапослеигр»	07.02.2017	4 255
«СОЧИ-2014 - 5 ЛЕТ... ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ»	09.01.2019	4 157
«SOS!!!! Всем привет! Дорогие друзья, мы очень ищем волонтеров, которые будут рады придти поиграть с детишками в больницах»	15.04.2019	4 047
«Сочи-2014 - 5 лет!!! 5 лет!!!»	07.02.2019	4 021
«Ребята, многие из нас с трепетом и любовью вспоминают это Волшебное время. А ведь этот Праздник мы с вами создали сами!»	23.01.2019	4 014

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

Таблица 3. Количественные показатели популярности постов онлайн-сообщества олимпийских волонтеров «Подслушано | VOLUNTEERS» в социальной сети «ВКонтакте» по охвату, количеству лайков, репостов и комментариев за последний год (с 2020 г.)

Table 3. Quantitative indicators of the popularity of posts of the online community of Olympic volunteers "Overheard | VOLUNTEERS" in the social network "VKontakte" by coverage, number of likes, reposts and comments over the past year (from 2020)

Пост	Дата публикации	Охват публикации (пользователей)	Кол-во лайков	Кол-во репостов	Кол-во комментариев
«С прошедшим, волонтерчики! Не забывайте те времена и друг друга! Сочи 2014 навсегда в сердце..»	03.03.2021	1 302	138	8	19
«Это навсегда. Паралимпиада 2014»	07.04.2020	2 501	81	3	2
«Дождливая, почти летняя Москва и яркая Казань! 8-9 сентября 2020»	17.09.2020	2 783	64	3	1
«Добрый день, друзья! ♥ Я с теплотой вспоминаю 2014 год и свою волонтерскую деятельность»	21.07.2020	2 059	42	0	10
«Привет! Я волонтер Сочи 2014, зимняя олимпийская деревня, ищу друзей, кто меня знает, буду рад новым знакомствам. Всем добра и позитива!»	22.03.2020	1 898	22	0	8
«Добрый день! Кто-нибудь планирует стать волонтером на следующем Чемпионате мира по футболу в Катаре в ноябре - декабре 2022 года?»	21.07.2020	1 298	9	0	5
«Волонтеры в Китай https://vol.beijing2022.cn/indexEn.html »	08.01.2021	613	8	3	0
«Про романтику. Есть, кто познакомился на ОИ, и сейчас вместе? Женаты, или встречаются как пара?»	21.07.2020	986	7	0	0
«Привет, друзья! Так как сложилась сложная ситуация из-за пандемии, ищу место для аренды жилья»	10.05.2020	2 339	5	0	0
«Все волонтерам привет! Может у кого-то осталась поясная сумка от формы? Куплю недорого»	08.08.2020	1 228	4	0	3

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данной статьи было изучение онлайн-взаимодействий олимпийских волонтеров после игр. При этом в статье не только демонстрируются возможности анализа онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте», но и была предпринята попытка получения информации о взаимодействиях волонтеров после игр. Исследователи доказали, что участие в олимпийских волонтерских программах способствует

расширению социального капитала волонтеров. Однако возникает вопрос, поддерживают ли волонтеры приобретенные социальные контакты как часть своего социального капитала.

На основе анализа таких показателей онлайн-сообщества олимпийских волонтеров «Подслушано | VOLUNTEERS» в социальной сети «ВКонтакте», как количество подписчиков и внешних участников сообщества, изменение количественных показателей наиболее

активных участников сообщества, а также количество действий участников сообщества и наиболее популярных публикаций сообщества на протяжении наблюдаемого периода с 2014 г. по 2021 г., нами были сделаны выводы о том, что олимпийские волонтеры продолжают взаимодействовать между собой с помощью с онлайн-сообщества «Подслушано | VOLUNTEERS» на протяжении всего рассматриваемого периода

времени; наиболее высокие показатели активности волонтеров в онлайн-сообществе отмечены с 2014 г. по 2016 г., далее активность участников в онлайн-сообществе снижается; самыми актуальными среди участников онлайн-сообщества являются темы волонтерства, включающие воспоминания о работе на играх, информацию о других волонтерских программах и другие темы, например туризма и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер К.С., Пименова А.А. (2014). Сравнительный анализ социальных сетей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. Т. 19, № 2. С. 634–635.
- Ветцель К.Я. (2020). Социальные медиа и социальные сети: проблемы терминологии и модели взаимодействия пользователей // Международный научно-исследовательский журнал. № 9-1 (99). С. 139–141. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.99.9.023>
- Гронский И.А. (2011). Социально-философские основания активности Интернет-аудитории в сетевой коммуникации: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород. 198 с.
- Ефимова Г.З., Зюбан Е.В. (2015). Социальные сети как элемент социально-экономического развития постиндустриального общества // Наукоедение. Т. 7, № 6 (31). С. 1–13. <http://doi.org/10.15862/118EVN615>
- Марарица Л.В., Титов С.М. (2017). Социальный мир человека в эпоху виртуальных социальных сетей // Информационное общество. № 2. С. 30–36.
- Мишулина С.И. (2014). Наследие Олимпиады 2014: развитие туристской инфраструктуры // Современные проблемы сервиса и туризма. Т. 8. № 4. С. 75–88. <https://doi.org/10.12737/6577>
- Намруева Э.В. (2020). Интернет-коммуникации как новый канал социального взаимодействия // Академическая мысль. № 3 (12). С. 50–52.
- Сухарькова М.П. (2016). Онлайн-активность олимпийского волонтерского движения «Сочи-2014» до и после игр // Информационное общество. № 6. С. 53–63.
- Черемисова И.В. (2016). Контент-анализ страниц активных пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. № 2 (16). С. 74–80. <https://doi.org/10.15688/jvolsu11.2016.2.9>
- Чураков А.Н. (2001). Анализ социальных сетей // Социологические исследования. № 1. С. 109–121.
- Якименко О.Д. (2014). Основные проблемы управления наследием Олимпийских игр // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. № 4 (110). С. 199–203. <https://doi.org/10.5930/issn.1994-4683.2014.04.110.p199-203>
- Adger W.N., Dessai S., Goulden M., Hulme M., Lorenzoni I., Nelson D.R., Naess L.O., Wolf J., Wreford A. (2009). Are there social limits to adaptation to climate change? // Climatic Change. V. 93, no. 3. Pp. 335–354. <https://doi.org/10.1007/s10584-008-9520-z>
- Baum T.G., Lockstone L. (2007). Volunteers and mega sporting events: Developing a research framework // International Journal of Event Management Research, V. 3, no. 1. Pp. 29–41.
- Bell B., Gallimore K. (2015). Embracing the games? Leverage and legacy of London 2012 Olympics at the sub-regional level by means of strategic partnerships // Leisure Studies. V. 34, no. 6. Pp. 720–741. <https://doi.org/10.1080/02614367.2014.994553>
- Boyd D.M., Ellison N.B. (2007). Social network sites: Definition, history, and scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. V. 13, no. 1. Pp. 210–230. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x>
- Burnett R., Marshall D. (2003). Web theory: An introduction Text. London; New York: Routledge. 242 p.
- Daly J.A. (1991). Volunteers in South Australian sport: a study. Canberra: Australian Sports Commission. 48 p.
- Dickson T.J., Darcy S., Edwards D., Terwiel F.A. (2015). Sport mega-event volunteers' motivations and postevent intention to volunteer: The Sydney World Masters Games, 2009 // Event Management. V. 19, no. 2. Pp. 227–245. <https://doi.org/10.3727/152599515X14297053839692>
- Doherty A. (2012). The volunteer legacy of a major sport event // Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events, V. 1, no. 3. Pp. 185–207. <https://doi.org/10.1080/19407960903204356>
- Gold J.R., Gold M.M. (2008). Olympic cities: Regeneration, city rebranding and changing urban agendas // Geography Compass. V. 2, no. 1. Pp. 300–318. <https://doi.org/10.1111/j.1749-8198.2007.00080.x>
- Green B.C., Chalip L. (1998). Sport volunteers: Research agenda and application // Sport Marketing Quarterly. V. 7, no. 2. Pp. 14–23.

- Hallmann K., Harms G. (2012). Determinants of volunteer motivation and their impact on future voluntary engagement: A comparison of volunteer's motivation at sport events in equestrian and handball // *International Journal of Event and Festival Management*. V. 3, no. 3. Pp. 272–291. <https://doi.org/10.1108/17582951211262701>
- Kim D., Park C., Kim H., Kim J. (2019). Determinants and outcomes of volunteer satisfaction in mega sports events // *Sustainability*. V. 11, no. 7. Pp. 1850–1863. <http://doi.org/10.3390/su11071859>
- Leopkey B., Parent M.M. (2017). The governance of Olympic legacy: process, actors and mechanisms // *Leisure Studies*. V. 36, no. 3. Pp. 438–451. <https://doi.org/10.1080/02614367.2016.1141973>
- Shin S., Kleiner B.H. (2003). How to manage unpaid volunteers in organisations // *Management Research News*. V. 26, no. 2/3/4. Pp. 63–71. <https://doi.org/10.1108/01409170310784005>
- Shipway R. (2007). Sustainable legacies for the 2012 Olympic Games // *The Journal of the Royal Society for the Promotion of Health*. V. 127, no. 30. Pp. 119–124. <https://doi.org/10.1177/1466424007077344>
- Strigas A. (2003). Motivational factors for student volunteers and the development of an incentive typology in sports settings // *Research Quarterly for Exercise and Sport*. V. 74, no. 1. Pp. 90.
- Strigas A.D., Jackson E.N. (2003). Motivating volunteers to serve and succeed: design and results of a pilot study that explores demographics and motivational factors in sport volunteerism // *International Sports Journal*. V. 7, no. 1. Pp. 111–124.
- Truno E. (1995). Barcelona: City of sport // *The Keys to Success: The Social, Sporting, Economic and Communications Impact of Barcelona'92* / edited by M. de Moragas, M. Botella. Barcelona: Servei de Publicacions de la UAB. Pp. 43–56.
- Wang H., Ju P., Xu H., Wong D. (2019). Are grassroots sports events good for migrant cities' sustainable development? A case study of the Shenzhen 100 km Hikathon // *Sustainability*. V. 11, no. 1. Pp. 256. <https://doi.org/10.3390/su11010256>
- Zhou Y., Wu Y., Yang L., Fu L., He K., Wang S., Hao J., Chen J., Li C. (2010). The impact of transportation control measures on emission reductions during the 2008 Olympic Games in Beijing, China // *Atmospheric Environment*. V. 44, no. 3. Pp. 285–293. <https://doi.org/10.1016/j.atmosenv.2009.10.040>
- Zhuang J., Girginov V. (2012). Volunteer selection and social, human and political capital: a case study of the Beijing 2008 Olympic Games // *Managing Leisure*. V. 17, no. 2-3. Pp. 239–256. <https://doi.org/10.1080/13606719.2012.67439701.2021>

REFERENCES

- Adger W.N., Dessai S., Goulden M., Hulme M., Lorenzoni I., Nelson D.R. and Wreford A. (2009), “Are there social limits to adaptation to climate change?”, *Climatic Change*, vol. 93, no. 3, pp. 335–354. <https://doi.org/10.1007/s10584-008-9520-z>
- Baum T.G. and Lockstone L. (2007), “Volunteers and mega sporting events: Developing a research framework”, *International Journal of Event Management Research*, vol. 3, no. 1, pp. 29–41.
- Bell B. and Gallimore K. (2015), “Embracing the games? Leverage and legacy of London 2012 Olympics at the sub-regional level by means of strategic partnerships”, *Leisure Studies*, vol. 34, no. 6, pp. 720–741. <https://doi.org/10.1080/02614367.2014.994553>
- Boyd D.M. and Ellison N.B. (2007), “Social network sites: Definition, history, and scholarship”, *Journal of Computer-Mediated Communication*, vol. 13, no. 1, pp. 210–230. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x>
- Burnett R. and Marshall D. (2003), *Web theory: An introduction Text*, Routledge, London, UK; New York, USA.
- Cheremisova I.V. (2016), “Content analysis of pages of active users of the “VKontakte” social network”, *Science Journal of Volgograd State University. Series II: Natural Sciences*, no. 2(16), pp. 74–80. (In Russian).
- Churakov A.N. (2001), “Analysis of social networks”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 109–121. (In Russian).
- Daly J.A. (1991), *Volunteers in South Australian sport: a study*, Australian Sports Commission, Canberra, Australia.
- Dickson T.J., Darcy S., Edwards D. and Terwiel F.A. (2015), “Sport mega-event volunteers' motivations and postevent intention to volunteer: The Sydney World Masters Games, 2009”, *Event Management*, vol. 19, no. 2, pp. 227–245. <https://doi.org/10.3727/152599515X14297053839692>
- Doherty A. (2012), “The volunteer legacy of a major sport event”, *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, vol. 1, no. 3, pp. 185–207. <https://doi.org/10.1080/19407960903204356>
- Efimova G.Z. and Zyuban E.V. (2015), “Role and place of the social networks in forming economic risks for users”, *Naukovedenie*, vol. 7, no. 6 (31), pp. 1–13. (In Russian).
- Gold J.R. and Gold M.M. (2008), “Olympic cities: Regeneration, city rebranding and changing urban agendas”, *Geography Compass*, vol. 2, no. 1, pp. 300–318. <https://doi.org/10.1111/j.1749-8198.2007.00080.x>
- Green C. and Chalip L. (1998), “Sport volunteers: Research agenda and application”, *Sport Marketing Quarterly*, vol. 7, no. 2, pp. 14–23.
- Gronskii I.A. (2011), *Socio-philosophical foundations of the activity of the Internet audience in network communication*: dis. ... Cand. Sci. (Philos.): 09.00.11, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia, 198 p. (In Russian).

- Hallmann K. and Harms G. (2012), “Determinants of volunteer motivation and their impact on future voluntary engagement: A comparison of volunteer’s motivation at sport events in equestrian and handball”, *International Journal of Event and Festival Management*, vol. 3, no. 3, pp. 272–291. <https://doi.org/10.1108/17582951211262701>
- Kim D., Park C., Kim H. and Kim J. (2019), “Determinants and outcomes of volunteer satisfaction in mega sports events”, *Sustainability*, vol. 11, no. 7, pp. 1850–1863. <http://doi.org/10.3390/su11071859>
- Leopkey B. and Parent M.M. (2017), “The governance of Olympic legacy: Process, actors and mechanisms”, *Leisure Studies*, vol. 36, no. 3, pp. 438–451. <https://doi.org/10.1080/02614367.2016.1141973>
- Mararitsa L.V. and Titov S.M. (2017), “Social world of the personality in the virtual networks era”, *Information Society*, no. 2, pp. 30–36. (In Russian).
- Mishulina S.I. (2014), “The legacy of the 2014 Olympics: the development of tourist infrastructure”, *Service and Tourism: Current Challenges*, vol. 8, no. 4, pp. 75–88. (In Russian).
- Namrueva E.V. (2020), “Internet communications as a new channel of social interaction”, *Academic Thought*, no. 3(12), pp. 50–52. (In Russian).
- Shin S. and Kleiner B.H. (2003), “How to manage unpaid volunteers in organisations”, *Management Research News*, vol. 26, no. 2,3, 4, pp. 63–71. <https://doi.org/10.1108/01409170310784005>
- Shipway R. (2007), “Sustainable legacies for the 2012 Olympic Games”, *The Journal of the Royal Society for the Promotion of Health*, vol. 127, no. 30, pp. 119–124. <https://doi.org/10.1177/1466424007077344>
- Strigas A. (2003), “Motivational factors for student volunteers and the development of an incentive typology in sports settings”, *Research Quarterly for Exercise and Sport*, vol. 74, no.1, pp. 90.
- Strigas A.D. and Jackson E.N. (2003), “Motivating volunteers to serve and succeed: Design and results of a pilot study that explores demographics and motivational factors in sport volunteerism”, *International Sports Journal*, vol. 7, no. 1, pp. 111–124.
- Sukharkova M.P. (2016), “Online activity of the Olympic volunteer movement “Sochi-2014” before and after the games”, *Information Society*, no. 6, pp. 53–63. (In Russian).
- Truno E. (1995), “Barcelona: City of sport”, *The Keys to Success: The Social, Sporting, Economic and Communications Impact of Barcelona '92*, edited by de Moragas, M., Botella, M., Servei de Publicacions de la UAB, Barcelona, Spain. pp. 43–56.
- Wang H., Ju P., Xu H. and Wong D. (2019), “Are grassroots sports events good for migrant cities’ sustainable development? A case study of the Shenzhen 100 km Hikathon”, *Sustainability*, vol. 11, no. 1, pp. 256. <https://doi.org/10.3390/su11010256>
- Weber K.S. and Pimenova A.A. (2014), “Comparative analysis of social networks”, *Tambov University Reports. Series Natural and Technical Sciences*, vol. 19, no. 2, pp. 634–635. (In Russian).
- Wetzel K.Ya. (2020), “Social media and social networking services: terminological problems and user communication models”, *International Research Journal*, no. 9-1 (99), pp. 139–141. (In Russian). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.99.9.023>
- Yakimenko O.D. (2014), “The main problems of Post-Olympic Games legacy and sustainability management”, *Uchenye zapiski universiteta imeni PF Lesgafta*, no. 4(110), pp. 199–203. (In Russian). <https://doi.org/10.5930/issn.1994-4683.2014.04.110.p199-203>
- Zhou Y., Wu Y., Yang L., Fu L., He K., Wang S., Hao J., Chen J. and Li C. (2010), “The impact of transportation control measures on emission reductions during the 2008 Olympic Games in Beijing, China”, *Atmospheric Environment*, vol. 44, no. 3, pp. 285–293. <https://doi.org/10.1016/j.atmosenv.2009.10.040>
- Zhuang J. and Girginov V. (2012), “Volunteer selection and social, human and political capital: a case study of the Beijing 2008 Olympic Games”, *Managing Leisure*, vol. 17, no. 2-3, pp. 239–256. <https://doi.org/10.1080/13606719.2012.674397>

TRANSLATION OF FRONT REFERENCES

- ¹ Volkov D., Goncharov S. (2020), Russian Media Landscape-2020, *Levada-Center (Yuri Levada Analytical Center)*. Available at: <https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandschaft-2020> (accessed 10.06.2021).
- ² Gaitbaeva S. (2020), The audience of the six largest social networks in Russia in 2020: studying insights, *PPC.World*. Available at: <https://ppc.world/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insayty/> (accessed 10.06.2021).
- ³ VKontakte (2021) Online community “Sochi-2014 Volunteers”. Available at: http://vk.com/sochi2014_volunteers (accessed 10.06.2021).
- ⁴ VKontakte (2021) Online community “Overheard | VOLUNTEERS SOCHI 2014”. Available at: http://vk.com/overhear_sochi2014 (accessed 10.06.2021).